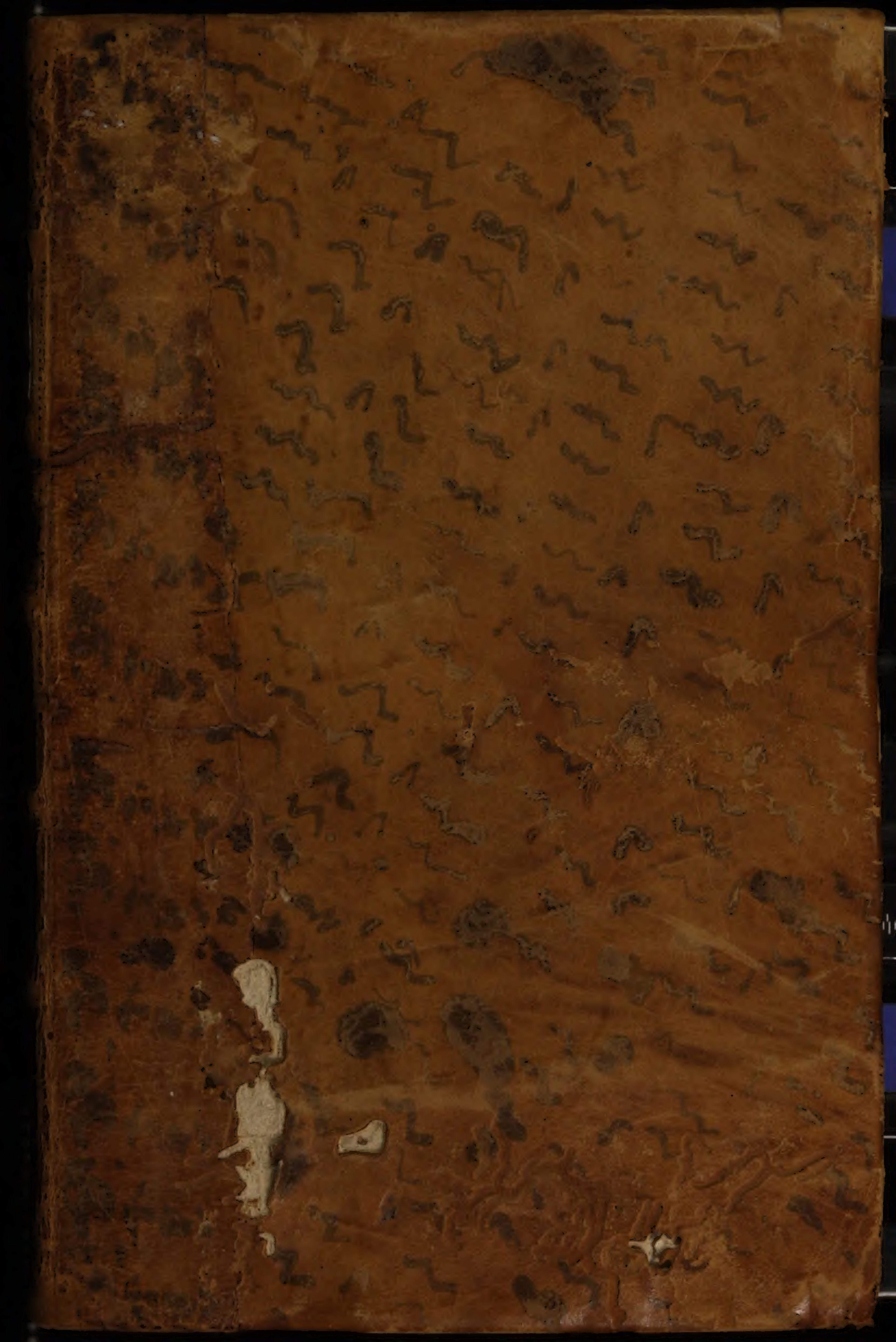
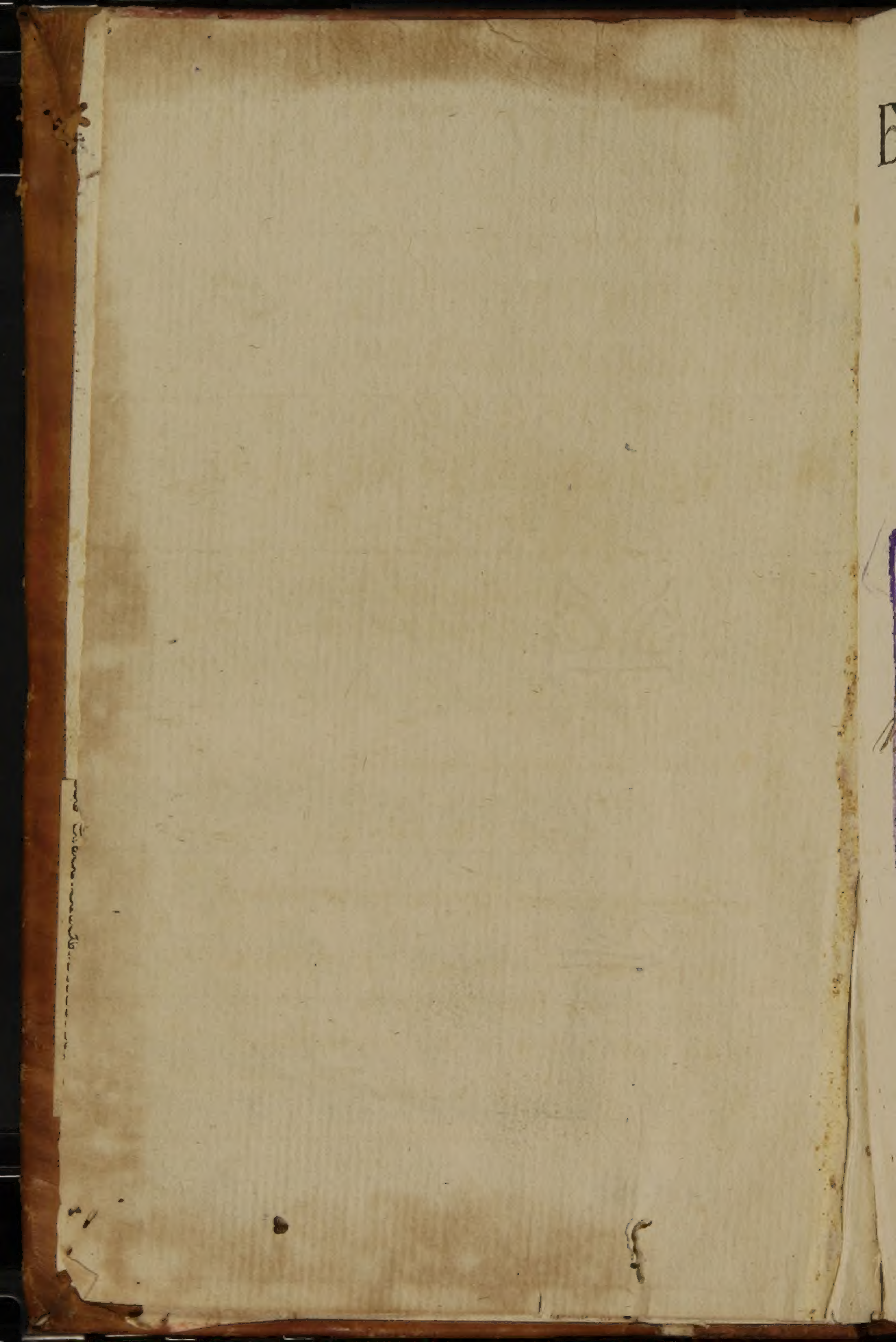

БИБЛІОТЕКА

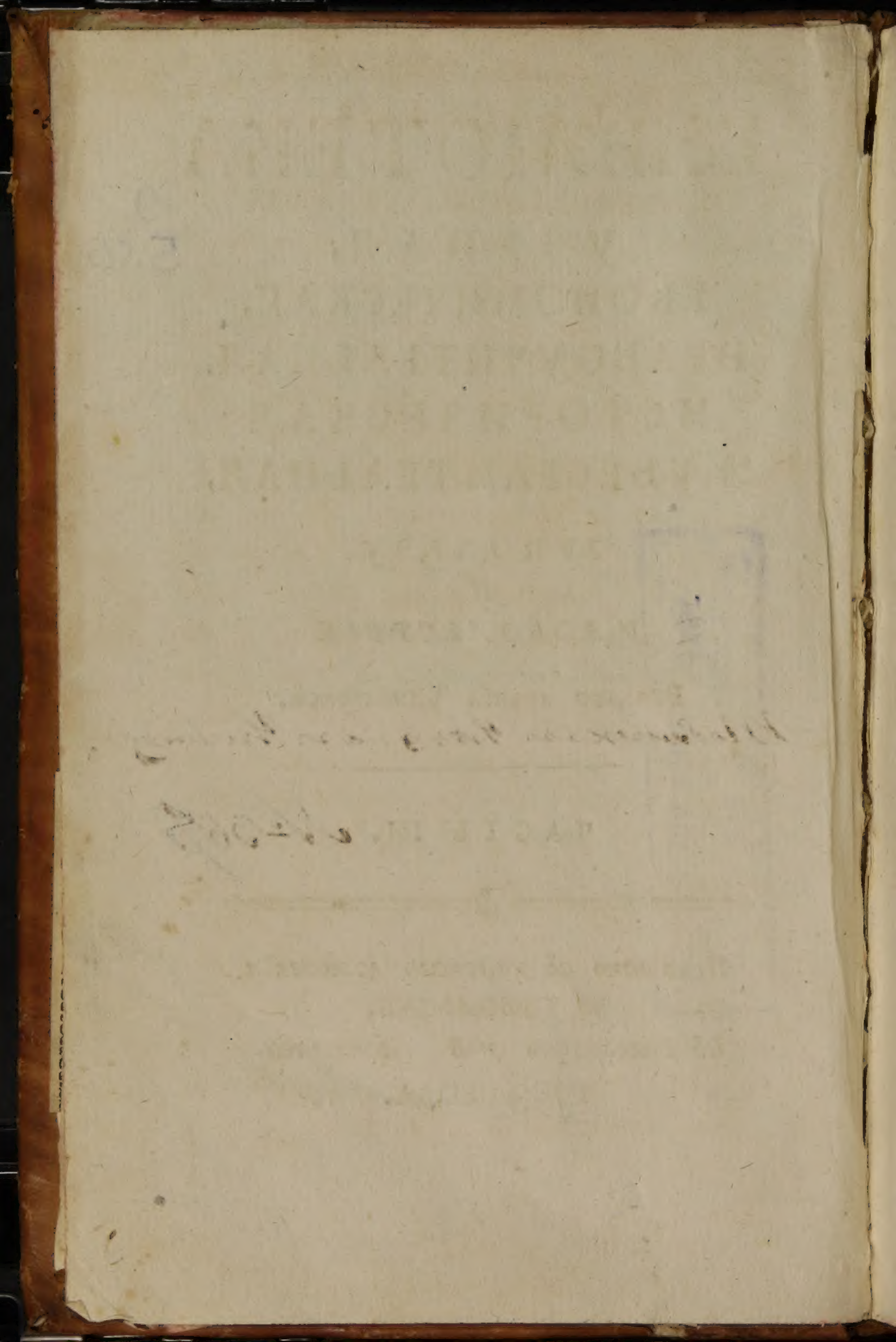
УЧЕНАЯ, ЕКОНОМИЧЕСКАЯ, НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ III.

Печатано съ указнаго дозволенія
въ ТОБОЛЬСКѢ,
въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

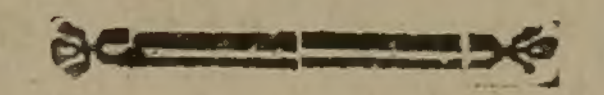
ОБЪЯВЛЕНІЕ

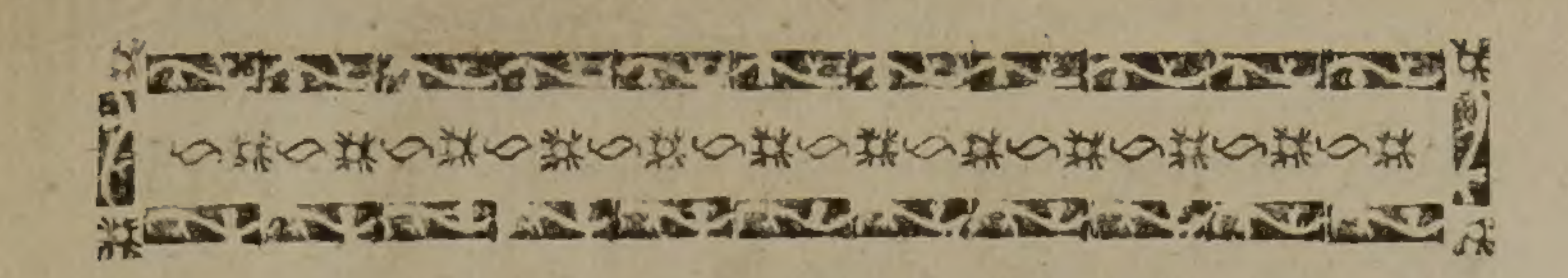
ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКѢ.

Хотя въ прошломъ 1792 году въ объявленіи о сей книгѣ, напечатанномъ при Московскихъ и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, и было сказано, что подписка на нее продолжится только до Генваря сего года; но какъ въ теченіи осми мѣсяцовъ малое только число особъ на оную подписалися, имѣя небезъосновательную причину не довѣрять не извѣстному Издателю въ выполненіи его обѣщанія; то, дабы не подать поводу къ подозрѣнію, что желаютъ употребить во зло довѣренность Почтенной Публики, чрезъ сіе объявляется, что подписка на сію книгу продолжится во весь наступившій годъ, по прежде-назначенной цѣнѣ, то есть: въ Тобольскѣ десять рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по почтѣ пятнадцать рублей.

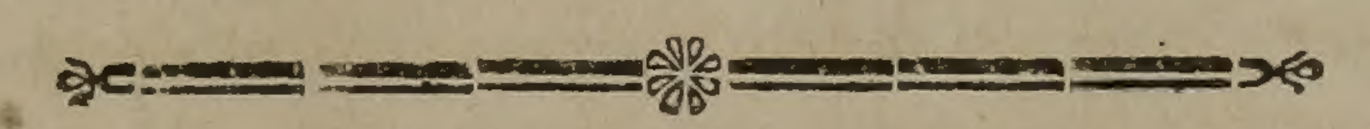
Господа любители учености приглашаются обогащать сїю книгу своими творенїями, или переводами, какого бы они роду не были, въ стихахъ и прозѣ, кои съ великою благодарностїю будутъ помѣщены въ сїе изданїе.

П. С.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О *ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.*

О МЕДИЦЫНѢ.

Нашедъ способы поддерживать жизнь свою, люди симъ не удовольствовалися; но стали помышлять, какъ бы обрѣсти средства возстановлять разстроенное здоровье. Для сего-то, по долговременнымъ опытамъ, изобрѣтено лѣкарское искусство, заключающее въ себѣ двѣ части, которыя состоятъ, одна въ

предупрежденіи болѣзней, а другая въ изцѣленіи оныхъ.

Искусство предупреждать болѣзни, столь извѣстное древнимъ, но въ наши времена, со всѣмъ почти, оставленное, состояло въ умѣренной пищи и въ тѣлодвиженіи. Древніе ѣдали мало: они собственно, такъ сказать, ѣдали только по одному разу въ день, около четырехъ часовъ по полудни; они не вѣдали еще пагубнаго искусства возбуждать охоту къ ѣдѣ, когда желудокъ не чувствуетъ ни малаго на оную позыву. Сахаръ и крѣпкіе напитки, столь много нами употребляемые, были еще имъ не извѣстны; сверьхъ же того, они упражнялися въ ристаніи, въ борьбѣ, въ плаваніи, въ верьховой ѣздѣ, въ мѣтаніи кружковъ, въ стрѣляніи изъ луковъ, и носили на себѣ весьма тяжелыя брони. Необходимость, употреблять въ сраженіяхъ всѣ силы, учиняло имъ всѣ сіи упражненія,

такъ же необходимо нужными. Наконецъ, у древнихъ весьма мало было тѣхъ людей, коихъ мы называемъ Статскими, дѣловыми и проч. но много было такихъ, кои упражнялися въ художествахъ, въ земледѣліи и въ трудномъ военномъ искусствѣ. Политика не изобрѣла еще въ то время тайны присоединять преимущества и отличія къ должностямъ, неприносящимъ ни малой пользы Государству, дабы чрезъ то приводить въ разореніе частныхъ людей, ласкаяихъ гордости.

У древнихъ, Аѳлеты, то есть борцы, имѣли особливое искусство, учинять тѣло здравымъ и сильнымъ. Они ни чего такого не ѣдали, что можетъ придать остроты крови, воздерживалися отъ изнуряющихъ утѣхъ, и укрѣпляли нервы свои частымъ мазаніемъ масломъ, и благоразумно разпредѣляемымъ движеніемъ; они до того доводили свои силы, что могли нести на

плечахъ своихъ быка чрезъ цѣлое поприще, или вышибить кулакомъ зубы лошади.

По причинѣ упадка сего искусства, начали употреблять, для сохраненія и возстановленія здравія, врачебную науку, или Медицыну, собственно такъ называемую: подъ симъ разумѣется не токмо наука о болѣзняхъ и лѣкарствахъ отъ оныхъ, но еще и Хирургія (лѣченіе наружныхъ болѣзней).

Мы обязаны открытіемъ Медицыны нечаянымъ случаямъ и нѣкоторымъ животнымъ, коихъ побужденіе, превосходящее иногда и самый разумъ, научило ихъ, безъ всякаго размышленія, средствамъ очищать желудокъ, и унимать текущую изъ ранъ кровь. Медицына, говоритъ Плиній, заняла одно изъ своихъ лѣкарствъ у Ипопотама (морскаго коня); ибо сей звѣрь, чувствуя себя надмѣру жирнымъ и тяжелымъ, идетъ на морской бе-

регЪ вЪ тростникЪ, и выбравЪ самую острую трость, прокалываетЪ оною себѣ вЪ ногѣ жилу, и выпустивЪ изЪ оной нѣкоторое количество крови, исцѣляется чрезЪ то отЪ немощей, которые она ему причиняла; по томЪ отверстіе жилы замазываетЪ иломЪ. ТотЪ же авторЪ увѣряетЪ насЪ, что нѣчто, подобное сему, разсказываютЪ о нѣкоторой птицѣ, вЪ Египтѣ находящейся, называемой ИбисомЪ; посредствомЪ своего долгаго и загнутаго носу, она впускаетЪ морской воды вЪ тотЪ каналЪ, чрезЪ которой здоровье ея требуетЪ, чтобЪ испражненія выходили. Олѣни и дикія козы научили насЪ, что трава ДиктамЪ или Ясенница, способна для извлеченія стрѣлЪ изЪ тѣла: ибо, лишь только почувствуютЪ они себя раненными стрѣлою; то поѣвши сей травы, стрѣла изЪ нихЪ выпадаетЪ; ядѣніемЪ сей же травы исцѣляются они отЪ укушенія ядо-

витаго паука, или другаго какого насѣкомаго. Сей Диктамъ есть такъ же превосходное лѣкарство отъ ужаленія змѣй; а симъ открытіемъ одолжены мы ящерицѣ, которая, какъ примѣчено многократно, прибѣгаетъ къ Диктаму, для полученія новыхъ силъ, когда она почувствуетъ себя уязвленною тѣмъ родомъ змѣй, съ которыми она всегда въ несогласіи. Ласточки научили насъ, что трава Чистотѣлъ (Хелидонія) весьма дѣйствительна отъ глазной боли, и по тому, что они натираютъ оною глаза своихъ дѣтей, когда они у нихъ болятъ. Змѣя научила такъ же употреблять отъ сей болѣзни укропъ и можжевельникъ; ибо, когда зрѣніе ея потускнетъ, по причинѣ долговременнаго зимою ея пребыванія въ темнотѣ, то, для прочищенія глазъ, третъ она ихъ объ укропъ; естьли же чешуя у ней онѣмѣетъ; то она трется о можжевельникъ. Драконъ

лѣчится весною дикимъ Латукомъ, для очищенія своей желчи. Не пауки ли насъ научили разставлять сѣти? Не отъ животныхъ ли мы переняли мореплаваніе? Когда журавли, говоритъ Аристотель, пролѣтаютъ чрезъ море въ теплѣйшія страны; то составляютъ треугольникъ. Переднимъ угломъ разсѣкаютъ они воздухъ, имъ противящійся; по бокамъ машутъ они крыльями, кои служатъ имъ вмѣсто веселъ, для облегченія ихъ пути; базисъ же или основаніе сего треугольника, спомоществуется вѣтромъ, которой имъ дуетъ такъ, какъ въ корму: журавли, назади находящіеся, кладутъ шею свою и голову на тѣхъ, кои въ переди, и такъ далѣе, но самый передній, или проводникъ, не можетъ имѣть сего облегченія, по тому, что не на кого ему оперѣться, и для того улѣтаетъ назадъ для оподокновенія, и смѣняется другимъ, кото-

рой уже отдохнулЪ, и во все продолженіе ихЪ пути тотЪ же порядокЪ наблюдается. Сколь пріятно видѣть бѣлку на древесной коркѣ, которая служитЪ ей вмѣсто лодки, преплывающую воды, сЪ помощію вѣтровЪ, кои дуютЪ, и управляютЪ ея распушеннымЪ хвостомЪ на подобіе паруса! Я бы ни когда не кончилЪ, естьли бы сталЪ упоминать о всѣхЪ открытіяхЪ, коими мы обязаны животнымЪ, по сказанію многихЪ древнихЪ писателей.

Поелику сЪ начала не было особливаго корпуса Медицыны, и какЪ сія наука была разсѣяна во всемЪ народѣ; то каждой не только былЪ собственнымЪ своимЪ лѣкаремЪ, но еще и лѣчилЪ другихЪ. ОдинЪ древній писатель повѣствуетЪ, что вЪ нѣкоторомЪ АссирійскомЪ городѣ находилася вЪ срединѣ площади народная больница, отверстая каждому, и вЪ которую всякой гражданинЪ входилЪ предписывать лѣ-

карства, коихъ силу испыталъ онъ прежде.

Не прежде, какъ по прошествіи многихъ вѣковъ, Медицына учинилася полною наукою, когда собравъ рачительно различные опыты, во всѣхъ странахъ учиненные, привели ихъ въ порядокъ. Самое древнѣйшее собраніе, которое мы имѣемъ, такихъ опытовъ, есть Ипократово, къ коему, только что въ послѣдствіи, многое было прибавляемо, по мѣрѣ умноженія открытій.

Самое важнѣйшее открытіе, учиненное въ Медицынѣ въ наши времена, и которое наиболѣе исправило и привело въ совершенство сію науку, есть циркуляція крови, или короче сказать, *кровообращеніе*. Вильгельмъ Гарвей, славный Аглинскій врачь, бывшій много лѣтъ Лейбъ-Медикомъ Короля Карла I, есть тотъ, которому вообще приписываютъ открытіе кровообращенія. Сначала дѣлано было множество опро-

верженій на сію новость; но наконецъ надлежало уступить очевиднымъ доказательствамъ Аглинскаго врача, которой умеръ въ 1657 году. Нѣкоторые утверждаютъ, что Серветъ, сожженный въ Женевѣ въ 1553 году, за многія обнародованныя имъ ереси о Пресвятой Троицѣ, упоминалъ о томъ въ одной изъ своихъ книгъ. Другіе приписываютъ сію честь Ипократу. Но какъ бы то ни было, по справедливости можно сказать, что Медикъ Гарвей, первый изъяснилъ и утвердилъ сіе открытіе, и что оное произвело великія перемѣны въ способѣ исцѣлять больныхъ. Микроскопъ присоединился по томъ къ догадкамъ человѣческаго разума, и съ помощію сего орудія, увидѣли столь ясно теченіе крови, какъ мы простыми глазами видимъ теченіе рѣкъ.

По учиненіи сего важнаго открытія, упали всѣ древнія системы и нелѣпыя причины, кои почиталися

источникомъ всѣхъ болѣзней. Изъ начала, совершенно различнаго, извлекли совершенно противоположныя заключенія, кои служили намъ путеводителями въ великомъ множествѣ дѣйствій. Съ помощію сихъ новыхъ откровеній, отважилися учинять крововпусканіе, (о коемъ говорилъ уже я въ I части сея книги,) и прививать оспу.

Сіе открытіе было также причиною, что начали съ новымъ жаромъ стараться познавать тѣло человѣческое. Дѣлали, почти ежедневно, новыя открытія: одинъ находилъ сообщеніе питательнаго сока съ кровію; иные увидѣли жилы, опредѣленныя для сего кровообращенія; другой находилъ каналы сихъ жидкостей. Для лучшаго же въ томъ успѣха, раздѣлили они сей трудъ: одни взяли глаза за предметъ своего ученія, другіе занялися разсматриваніемъ мозга; сіе-то произвело

тѣ удивительные успѣхи, учиненные по томъ въ Медицынѣ и Хирургіи.

О МОРЕПЛАВАНІИ.

Мы обязаны мореплаванію наслажденіемъ и обладаніемъ произведеній отдаленныхъ странъ; посредствомъ сего искусства старый и новый свѣтъ подаютъ, такъ сказать, другъ другу руку, и снабжаютъ себя взаимною помощію.

Дабы знать, каково было мореплаваніе при своемъ началѣ, стоитъ только припомнить, въ какомъ состояніи найдены Американцы, когда Европейцы пристали къ ихъ берегамъ. Они были не иное что, какъ рыболовы, плавающія у берега, и для облегченія своего таскающія съ собою выдолбленный древесный пѣнь, на коемъ время отъ времени они отдыхали. Когда же увидѣли они

приплывающіе къ ихъ берегу военные корабли, извергающіе смертоносное желѣзо и пламя, и когда увидѣли людей, сидящихъ на лошадяхъ и носящихся по полямъ; то почли всѣ сіи предметы за чудовищъ, сошедшихъ съ небесъ, къ коимъ, думали они, что примыкаютъ высокія водяныя горы, глазамъ ихъ представляющіяся.

Сначала плавали на небольшихъ лодкахъ съ однимъ весломъ; потомъ умножили число оныхъ; наконецъ, для скорѣйшаго плаванія, удвоили рядъ гребцовъ. Нѣкто, примѣтя, какое употребленіе дѣлаютъ птицы изъ своихъ хвостовъ, плавая по воздуху, сдѣлалъ по сему образцу кормило. Другой, пользуяся открытіями своего предшественника, далъ кораблямъ крылья, или парусы, которыя третій привелъ въ совершенство, взявъ примѣръ съ птицъ, кои дѣйствуютъ крыльями своими различно, дабы и

противный вѣтръ не мѣшалъ имъ лѣтать. Такимъ-то образомъ, мало по малу, сіе искусство приходило въ совершенство.

Корабли раздѣляются на *военные*, на *корабли по военному оснащенные*; на *купеческіе* и на *грузные*.

Военные корабли раздѣляются на пять ранговъ, и сіе раздѣленіе состоитъ въ долготѣ киля, въ числѣ пушекъ и людей, составляющихъ екипажь, такъ же въ числѣ или въ проворствѣ оборотовъ и въ толстотѣ лѣса, употребляемаго кораблестроителемъ.

Корабли перваго ранга подымаютъ отъ 90, до 100 пушекъ, и на нихъ помѣщается отъ 900, до 1150 человѣкъ. Грузъ ихъ состоитъ отъ 1200, до 1500 бочекъ: они одни только изо всѣхъ кораблей имѣютъ двѣ палубы, протянутыя отъ одного конца корабля до другова.

Корабли втораго ранга поднимаютъ отъ 70, до 76 пушекъ, и

имѣютъ отъ 540, до 550 человѣкъ екипажа.

Третьяго ранга поднимаютъ отъ 56, до 66 пушекъ, и имѣютъ отъ 330, до 460 человѣкъ екипажа.

Четвертаго ранга корабли поднимаютъ отъ 40, до 50 пушекъ, и имѣютъ отъ 250, до 300 человѣкъ екипажа.

Наконецъ, пятаго ранга корабли поднимаютъ отъ 30, до 32 пушекъ, и имѣютъ отъ 170, до 180 человѣкъ екипажа.

Другіе морскіе суда суть слѣдующіе:

Легкіе фрегаты, поднимаютъ отъ 16, до 40 пушекъ; они весьма легко идутъ на парусахъ, и имѣютъ одну только палубу.

Брандеры суть суда, наполненныя горючими матеріями: ихъ стараются прицѣплять къ непріятельскимъ кораблямъ, для сожженія.

Бомбандирные галіоты, кои не могутъ быть употребляемы, кромѣ,

какЪ вЪ самую тихую погоду: поелику они суть низкобортные суда, какЪ галеры гребныя и парусныя.

Есть еще особливыя суда, кои служатЪ во флотѣ магазейнами или больницами, и на коихЪ перевозятЪ иногда съѣстные припасы, аммуницію и войска.

Барки суть суда о трехЪ мачтахЪ, одна большая, средняя и малая. Длинная барка бываетЪ безЪ палубы, и ходитЪ на парусахЪ и на веслахЪ.

Тартаны на СредиземномЪ морѣ, суть барки обЪ двухЪ мачтахЪ.

Бригантины суть не большіе корабли на СредиземномЪ морѣ, низкобортные, и ходятЪ на парусахЪ и на веслахЪ. Сіе судно весьма легко и удобно для морскихЪ разбойниковЪ.

Шлюбки суть малыя суда, употребляемыя на небольшія переѣздки, какЪ на примѣрЪ, на сношеніе корабля сЪ кораблемЪ и проч. Фе-

мука есть то же на средиземномъ морѣ.

Корветта, подобна длинной баркѣ, ходящей на парусахъ и на веслахъ. Ихъ всегда бываетъ нѣкоторое число во флотѣ, для рекогносцированія, и для развезенія извѣстій.

Яхта есть судно съ палубою и съ тремя мачтами; она обыкновенно служитъ для прогулокъ, или небольшихъ переѣздовъ.

Главнѣйшія части корабля суть: Киль, которой есть основаніе корабля, и состоитъ изъ многихъ сложенныхъ частей, на коихъ вся громада корабля утверждена. Когда сія часть корабля повредится; то корабль въ худомъ состояніи.

Носъ есть передняя часть корабля, предъ которымъ находится, такъ называемая Шпора, или разрѣзъ, служащая къ разсѣченію воды, для корабельнаго шествія.

Корма есть задЪ корабля, то мѣсто, гдѣ утвержденЪ руль.

Шканцы, или заднее возвышеніе корабля, состоитЪ изЪ трехЪ, или четырехЪ ярусовЪ; самое нижнее изЪ оныхЪ есть сухарный и пороховый могазейны; по томЪ Капитанская каюта, предЪ которою стоитЪ компасЪ; а на верьху стоитЪ часовой.

Отверстія, находящіяся по бокамЪ корабля, называются Порты, или Амбразуры, кои служатЪ для помѣщенія пушекЪ: на кораблѣ находится столько же рядовЪ ПортовЪ, сколько ПалубЪ.

Прочія главныя части вЪ кораблѣ суть мачты, кЪ коимЪ прикрѣпляются райны и парусы, для уловленія способнаго кЪ плаванію вѣтра.

Большіе корабли бываютЪ обыкновенно о четырехЪ мачтахЪ, а иногда прибавляютЪ и пятую; большая мачта есть главнѣйшая; вторая

передовая, находящаяся между большою мачтою и носомЪ; третья между кормою и большою мачтою; четвертая становится на шпорѣ у носа: сіи мачты имѣютЪ по одному, или по многу колѣнЪ, изЪ коихЪ всякое имѣетЪ особливое наименованіе.

Парусы называются такЪ же по мачтамЪ, кЪ коимЪ они прикрѣплены сЪ ихЪ райнами, кои суть куски дерева, имѣющіе вЪ срединѣ болѣе толщины, нежели по концамЪ; видЪ парусовЪ бываетЪ или четвероугольной, или треугольной. СимЪ послѣднимЪ МанеромЪ сдѣланы, почти, всѣ паруса Средиземнаго моря.

На большихЪ корабляхЪ бываетЪ обыкновенно по десяти парусовЪ; но, смотря по нуждѣ, число оныхЪ прибавляется по бокамЪ. Китайцы дѣлаютЪ свои парусы изЪ тростнику.

Названіе паруса, равно, какЪ и вѣтра, имѣетЪ многія значенія: говорятЪ *поднять парусы*; сіе зна-

читъ пуститься въ море; *стоять подъ парусами* значитъ, когда корабельныя парусы распущены; *спустить парусы* значитъ, опустить ихъ съ ихъ райнами внизъ мачты и проч.

Названіе вѣтра имѣетъ такъ же многія значенія, и объ ономъ иначе на морѣ не говорятъ, какъ румбами, полурумбами, четвертьрумба, получетвертирумба, кои суть прямыя линѣи, начертанныя на морскихъ картахъ, и назначонныя на морскомъ компасѣ, которой служитъ къ показанію пути кораблю изъ одного мѣста въ другое.

Вѣтры раздѣляются на 32, и подраздѣляются на румбы.

Грузить корабль значитъ, взять извѣстное количество пѣску, каменьевъ, или желѣза, и положить все сіе на дно корабля, дабы оной погрузился нѣсколько въ воду, и находился бы въ равновѣсіи.

Первыя морскія путешествія были весьма непродолжительны, и

состояли токмо въ плаваніи у берега, не выпуская изъ глазъ земли. Можетъ быть первыя мореплаватели обязаны были бурямъ открытіемъ новыхъ странъ, и по томъ предпринимали уже продолжительнѣе прежнихъ путешествія.

Причина, препятствовавшая въ прежнія времена пускаться въ открытое море, и предаваться, какъ нынѣ, свирѣпостямъ Океана, было незнаніе, въ которую сторону направлять путь: ибо, поелику тогда путешествовали только съ помощію полярной звѣзды, а какъ день или чрезмѣрная мрачность ночи скрывали оную большую часть времени отъ глазъ кормчаго, то отъ сего они съ прямаго пути сбивалися, иногда въ лѣво, думая итти въ право, и въ право, когда хотѣли плыть на лѣво, подвергаяся при томъ всякую минуту опасности, разбиться о какой нибудь подводной камень.

Изобрѣтеніе компаса уничтожило всѣ сіи неудобства. Сіе орудіе начали употреблять въ третьемъ-надесять столѣтіи. Древніе хотя и знали Магнитъ и свойство, которое имѣетъ онъ, притягивать желѣзо; но до помянутаго столѣтія не было примѣчено, какъ его свойство, такъ и сообщаемое имъ желѣзу, обращаться къ Сѣверному полюсу, свойство столь благопріятствующее пловцамъ, для показанія имъ пути во всякое время, днемъ и ночью. Иванъ Гойа, мореходецъ Мельфійскій изобрѣлъ столь драгоцѣнное для мореплаванія орудіе.

Варфоломей Діасъ, Португалецъ, первый съ помощію сего путеводителя, оставилъ прежнюю дорогу въ Индію, и отважился плыть туда по другой, мимо Африканскаго мыса, названнаго имъ мысомъ мученія, и наимянованнаго по томъ *мысомъ доброй надѣжды.*

Частыя и продолжительныя морскія путешествія принесли множество выгодЪ мореплаванію, изЪ коихЪ первая есть та, что морскія карты приведены чрезЪ то вЪ совершенство, и что сЪ помощію такихЪ картЪ начали путешествовать по морю сЪ такою же, почти, безопасностію, какЪ и по сухому пути.

Славнѣйшее дѣяніе мореплаванія есть открытіе Америки. ХристофорЪ КолумбЪ, родившійся вЪ 1442 году вЪ одной Генуезской деревнѣ, примѣтивЪ, что западной вѣтерЪ дуетЪ по обыкновенію чрезЪ нѣсколько дней сряду сЪ довольно равною силою, разсудилЪ, что такой вѣтрЪ долженЪ происходить отЪ какихЪ нибудь земель. ВЪ семЪ удостовѣреніи, отправился онЪ изЪ Палоской гавани вЪ Естремадурѣ, и по двух-мѣсячномЪ плаваніи, прибылЪ кЪ острову Кубѣ и Св: Екатерины, кои находятся по близости Материка Американскаго.

Географія, Астрономія и многія другія науки усовершенствовалися съ мореплаваніемъ. Узнали, что земля кругла: ибо, приближаяся къ югу, увидѣли, что звѣзды сѣверныя опускаются, а полуденныя поднимаются. Въ то время уже догадывалися, что земля вертится на своей оси, съ тѣхъ поръ, какъ съ помощію телескопа примѣчено, что Марсъ и Венера вокругъ себя обращаются; но не осталось въ томъ ни малаго сомнѣнія, когда увидѣли, что между поворотными кругами дуетъ беспрестанный восточный вѣтръ, въ обѣихъ земныхъ полушаріяхъ. На конецъ древніе были въ томъ мнѣніи, что подъ Екваторомъ и за Полярными кругами не можно жить; но сіе заблужденіе совершенно опровержено многими путешествіями, учиненными за Екваторъ и за Полярныя круги.

Продолженіе будетъ впредь.

НѢЧТО О ИСКОПАЕМЫХЪ ВЕЩЕСТВАХЪ.

Ископаемымъ называется все то, что добывается изъ земли, раскопавъ оную на нѣкоторую глубину.

Самородная сѣра находится въ окрестностяхъ огнедышущихъ горъ и индѣ.

Земляная смола, или Асфальтъ походитъ весьма свойствомъ своимъ на сѣру; иногда собираютъ оную въ видѣ ломкихъ глыбъ, но жирныхъ и горючихъ.

Обыкновенно земляная смола выходитъ изъ земли на водяную поверхность, по которой плаваетъ она въ видѣ черняго масла, сгущающагося на воздухѣ. Такимъ-то образомъ находятъ ее въ нѣкоторыхъ источникахъ и на водахъ Мертваго моря, или Асфалтическаго озера, покрывающаго древнюю долину Содомскую.

Каменное масло, вытекающее во многихъ странахъ изъ подъ каменныхъ горъ, и Нѣфть, имѣющая свойство горѣть подъ водою, суть роды земляной смолы. Ихъ употребляютъ обыкновенно на смоленіе кораблей, канатовъ и всего того, что хотятъ учинить непроницаемымъ водѣ.

Нѣфть составляетъ главную красоту потѣшныхъ огней. Вѣроятно, что она входила въ составъ столь славнаго въ Исторіи среднихъ вѣковъ Греческаго огня, которой, когда бросали оной въ непріятелей, прилипалъ къ платью воиновъ и горѣлъ, не взирая на всевозможныя ихъ старанія потушить его.

Камфара, которая такъ же горитъ на водѣ, можетъ быть свойствомъ своимъ весьма подобна земляной смолѣ, но не въ числѣ ископаемыхъ: ибо она есть родъ смолы, вытекающей изъ нѣкоторыхъ

деревьевЪ, вЪ Китаѣ и вЪ Борнео растущихЪ, подЪ коими находятЪ ея ссѣвшуюся ступками различной величины.

Желтая Амбра, или Янтарь, имѣетЪ вЪ себѣ Електрическую силу, то есть будучи потертЪ, имѣетЪ свойство притягивать солому и прочія легкія тѣла. Г. ГартманЪ, искусный и ученый ПруссакЪ, далЪ намЪ знать, что сей янтарь не вЪ одномЪ морѣ и по берегамЪ находится, куды наноситЪ его сильными вѣтрами, но что его находятЪ и вЪ землѣ во многихЪ мѣстахЪ Пруссіи, обыкновенно между купоросными и смолистыми веществами, кои лежатЪ слоями одна на другой, на подобіе тонкихЪ листовЪ, походящихЪ сЪ перваго вида на дерево. Сей янтарь составляетЪ одинЪ изЪ главнѣйшихЪ доходовЪ Короля Прусскаго, которой присвоилЪ себѣ владѣніе онаго.

Соль самосадка, Морская соль, и соленыхъ колодцовъ имѣютъ одно произхожденіе. По видимому, вода во время всемірнаго потопа положила въ землю сіи глыбы соли, кои находятъ весьма твердыми и блестящими, какъ Хрусталь. Дождевая вода, омывающая сіи соляныя глыбы, смываетъ съ нихъ нѣкоторую часть и влечетъ съ собою въ соляныя колодцы. Соль отдѣляется отъ воды посредствомъ кипѣнія, а морская соль отъ воды посредствомъ испаренія. Всѣ сіи соли, хотя и одного суть рода, но цвѣтомъ и свойствомъ различны, по причинѣ примѣшенія къ нимъ какихъ либо постороннихъ матерій.

За обыкновенною солью наиболѣе употребляемая есть Селитра, кою находятъ налипшею къ погребнымъ сводамъ, въ развалинахъ и во всѣхъ оставленныхъ жильяхъ, а наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежитъ долгое время навозъ и моча

животныхъ; но какъ о Селитрѣ довольно пространно говорено было во второй части сея книги въ сей же статьѣ; то сіе и оставляется.

Отъ соединенія щелочной части съ кислотою произходитъ Морская соль, Селитра, Купоросъ, и прочія обыкновенныя соли.

Когда дѣйствіемъ огня раздѣлятъ обѣ части, составляющія соли; то употребляютъ порознь кислоту и щелочную часть. Кислота доставляетъ намъ крѣпкія и ѣдкія водки, въ коихъ распускаются даже самыя металлы.

Стекло, олово, свинецъ съ нѣкоторыми цвѣтными глинами составляютъ вещество, употребляемое для живописи по Финифти, которая пристаетъ къ металламъ, и на оныхъ остается. Сія живопись производится посредствомъ огня лампады, до такой силы доведеннаго, что растопляетъ металлы.

Художникъ извлекаетъ прежде изъ того разноцвѣтныя палочки, кои онъ дѣлаетъ столь длинными, сколько ему разсудится. Наготовивъ такимъ образомъ сихъ палочекъ, когда онъ разсудитъ рисовать по финифти; то, растопивъ на своей лампадѣ конецъ такого цвѣта палочки, какой ему потребенъ, рисуетъ оною начатую имъ картинку. Но сіе должно дѣлать съ толикимъ же терпѣніемъ, какъ и проворствомъ: ибо палочки сіи весьма скоро застываютъ.

Находятся три рода земли, совершенно одинъ отъ другаго различныхъ, а имянно: пѣсокъ, глина и чернозёмъ. Пѣсокъ состоитъ изъ малыхъ угловатыхъ тѣлъ, твердыхъ, непроницаемыхъ водою и прозрачныхъ, какъ хрусталь.

Глина составлена изъ частицъ кубическихъ и плотныхъ, можетъ быть и вѣтьвистыхъ и удобныхъ, одна на другую плотно ложиться.

Сіи части суть жирны, гладки, склизки, вязки, и не впускаютъ въ поры свои воды.

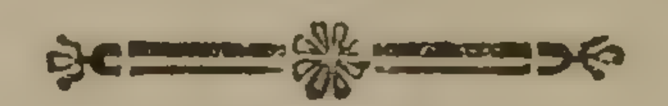
Черноземъ есть слоистая земля, состоящая изъ пустыхъ трубочекъ, кои учиняютъ ее губчатою и способно впускающею въ себя воздухъ и воду.

Чрезвычайная крѣпость Цименту, оставшихся намъ отъ древности зданій, есть дѣйствіе воздуха и теченія вѣковъ. Мы воображаемъ, что Греки и Римляне имѣли, для составленія Цимента, нѣкоторую тайну, нами потѣрянную: но мы можемъ разсудить по крѣпости Цименту, въ зданіяхъ нашихъ, построенныхъ за двѣсти или за триста лѣтъ предъ симъ, что потомки наши будутъ такъ же думать, что мы имѣли такой секретъ въ строеніи, коего они лишены.

Глина, изъ которой сдѣланы горшки, приноситъ болѣе дѣйствительной пользы, нежели золото и

серебро: ибо изо ста человѣкъ, вѣрно девяносто девять ѣдятъ на глинянной посудѣ. Не возможно лучше возвысить цѣну ея, какъ показавъ, сколь она необходима.

Что касается до чернозема; то похвалу оному можно учинить въ трехъ словахъ: *онъ насъ кормитъ.*

О ЗИМѢ.

Теплота и стужа во многихъ странахъ земнаго шара не по отдаленности солнца располагается. Справедливо, что въ сѣверныхъ земляхъ лучи солнечныя ударяютъ токмо косвенно: сiе есть причиною, что тамъ сила ихъ въ лѣтнѣе время, въ сравненiи съ силою ихъ подъ екваторомъ, есть, какъ 66, ко 100, и въ кратчайшiе зимнiе дни, какъ $15\frac{1}{7}$ ко 100. Длинныя зимнiя ночи простужаютъ землю болѣе,

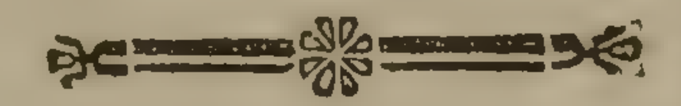
нежели лѣтнія дни могутъ разогрѣть оную: кромѣ сего много лучей теряется въ туманахъ и парахъ сѣверныхъ, кои бы безъ сомнѣнія сквозь ихъ проникли, естьли бы упадали на землю прямостойно; отъ сего-то стеклы зажигательные не могутъ дѣйствовать въ вечеру, когда солнце опустится очень низко; и что въ сѣверѣ можно пристально смотрѣть на солнце при его захожденіи, безъ малѣйшаго отъ того глазамъ вреда; но сего въ южныхъ странахъ сдѣлать не возможно. Поелику же солнце пребываетъ далѣе въ сѣверныхъ знакахъ Зодіака, и что зимою солнце отъ земли ближе; то изъ сего происходитъ, что земля меньше зимою простываетъ, а лѣтомъ болѣе нагрѣвается, нежели, когда бы сего не было. Сіе преимущество сѣверныхъ странъ надъ южными есть причиною, что къ южному полюсу лежащія страны, гораздо холоднѣе и несноснѣе сѣверныхъ. Возвышенность

земли простужаетъ равномѣрно воздухъ: сему примѣромъ служитъ Швейцарія, гдѣ на возвышенныхъ мѣстахъ воздухъ весьма холоденъ, но въ долинахъ столь напротивъ тепло, что плоды южныхъ Французскихъ провинцій ростутъ тамъ весьма хорошо.

Вѣтръ, пробѣжавшій большое пространство земли, покрытой лѣсомъ и снѣгомъ, весьма много простужаетъ воздухъ: отъ сего-то происходитъ, что въ Швеціи самой холодный вѣтръ есть сѣверозападный. Страны, удаленныя отъ моря и покрытыя озерами и горами, суть холоднѣе приморскихъ. Г. Варгентейнъ думаетъ, что въ Швеціи было холоднѣе тогда, когда она была болѣе покрыта лѣсами, и отмѣтаетъ ту басню, что будьто въ прежнія времена произрастали въ ней всѣ плоды южныхъ странъ.

Г. Варгентейнъ примѣчаетъ, что сѣверныя земли наполнены птицами

и рыбами, и отъ привычки столь сносными учинилися, что Лапонцы почитаютъ себя счастливѣйшимъ въ свѣтѣ народомъ. Жаръ столь же несносенъ, какъ и холодъ: пространныя степи Аравiйскiя, Египетскiя, Ливiйскiя, Персидскiя и проч. едва ли еще не хуже земель, покрытыхъ снѣгомъ.

ПИСЬМО
О СИМПАТIИ И АНТИПАТIИ.

Государь мой!

Я прiемлю смѣлость о нѣкоторой вещи открыть вамъ мои мысли, кои по крайней мѣрѣ, бываютъ содержанiемъ многихъ разговоровъ, хотя и не имѣютъ влiянiя въ общественную жизнь. — Признаться должно, что я Симпатiю и Антипатiю (то есть склонность и отвращенiе къ другимъ

людямЪ) вЪ нѣкоторомЪ смыслѣ почитаю за совершенное таинство; и сколь часто ни предпринимаю, будучи вЪ глубокомЪ размышленіи, дѣлать себѣ о томЪ тяжелыя задачи; то всегда нахожу, что при разрѣшеніи оныхЪ нѣкоторыя истинны страждутЪ. Правда, есть случаи, чрезЪ кои Симпатія и Антипатія обЪяснена быть можетЪ; но напротивЪ того, есть другія, кои ни какихЪ толкованій и заключеній изЪ причинЪ не позволяютЪ дѣлать. Система взаимной чувствительности о нѣкоторыхЪ особенныхЪ вещахЪ трактующая, преподала бы намЪ много причинЪ вЪ доказательство, для чего при первомЪ взорѣ одна особа намЪ нравится, а другая не нравится; но какЪ не всякой человѣкЪ имѣетЪ ясное понятіе о прекрасномЪ и дурномЪ; то и не можетЪ о томЪ дать вѣрнаго отчета: таковыя вещи принадлежатЪ болѣе кЪ чувствованію сердца, нежели кЪ

силѣ ясныхъ понятій. А по сему и бываетъ, что намъ нравится, или не нравится что ни будь, хотя мы и сами иногда не знаемъ причины, для чего? Стройной видъ всегда плѣняетъ и нравится всякому человѣку, хотя онъ мало имѣетъ понятія о правилахъ стройности. Зодчія, живописцы и рѣщики имѣютъ искусство, по всеобщимъ правиламъ размѣрять и располагать многоразличныя вещи; а сіе въ разсужденіи совершенства цѣлаго, какъ въ величинѣ, такъ и подробности, повсюду намъ стройность представляетъ. Стройность и гармонія составляютъ существо красоты всякой вещи. Всякая красота, на чувства наши ударяющая, какъ, хорошая физіогномія, свѣжій цвѣтъ лица, пріятной голосъ и проч. причиняетъ въ насъ нѣкоего рода благоволеніе, или плѣняетъ насъ; а сіе всегда при первомъ взорѣ нами ощущаемо. — Различность

страстей, склонностей, и сложеніе темпераментовЪ, составляютЪ также разность во мнѣніяхЪ нашихЪ, и самолюбіе нравится себѣ вЪ томЪ, что оно себѣ подобное находитЪ: ибо, какЪ всякой человѣкЪ вЪ образЪ свой влюбленЪ, то ему и нравится всегда таковый же образЪ, который его образу подобенЪ. Однако есть такЪ же и другія вещи, кои на чувство зрѣнія нашего не ударяютЪ, то есть такіе, о коихЪ одинЪ человѣкЪ такЪ думаетЪ, а другой инако думаетЪ, но оба думаютЪ, что они правы; и такЪ, когда одинЪ изЪ нихЪ такого же найдетЪ, которой сЪ нимЪ одинаково думаетЪ, тогда находитЪ вЪ немЪ себѣ духовнаго брата, и хвалитЪ себя во ономЪ: ибо самолюбіе не стыдится, лица своей хвалы, созерцать себя, какЪ вЪ зеркалѣ, вЪ чужомЪ лицѣ. — РазсказываютЪ обЪ одномЪ смѣшномЪ произшествіи, которое случилося вЪ

нѣкоемъ Швейцарскомъ мѣстечкѣ, гдѣ всѣ тамошніе жители имѣли зобы: въ одинъ праздничный день, нечаянно заблудяся, пришелъ туда прохожій, и вошедъ въ ихъ церьковь, при самой проповѣди сталъ между народомъ; а какъ онъ зоба не имѣлъ; то и обратили на него всѣ свои взоры, оставя слушаніе проповѣди. Попъ примѣтя, что перестали его слушать, началъ озираться вокругъ себя, и лишь только увидѣлъ того беззобаго человѣка, тогда пришелъ во удивленіе болѣе, нежели всѣ слушатели его. Однако между тѣмъ опомнившися, началъ онъ имъ говорить: вы весьма должны благодарить Бога, друзья мои, что онъ сотворилъ васъ гораздо лучше сего урода, и вы не должны смѣяться недостатку тѣла его. — Арапы думаютъ, что діяволъ долженъ быть бѣлѣе снѣга; а по сему, естьли бы во удовольствіе ихъ, Св: писанія стихъ:

омый мя отъ грѣха моего, и паче снѣга обѣлюся, перевести по ихъ языку; то бы вышло слѣдующее: *омый мя отъ грѣха моего, и паче угля очернюся.* А сіе самое, какъ кажется, и есть по большой части причиною Симпатіи и Антипатіи, и по чему добродѣтельныя или порочныя люди тотчасъ познаютъ другъ друга и влюбляются одинъ въ другаго. На примѣръ, ежели я не преданъ пороку похоти; тогда я имѣю омерзеніе, естьли вижу, что любострастный человѣкъ старается склонять порочную женщину ко удовлетворенію своей страсти. Сіе правило есть всеобщее: такимъ же образомъ сообщаются и добродѣтельные люди; по чему и можно заключить, что Симпатія и Антипатія въ такихъ случаяхъ имѣетъ уже побудительныя причины и законы свои. Однако есть еще нѣчто такое, коего я назвать не могу, и можетъ быть кто нибудь другой въ состоя-

нїи будетъ то доказать. Бываютъ случаи, въ коихъ намъ человѣкъ примѣчанія достойнымъ учиняется, когда мы по наслышкѣ отъ другихъ увѣдомляемся о его дѣлахъ; и хотя онъ намъ совсемъ не знакомъ: но мы отличаемъ его отъ прочихъ людей, и часто беремъ его сторону. Таковые случаи не рѣдки суть, и одни примѣры могутъ оные объяснить. Я здѣсь приведу одинъ изъ нихъ въ доказательство: когда я былъ еще въ маломъ возрастѣ; то часто слышалъ, что учитель мой и другїе люди выхваляли нѣкоего имянитаго мужа, котораго я совсемъ не видалъ. Я тотчасъ, почувствовавъ тайную склонность, прилѣпился мысленно къ особѣ его. Чрезъ нѣсколько лѣтъ увидѣлъ я изъ вѣдомостей, что сей благоразумной мужъ скончался: сїя вѣсть привела меня въ такую несказанную печаль, какъ будьто я потерялъ наилучшаго моего прїятеля; съ тѣхъ поръ началъ

я принимать въ фамиліи его нѣкоторое особенное участіе, радуяся, когда слышалъ нѣчто похвальное объ оной. Чрезъ нѣкоторое время случилося, что сынъ того мужа въ сосѣдствѣ моемъ имѣлъ свое пребываніе: нѣкое тайное побужденіе понудило меня искать его знакомства. Но сколь я тогда восхищенъ былъ, какъ нашелъ въ немъ любви достойнаго человѣка, и которой оказывая мнѣ взаимную благосклонность, давно уже искалъ моей дружбы; коротко сказать, я былъ имъ, а онъ мною любимъ. О счастливая Симпатія! восклицалъ я; но причина оныя осталась сокрыта отъ меня. Я намѣренъ здѣсь привести еще одно произшествіе; объ особахъ же я нарочно умолчу, поелику знаю, что оныя многимъ извѣстны суть.— Одинъ Государь прибылъ на балъ, или въ публичное собраніе, и увидѣлъ вдругъ между прочими одного путешественника, которой пред-

ставлялъ важную особу. Государь спросилъ Министровъ, кто онъ таковъ? На что ему отвѣтствовано, что то одинъ неизвѣстной Графъ, прибывшій иногда изъ Италіи, и что весьма роскошно и пышно ведетъ себя. Государь велѣлъ ему тотчасъ къ себѣ подойти, и поговоря съ нимъ нѣсколько словъ, обернувшись назадъ, Министрамъ своимъ сказалъ: сей человѣкъ противенъ для меня; мнѣ кажется, что похожъ онъ на мошенника! Послѣ чего, оборотяся опять къ нему, и помахавъ рукою, велѣлъ къ себѣ подойти, и какъ онъ приближился, тогда вслухъ ему сказалъ: признайся, не мошенникъ ли ты? Твой видъ утверждаетъ подозрѣніе мое. Выѣзжай, какъ можно скорѣе изъ моей Столицы, или я велю тебя сковать! — Всѣ при томъ бывшіе чрезвычайно удивилися тому; а чужестранецъ спѣшилъ съ великимъ стыдомъ вытти скорѣе изъ Дворца.

Но чрезъ два дни послѣ того, какъ уже онъ выѣхалъ изъ города, пришли письма изъ Франціи, что мнимой тотъ Графъ былъ камердинеръ одного богатаго Министра, котораго онъ обокралъ вещами и деньгами съ лишкомъ на миліонъ ливровъ. Сія вѣсть утвердила въ мысляхъ Министровъ предчувствованіе Короля, и они напослѣдокъ весьма сожалѣли, что она поздно пришла. — И такъ кажется, что не можно отрицать предчувствованій по тому только, что ихъ доказать трудно. Но я съ своей стороны полагаю, что такія предчувствованія имѣютъ великое вліяніе на Симпатію и Антипатію. Сократъ называетъ ихъ вообще своимъ Богомъ, который ему въ одномъ дѣлѣ возбраняетъ а въ другомъ попускаетъ. А по сему, не впадая, однакожъ, въ суевѣріе, не можемъ ли мы вѣрить тайному гласу Природы? И какъ бы кто его ни называлъ, Симпатіею или Антипа-

тїею; но я называю его таковымъ. Откуда же оный происходитъ; того я не знаю; довольно того: когда я ему слѣдую, тогда не имѣю причины раскаеваться. Надобно думать, что душа наша имѣетъ нѣкую особенную силу, или что благій Геній о насъ печется, или что нѣкоторая тайная связь вещей имѣетъ въ насъ вліяніе свое; коротко сказать, какъ бы то ни было; но я полагаю, что сей вещи совсемъ отвергнуть не можно, потому только, что она намъ непонятна, и что изъ оной много неосновательнаго и смѣшнаго произходитъ. — Я не сомнѣваюся въ моихъ мысляхъ, что точно есть Симпатія и Антипатія, т. е. тайный; и что все сіе не противорѣчитъ истиннѣ. Я испыталъ, что многіе, съ кѣмъ я о томъ ни говаривалъ, почти то же утверждали, что я самъ чувствовалъ. — Я приведу здѣсь еще одинъ примѣръ о Сократѣ:

онъ былъ у одного Аѳинскаго Господина въ гостяхъ, которой во время обѣда вызываемъ былъ къ одному незнакомому человѣку на улицу; и какъ онъ всталъ отъ стола, и хотѣлъ было итти; тогда Сократъ ему сказалъ: останься здѣсь; Богъ мой мнѣ говоритъ, что бы ты не выходилъ. Господинъ послушался тогда и не ходилъ. Но какъ въ другой разъ случилося опять Сократу быть въ гостяхъ у того же Господина и его стали вызывать, какъ и прежде, а онъ таковыхъ же. Сократовыхъ словъ не послушался и вышелъ за ворота; тогда нечаянно былъ умерщвленъ отъ подкупленныхъ убійцъ, кои и въ первой разъ искали его убить. — Я не выдаю сіе за точную истинну, изъ чего бы грубое суевѣріе могло пріобрѣтать себѣ пищу; но при всемъ томъ утвердительно сказать могу, что духовный міръ есть совсемъ неизвѣстная намъ страна:

она на Ландкартѣ нашихъ наукъ весьма тѣсными предѣлами ограничена, и далѣе ихъ мы ни чего не вѣдаемъ. — Все же, что о семъ сказать можно, есть то, чтобъ въ разсужденіи Симпатіи и Антипатіи въ общественной жизни поступать осторожно; а естьли кто въ себѣ чувствуетъ къ чему ни будь внутреннюю склонность или отвращеніе; то я совѣтую ему слѣдовать сему тайному гласу: но подобно такому человѣку, которой, идучи по опасному пути, повсюду озирается. — Меланхолическія особы, кои больше ни чемъ не занимаются, какъ вздохами, много слушаютъ такихъ гласовъ, а Сангвиническія совсемъ ихъ не внимаютъ: но я желалъ бы, чтобъ они съ обоихъ сторонъ, въ разсужденіи сего были недовѣрчивѣе; поелику такимъ предвѣщаніямъ, или темнымъ предчувствованіямъ ни много вѣрить, ни не вѣрить не должно, а осторожно ис-

пытывать. — Мы бываемъ часто въ такомъ положенiи, которое объяснить весьма трудно. Напримѣръ: мы предпринимаемъ какое ни будь важное дѣло, или трудную вещь, или желаемъ отъ скуки посѣтить нѣкоторое общество, чтобъ развеселить себя, и находимъ къ тому охоту, но при томъ ощущаемъ нѣкоторое тайное отвращенiе такъ, что часто бываемъ въ нерѣшимости; въ такомъ случаѣ совѣтую я, послѣдовать сему тайному гласу: ибо я чрезъ многiе опыты позналъ, что Богъ Сократовъ, или тайный гласъ Природы вѣрнѣйшее совѣтуетъ. — Гласъ Природы предвѣщаетъ иногда многимъ больнымъ часъ ихъ смерти. Гласъ Природы совѣтуетъ намъ часто при первомъ свиданiи нѣкоторыхъ особъ любить, или остерегаться. Но сей гласъ Природы бываетъ иногда теменъ по тому, что обстоятельства жизни, тожъ и сложенiе густой или

жидкой крови, учиняетЪ его двоссмысленнымЪ. — ГласомЪ Природы возбужденная сила воображенія, вЪ разсужденіи тѣсной связи души сЪ тѣломЪ, причиняетЪ иногда, что мы вЪ самое то время видимЪ во снѣ такихЪ особЪ, кои за нѣсколько сотЪ миль отЪ насЪ умираютЪ. ПримѣрЪ сего можетЪ быть слѣдующій: во время Французской войны сЪ Германцами случилося, что одинЪ Французской ОфицерЪ долженЪ былЪ итти вЪ походЪ вЪ Германію, оставя молодую свою супругу, которая нѣжно его любила. ВЪ одну ночь приснилося ей, что непріятель побѣдилЪ ФранцузовЪ, и что супругЪ ее, будучи раненЪ, отведенЪ былЪ подЪ одно дерево, гдѣ и умерЪ. Сей сонЪ случился предЪ самымЪ тѣмЪ сраженіемЪ, и наполненЪ былЪ всѣми тѣми обстоятельствами, каковыя при ономЪ случилися. Она чрезЪ то была погружена вЪ великую печаль, и ближнія ея, колико можно было,

старалися ея утѣшать; но не взирая на то, она отъ оной печали такъ изнурилася, что была въ опасной жизни. Къ несказанному удивленію сродственниковъ ея, чрезъ нѣкоторое время пришло извѣстіе о несчастномъ томъ сраженіи, которое точно тогда происходило, когда она видѣла во снѣ раненаго своего супруга, подъ деревомъ умирающаго. Однако въ реляціи нарочно было утаено имя его, и сверьхъ того сочинено подложное письмо, что супругъ ея живъ, и хотя раненъ, но въ безопасности находится. Сіе письмо утѣшило ея нѣсколько; печаль начала утоляться, и какъ уже можно было, тогда открыли ей о смерти ея супруга. Чрезъ нѣкоторое время, какъ она начала забывать печаль свою, вздумалося ей, поелику умѣла искусно рисовать, представить въ картинѣ супруга своего, умирающаго подъ деревомъ, со всѣми тѣми обстоятельствами, какъ его во снѣ

видѣла, и одного Офицера, которому онъ при смерти своей вручилъ часы и кошелекъ съ деньгами. Она улучшила физіогномію того Офицера точно такъ, каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, случилося ей быть въ Соборной Парижской церкви, гдѣ примѣтила одного Офицера, коего, по мнѣнію ея, какъ бы гдѣ-то видала. Офицеръ такъ же примѣчалъ, что она обращала часто взоръ свой на него, и вышедъ изъ церкви, дожидался ее у дверей. При выходѣ спросилъ онъ учтивымъ образомъ о имени и фамиліи ея, и о причинѣ удивленія, когда она смотрѣла на него. Она отвѣчала, что помнится ей, гдѣ-то его видала, но не знаетъ гдѣ? По томъ объявила ему имя и фамилію свою. Офицеръ лишь только услышалъ про фамилію, тотчасъ спросилъ, что не родственникъ ли ей такогожъ имени Офицеръ, которой съ нимъ въ одномъ полку

служилЪ, и на сраженіи убитЪ. И какЪ узналЪ отЪ нее; то началЪ пересказывать, что покойной супругЪ ея былЪ его искренній пріятель, и что будучи смертельно раненымЪ, при кончинѣ своей подЪ однимЪ деревомЪ, куда онЪ его отвелЪ, вручилЪ ему кошелекЪ свой сЪ деньгами и часы. Между тѣмЪ, прекрасная сія вдова, вынувЪ изЪ кармана картину свою, кою всегда при себѣ носила, показала ему оную. — Но сколь удивился онЪ, какЪ увидѣлЪ всѣ обстоятельства, случившіяся при смерти супруга ея, на оной выраженными, такЪ точно, какЪ онЪ самЪ ихЪ видѣлЪ. — Сіе произшествіе, хотя не вѣроятно кажется, однако весьма случится можетЪ, и я его выписалЪ изЪ достовѣрнаго Автора. Темнаго разума человѣкЪ, нашелЪ бы способЪ чрезЪ сіе утверждать дѣйствительность привидѣнія духовЪ; но я сЪ моей стороны полагаю, что то останется

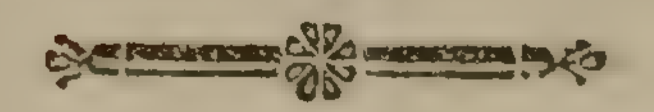
навсегда дѣйствіемъ силы воображенія: и такъ видите, Государь мой, что я привидѣніе духовъ и отрицаю, хотя снамъ не невѣрю. Я убѣжденъ, что человѣкъ во снѣ можетъ видѣть многія вещи, кои дѣйствительно сбываются, или уже прежде того сбылися. Духъ нашъ не чувствуетъ ни чего, чего бы и тѣло наше не чувствовало. Тѣло наше всегда беретъ въ томъ участіе; когда духъ нашъ нѣчто чувствуетъ, и тогда сила воображенія представляетъ намъ такія картины, какъ бы въ веществѣ, кои чувствованія души выражаютъ. По сей системѣ, естьли мы повѣримъ Исторической истиннѣ, и безъ всякихъ предразсудковъ честнымъ людямъ; то мнѣніе мое есть такое, что симъ образомъ можно себѣ наилучше представить нѣкоторое понятіе о сей вещи, не устраняяся въ такіе софизмы, кои иногда ис-

тинну религіи и здравой философіи отвергаютъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Н.

Переведено изъ Нѣмецкаго Собесѣдника

Г. Ф.

О ТОНКОСТИ ВОДЯНЫХЪ ЧАСТИЦЪ.

Видя съ какою способностію вода проходитъ сквозь поры плотнѣйшихъ тѣлъ, можно утвердительно заключить, что она должна быть составлена изъ тончайшихъ частицъ: ибо, ежели наполнишь водою сосудъ золотой, серебряной, оловянной, или свинцовый, и закроешь сей сосудъ такимъ образомъ, чтобъ вода ни откуда не могла изъ онаго выйти, и когда ударишь, или сожмешь его крѣпко

вЪ тискахЪ, то заключающаяся вЪ немЪ вода ощутительно пойдетЪ изЪ него сквозь поры. Однако же кажется, что водяныя частицы не столь тонки, чтобЪ могли проходить сквозь стекло; всѣ опыты, для удостовѣренія вЪ семЪ дѣланные, доказываютЪ намЪ, что вода его непроницаетЪ. Но изЪ сего не должно заключать, чтобЪ водяныя атомы были не столь тонки, какЪ прочихЪ, такЪ называемыхЪ страдательныхЪ стихій, или по крайней мѣрѣ воздуха: ибо по всѣмЪ опытамЪ, дѣлаемымЪ посредствомЪ воздушнаго насоса, или такЪ называемой, *пневматической машины*, видимЪ мы, что и воздухЪ непроницаетЪ стекла. Труднѣе рѣшить, проницаютЪ ли оное атомы другихЪ страдательныхЪ стихій, какЪ то масла и соли; есть опыты, увѣряющіе, что они его проницаютЪ, а другіе утверждаютЪ тому противное: лѣкарственная сила мно-

гихъ минеральныхъ водъ зависитъ отъ вещества столь тонкаго и лѣтучаго, что не возможно удержать онаго ни въ какомъ сосудѣ: ибо, сколько бы старанія не было приложено, при перевезеніи сихъ водъ, закупоривать бутылки, однако сила ихъ всегда знатно уменьшается: но сквозь стекла ли, или сквозь вещества, коимъ заткнуты бутылки, вылѣтаетъ сія тонкая часть, въ коей состоитъ вся сила сихъ водъ? Дѣлали нѣкоторой опытъ, которой могъбы кажется доказать, что самыя тончайшія вещества не могутъ проходить сквозь стекла, и имянно: посадили куропатку въ большой стекляной сосудъ, и заткнули оной весьма плотно; сей сосудъ поставили въ уголъ одной горницы, и впустили въ ту горницу легавую собаку; сія собака не почувствовала духу куропатки: изъ чего и заключили, что тонкія частицы, выходящія испареніемъ изъ куро-

патки, не могли пройти сквозь стекла. Но сіи частицы, можетЪ быть, составлены изЪ разныхЪ стихій: и такЪ ежели онѣ не простыя, но сложенныя; то сей опытЪ не доказываетЪ, что атомы стихій, изЪ коихЪ онѣ составлены, не могутЪ пройти сквозь стекла.

Естьли внимательно разсмотрѣть способность, сЪ каковою вода проницаетЪ поры тѣлЪ, и сравнить сію способность сЪ тою, которую имѣютЪ воздушныя частицы; то можно, почти, утвердительно сказать, что водяныя частицы суть тонѣе воздушныхЪ: ибо вода проходитЪ сквозь множество такихЪ тѣлЪ, кои, кажется, воздухЪ проницать не можетЪ. Но сіе, можетЪ быть, отЪ того, что вода, размачивая и распространяя связь сихЪ тѣлЪ, удобнѣе воздуха проницать ихЪ можетЪ.

Всѣ ощутительныя масла составлены почти изЪ одной воды:

сіи ессенціи, изъ смѣшанныхъ тѣлъ доставаемыя, суть весьма горючи; но содержатъ въ себѣ весьма мало воды. И такъ по сему вода не столь много, какъ вообще думаютъ, противится горючести тѣлъ; но должно, чтобъ оная входила въ составъ сихъ тѣлъ, и составляла бы часть ихъ собственнаго существа: ибо жидкая вода, которая смачиваетъ токмо тѣла, или соберется въ большемъ количествѣ въ ихъ порахъ, препятствуетъ имъ горѣть; по тому, что, не будучи связана съ другими началами, не можетъ она пріобрѣсти степень жару, необходимо нужную, для воспламененія.

Жаръ уменьшаетъ весьма много сцѣпленность водяныхъ частицъ; сіе доказываютъ такимъ образомъ: кладутъ на холодную воду тонкую желѣзную иголку; тяжесть сей иголки вдавливаетъ нѣсколько поверьхность воды, и дѣлаетъ на

оной небольшую бороздку, не раздѣляя со всѣмЪ оной; иголка повиснетЪ такимЪ образомЪ, и плаваетЪ сверьхЪ воды. Но естьли вода тепла; то сцѣпленность ея частицЪ надмѣру слаба, чтобЪ могла поддержать иголку, которая тяжестiю своею влечется на дно сосуда. Но кажется, что жарЪ токмо тогда истребляетЪ совершенно связь водяныхЪ частицЪ, когда онЪ ихЪ разбрасываетЪ врозь и подымаетЪ парами: ибо вЪ самомЪ даже кипѣнiи поднимаются пузыри, кои доказываютЪ, что части водяныя имѣютЪ еще между собою нѣкоторую связь.

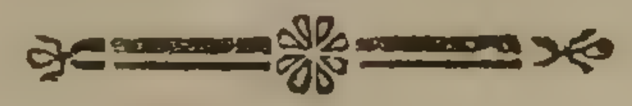
СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ОЗНОБЛЕНІЯ.

Должно ознобленныя мѣста многократно мочить солянымъ спиртомъ; но сіе должно дѣлать прежде, нежели пузыри прорвутся, или послѣ, когда уже сей родъ чирьевъ закроется. Сіе лѣкарство изобрѣлъ славный Линней.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

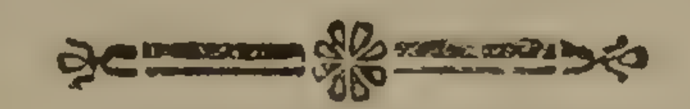
Латуковая вода изцѣляетъ лихорадку; но ежели случится, что она

не отстанетъ скоро: то простой декоктъ, изъ корня травы Горечавки, въ довольномъ количествѣ употребляемый, дни въ два, или въ три совершенно истребитъ всѣ дурныя мокроты, производящія лихорадку. Вотъ мѣра сего лѣкарства:

Возьми два Латуковыхъ стволовъ, или горсть листьевъ, и положивъ въ мѣрную бутылку воды, дай разъ двадцать вскипѣть.

Сію воду должно пить въ то время, какъ лихорадка отпуститъ, разъ по шести въ день, чрезъ каждые два часа, прохаживаяся по комнатѣ, или и на дворѣ, когда время хорошо. Въ полдень можно поѣсть супу съ телятиной, и выпить немного винограднаго вина, смѣшаннаго съ сею водою. Чрезъ три часа послѣ обѣда надлежитъ начать пить сію воду, также чрезъ два часа; въ вечеру не должно ни чего ѣсть, кромѣ похлѣбки, и то ранѣе, а чрезъ два часа послѣ сего

ужина, выпить стаканъ такой же воды. Симъ средствомъ будешь ночью покоенъ, а на завтрѣе весьма свѣжь.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ЧЕСОТКИ.

Чесотка бываетъ двухъ родовъ: одна мокрая, другая сухая; мокрая есть та, когда пузыри на тѣлѣ часты и велики, кожа трескается и выходитъ изъ нея гной, или даже дѣлаются накожные чирьи, наподобіе коры. Въ сухой же чесоткѣ пузыри почти непримѣтны, кожа хотя и трескается, но ни какой влажности изъ нея не выходитъ: сіе называется собачьею коростою. Причины сей болѣзни суть, первое, надмѣру острая кровь, соленая пища, неопрятность, зараза, какъ напримѣръ, кто ночуетъ на одной постѣли съ зараженнымъ сею болѣзнію, и ежели будетъ его часто

хватать за голыя руки. Сухая чесотка съ большимъ трудомъ излѣчается, нежели мокрая; равно, какъ и та, которая производитъ отъ внутренней какой причины. Въ такомъ случаѣ должно прежде очистить кровь, и по томъ уже приступить къ лѣченію.

Для сего надлежитъ начать кровопусканіемъ и слабительнымъ. Естьли чесотка мокрая; то можно исправить кровь легкими поглощающими лѣкарствами, какъ то, Минеральнымъ діафоретикомъ, порошкомъ изъ мокрицъ, раковыми жерновками, порошкомъ изъ корня Горечавки; изъ чего должно дѣлать болусы, или большія пилюли, съ такъ называемымъ сиропомъ изъ пяти кореньевъ, и давать принимать больному по утру натощакъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Непосредственно на сіи пилюли должно давать больному похлѣбку изъ цыплятъ, или изъ тѣ-

лятины, съ пятью сваренными въ оной рѣчными раками, и съ приличными къ тому травами, какъ то кревелемъ, колодезнымъ крессомъ, или съ дикимъ цикореемъ. Къ сему должно прибавить драхму *саль Дуобусъ*. По томъ давъ больному еще слабительное, надлежитъ начать употреблять сыворотку, коровье молоко, и продолжать сіе по крайней мѣрѣ 15 или 20 дней.

Естьли напротивъ того чесотка сухая, что бываетъ знакомъ остроты крови; то должно долѣе употреблять прохладительные бульоны и декокты изъ корьня земляничнаго, щавельнаго, собачьяго зуба и нѣсколько солодковаго корня: надобно даже предписать больному употребленіе Марціальныхъ водъ, естьли время къ тому способно. Должно такъ же употреблять сыворотку и проч. выше предписанное.

Наконецъ отъ всякаго рода коросты, домашнія изъ пресной во-

ды ванны, весьма полезны для прохлажденія крови и отнятія у оной остроты, и для приготовленія тѣла къ слѣдующимъ припаркамъ и мазямъ, изъ коихъ простѣйшія, полезнѣйшія и дѣйствительнѣйшія суть слѣдующія:

1е. Легкій наваръ изъ табачныхъ листьевъ въ водѣ, или въ виноградномъ винѣ, коимъ должно теплымъ или въ прогорячь припаривать тѣ мѣста на тѣлѣ, гдѣ болѣе коросты.

2е. Сѣрный цвѣтъ, истолченный въ мѣльчайшій порошокъ, съ свинымъ саломъ смѣшанный; сею мазью должно мазать суставы: сіе лѣкарство весьма дѣйствительно.

3е. Селитра и кирпичь, истолченныя и по равнымъ частямъ смѣшанныя съ свинымъ саломъ, или съ какою нибудь помадою. Симъ должно тереть больныя мѣста.

4е. Неаполитанская или Меркуріальная мазь, которою должно

тереть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по суставамъ, въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, смотря по возросту больнаго.

5е. Оливковое масло, смѣшанное съ равнымъ количествомъ бѣлаго винограднаго вина; должно положить туда нѣсколько Лавроваго листу, и дать кипѣть, пока вино все выкипитъ. Симъ масломъ должно терѣть тѣ суставы, гдѣ боль сильнѣе. Въ сіи мази должно примѣшивать Стираксу, Росной ладанъ, или какія либо другія духи, чтобъ умѣньшить тѣмъ противный оныхъ запахъ. Что касается до употребленія сихъ лѣкарствъ; то сими мазьми должно натерѣться три раза, ложася спать, и цѣлую недѣлю оставить ихъ на тѣлѣ, не смывая. Въ прочемъ, въ продолженіе сихъ лѣкарствъ, должно больному быть въ теплой комнатѣ, и отнюдъ не выходить на воздухъ, дабы не простудиться, что весьма опасно.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ПОДАГРЫ.

Возьми фунтъ муки изъ Сарацинскаго пшена, четыре унціи пивныхъ дрождей и двѣ унціи соли. Сдѣлай изъ того густой пластырь, и приложи къ подошвѣ, обернувъ ногу теплою фланелью. Сіе повторяй чрезъ каждые двенатцать часовъ; четыре, или пять такихъ припарокъ обыкновенно излѣчаютъ болѣзнь. Потомъ вымой ногу больнаго отрубями съ Французскою водкою, теплою водою и Шпанскимъ мыломъ.

Должно больному держать себя въ великой теплотѣ, по тому, что сіе лѣкарство расширяетъ весьма поры у ноги. Въ какомъ бы мѣстѣ ни была подагра, въ головѣ ли въ желудкѣ, въ рукахъ, или въ колѣнахъ; должно всегда пластырь прикладывать къ ногѣ; по тому, что свойство его есть оттягивать мокроту внизъ изъ верьхнихъ частей тѣла. Нужды нѣтъ такъ же, въ

какомъ бы періодѣ болѣзнь ни была, въ началѣ или въ концѣ: сіе лѣкарство равно дѣйствительно.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ПОЧЕЧУЯ.

Когда почечуй покажется наружу; то вели проколоть шишку ланцетомъ слегка; дабы выпустить изъ оной кровь, которою она наполнена: или припусти двухъ піявицъ къ больному мѣсту. Но естьли больному покажется сіе противно; то можно употребить которое ни будь изъ слѣдующихъ предписаній; что и одно можетъ облегчить его; но гораздо дѣйствительнѣе, когда онъ учинитъ вышесказанное.

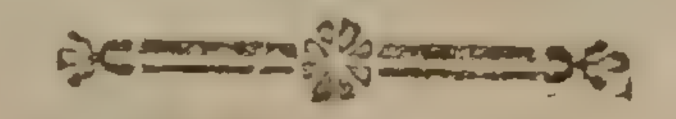
1е. Естьли почечуй произойдетъ отъ простуды; то, примѣтя оное, немедлѣнно обмочи большую и мягкую тряпку, въ двое сложенную, во Французскую водку, смѣшанную съ равнымъ количествомъ

молока, и приложи оную къ больному мѣсту, повторяя обмакивать всякой разъ, какъ она высохнетъ.

2е. Естьли шишки покажутся наружи; то приложи къ нимъ разрѣзанныя на двое и поджаренныя на угляхъ винныя ягоды, и такъ же время отъ времени перемѣняй.

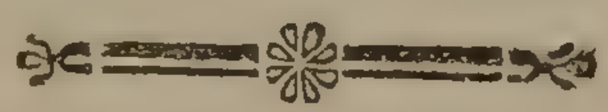
3е. Или сожги пробку, сдѣлай изъ того мѣлкой порошокъ, смѣшай его хорошенько съ яичнымъ бѣлкомъ и съ небольшимъ количествомъ масла изъ сладкаго миндаля: положи сей мази на тряпку, и приложи къ больно́му мѣсту.

4е. Или возьми полфунта обыкновенной припарки изъ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ, полдрахмы шафрану и столько же камфары, одинъ скрупулъ опума, и не много масла миндальнаго, и прикладывай къ больному мѣсту. Сіе лѣкарство подаетъ великое облегченіе.

СПОСОБЪ
исцѣлять сумасшедшихъ.

Должно начать рвотнымъ и слабительнымъ, по томъ велѣть поставить ноги и руки въ воду, и въ семъ положеніи оставлять ихъ до тѣхъ поръ, пока заснутъ. Большая часть одержимыхъ сею болѣзнію исцѣляются, проснувшися: еще должно прикладывать имъ къ головѣ, обривъ о н у ю, толченыхъ листьевъ чертополоху, употребляемаго валяльщиками, для поднятія на сукнѣ ворсы. Сіе столь же простое, какъ и дѣйствительное лѣкарство, сообщено н а м ъ однимъ сельскимъ Священникомъ, исцѣлившимъ такимъ образомъ множество сумасшедшихъ.

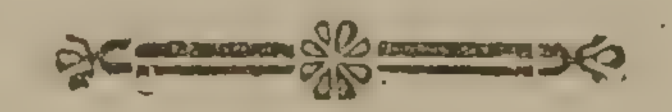

СПОСОБЪ
возвращать потѣрянныя отъ болѣзни, или отъ другой какой причины волосы.

Возьми корня бѣлаго винограда, корня пеньковаго и кочерыгъ бѣлой капусты, каждаго по горсти; высуши ихъ, и по томъ сожги, а изъ золы сдѣлай щелокъ. Вымажь голову медомъ, и по томъ вымой симъ щелокомъ, и такъ продолжай то и другое три дни сряду.

Другой способъ.

Возьми куринаго сала, конопляпаго масла и меду, каждаго по четыре унціи: растопи все сіе въ горшкѣ, и сдѣлай изъ того помаду. Сею помадою должно мазать голову восемь дней сряду.

РАЗНЫЕ СЕКРЕТЫ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЕСЯ.

СПОСОБЪ
писать золотыми буквами.

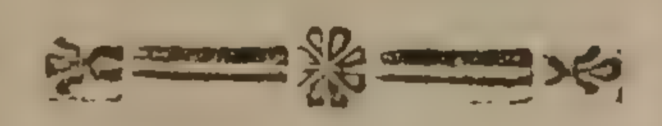
Возьми нѣкоторое количество *Гумми-Арабикумъ*; самая бѣлая есть лучшая. Истолки ее въ мѣлкой порошокъ въ мѣдной иготи. По томъ распусти въ крѣпкомъ винномъ спиртѣ, или въ водкѣ. Прибавь не много простой воды, чтобъ разжидить сей составъ. Возьми раковиннаго золота; соскреби его, чтобъ сдѣлать его порошкомъ, смочи помянутою водою, и размѣшай пальцомъ, или кистью. Дай постоять ночь, дабы золото лучше распустилося. Естьли въ продолженіе ночи сіе высохнетъ; то надлежитъ снова размочить оное такою же водою, примѣшавъ въ нее шафрану: должно

стараться учинить сей золотой раствор сколько можно текущим; чтоб можно было писать оным пером. Когда написанное высохнет; то надобно вылощить волчьим зубом.

СПОСОБ СОХРАНЯТЬ ПЛОДЫ,
как то, яблоки, груши, вишни и проч.

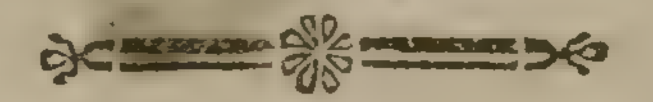
Должно выбрать на дереве лучшие плоды, и сорвать их искусно, не дотрагиваяся до них руками, что весьма легко учинить. Продев между плода и того места, к коему стебель его присоединен, нитку или снурок, толщиною, смотря по плоду. Когда нитка будет таким образом продета, то надлежит завязать ее двойным узлом, и ножницами отрезать стебель над узлом: сие должно делать в хорошую погоду и в полдень. Как скоро плод будет снят; то

надлежитъ на отрѣзанной кончикъ стебелька капнуть каплю сургучу, дабы воздухъ не могъ въ оной войти. По томъ возьми листъ бумаги, сверни его рожкомъ, и въ тонкомъ концѣ оставь отверстіе. Сквозь сіе отверстіе продѣнь ту нитку, такимъ образомъ, чтобъ плодъ висѣлъ въ сей бумагѣ: сіе отверстіе залѣпи послѣ зеленымъ воскомъ, и закрой столь плотно сію бумагу, чтобъ воздухъ никакъ не могъ въ нее пройти. Тогда повѣсь сей свертокъ на гвоздь, въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ было бы ни холодно, ни жарко; но совершенно сухо и умѣренно, съ тою при томъ осторожностію, чтобъ плодъ сей ни до чего не касался. Повѣся такимъ образомъ плоды, можно быть увѣрену, что они чрезъ два и три года будутъ столь же свѣжи и вкусны, какъ съ дерева.

СПОСОБЪ СНИМАТЬ ЗОЛОТО
съ позолоченыхъ серебреныхъ вещей.

Возьми часть нашатыря, и въ половину меньше противъ того селитры, изотри ихъ въ порошокъ, помажь масломъ позолоченую вещь, и посыпь на нее сего порошку, по томъ поставь сей сосудъ въ огонь, чтобъ онъ сдѣлался горячь; послѣ вынь его изъ огня, и держа одною рукою надъ глинянымъ блюдомъ, другою рукою колоти его желѣзнымъ прутомъ, порошокъ весь упадетъ на блюдо и съ золотомъ, которое стоитъ только отъ онаго отдѣлить.

СПОСОБЪ УЗНАТЬ КОТОРОЙ ЧАСЪ,
не имѣя ни какихъ часовъ.

Вся сія тайна состоитъ въ лѣвой рукѣ, простертой противъ солнца горизонтально. Для сего, вырѣжъ

прутикЪ или соломинку, длиною сЪ указательной палецЪ, щитая отЪ корня онаго до конца: по томЪ простои руку плашмя и сколько можно горизонтальнѣе, прижавЪ большой палецЪ вдоль по указательному. Поставь соломинку или прутикЪ перпендикулярно между большимЪ и указательнымЪ перстомЪ: держи такимЪ образомЪ руку на солнцѣ, протянувЪ ровнѣе пальцы, и отнюдЪ не сгибая ихЪ: по томЪ установи руку такЪ, чтобЪ тѣнь мускула, или мясистая часть, подЪ большимЪ пальцомЪ находящаяся, достигала до черты, на срединѣ руки находящейся. СдѣлавЪ сіе, знай, что конецЪ тѣни соломинки, ударяя на конецЪ указательнаго пальца, означаетЪ 5 часовЪ утра, и 7 часовЪ вѣчера.

КонецЪ тѣни соломинки, упадая на конецЪ средняго пальца, показываетЪ 6 часовЪ утра и 6 часовЪ вѣчера.

На концѣ четвертаго пальца, сія тѣнь значитъ 7 часовъ утра и 5 часовъ вѣчера.

На концѣ мизинца 8 часовъ утра и 4 часа вѣчера.

Когда сія тѣнь вступитъ на первой суставъ мизинца; то показываетъ 9 часовъ утра и 3 часа вѣчера.

Вступивъ на второй суставъ мизинца, означаетъ 10 часовъ утра и 2 часа по полудни.

Когда сія тѣнь достигнетъ до корня мизинца; то показываетъ 11 часовъ утра и 1 часъ по полудни.

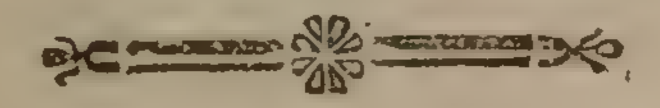
Наконецъ когда она сойдетъ на ближайшую къ мизинцу линію; то показываетъ полдень.

Можно иногда обмануться между одиннатцатью часами и часомъ по полудни; но чрезъ четверть часа, начавъ то же дѣйствіе, узнаешь истинну; потому, что тогда весьма легко можно примѣтить, опускаетсяли или подымается тѣнь:

естьли она опускается; то значитъ 11 часовъ; естьли же поднимается; то означаетъ часъ по полудни.

РЕЦЕПТЪ,
какъ составлять хорошее мыло для бритья.

Возьми шесть фунтовъ мыла, изрѣжь его тоненько, и растопи въ полубутылкѣ воды, въ которой вскипѣти прежде шесть свѣжихъ лимоновъ, въ куски изрѣзанныхъ, и процѣди сквозь салфетку, выдавливая лимоны. Растопивъ мыло, сними его съ огня, положи въ него три фунта крахмалу въ порошкѣ, нѣсколько капель лимонной ессенціи, смѣшай сіе съ мыломъ, и изомни его хорошенько; сдѣлавъ сіе тѣсто, накатай изъ того какой хочешь величины шариковъ и употребляй.

СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ,
гдѣ находятся водяные источники.

Когда кто желаетъ узнать навѣрно, гдѣ можно найти воду; то надлежитъ, за нѣсколько времени до восхожденія солнца лѣчь на брюхо въ полѣ, и опершись бородою въ землю, смотрѣть вокругъ себя: есть-ли увидишь въ какомъ мѣстѣ паръ, или поднимающійся туманъ; то можно быть увѣрену, что тамъ найдешь воду. Въ прочемъ должно разсматривать свойство земли: вода, находящаяся въ меловой землѣ бываетъ не вкусна и въ маломъ количествѣ; находимая подъ мѣлкимъ пескомъ, причиняетъ много труда работающимъ: ибо надобно весьма глубоко рыть, кромѣ того, что она неизобильна и непріятна. Черная земля содержитъ въ себѣ лучшую воду. Самая же лучшая и здоровѣйшая вода есть та, которая находится въ каменныхъ горахъ.

СПОСОБЪ

дѣлать изъ мяснаго соку таблички или дощечки, кои можно сохранять чрезъ цѣлой годъ, и употреблять для варенія похлебокъ за неимѣніемъ свѣжаго мяса.

Возьми четверть большаго быка, цѣлаго теленка, или часть онаго, смотря по величинѣ, двухъ барановъ, двѣ дюжины старыхъ куръ и старыхъ пѣтуховъ, или дюжину Индѣйскихъ куръ, ощипанныхъ, и выпотрошенныхъ. Когда всѣ сіи мяса хорошенько будутъ очищены, и ноги телячьи и бараньи будутъ ошпарены, порознь; то все сіе положи въ большой котелъ: прибавь къ тому навару изъ 12 или 15 фунтовъ оленьяго рогу, которой свари особо, и процѣди горячее. По томъ налѣй на все сіе четыре ведра ключевой воды. Затвори плотнѣе крышкою котелъ, замажь тѣстомъ, и положи

на него гнетъ около полутора пуда весомъ.

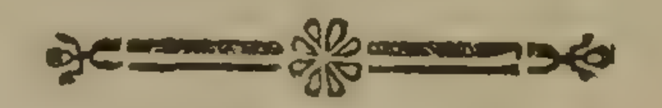
Дай кипѣть мясамъ на умѣренномъ огнѣ часовъ шесть и болѣе, естьли то нужно, то есть, до тѣхъ поръ, пока мясо распарится и отдѣлится отъ костей. Тогда, вынувъ самыя толстыя кости, не снимая однако же котла съ огня, чтобъ мясо всегда въ весьма сильномъ жару находилося, вынимай ихъ изъ котла сколько можно проворнѣе: изруби въ ту же минуту, и немедлѣнно положи въ большія тиски, для извлеченія изъ оныхъ соку.

По учиненіи сего, влѣй сей сокъ въ горячій наваръ, въ котлѣ оставшійся: по томъ процѣди все сіе сквозь волосяное толстое сито, для отдѣленія грубыхъ частей. По томъ простуди и сними жиръ съ процѣженнаго. Приправь сей наваръ солью, бѣлымъ перцомъ и толченою гвоздикою въ умѣренномъ количествѣ. Разогрѣй его еще разъ, помѣши-

вая безпрестанно деревянною лопаткою до тѣхъ поръ, какъ вливъ онаго на торелку, онъ простывъ, сядетъ крѣпкою студенью темнаго цвѣта.

Тогда сними все съ огня, и простудя до половины, разлѣй въ глиняную муравленную посуду, коя бы не болѣе трехъ пальцовъ имѣла глубины. Какъ скоро сіе со всемъ простынетъ; то поставь сохнуть въ печь, когда вынувъ изъ оной хлѣбы, опасаяся, чтобъ оно тамъ не сгорѣло: оно должно сдѣлаться столь крѣпко, какъ густой клѣй, такъ, чтобъ можно было способно ломать его руками и дѣлать изъ него таблички, вѣсомъ отъ одной до двухъ унцій. Сіи таблички должно берѣчь для употребленія въ случаѣ, естьли не льзя когда достать свѣжаго мяса: ихъ надлежитъ держать въ стеклянныхъ банкахъ, или въ ящикахъ, плотно закрытыхъ и поставленныхъ въ сухое и свѣжее мѣсто.

Сіи таблички, растопленныя, имѣютъ весьма хорошій вкусъ, и могутъ служить для варенія похлебокъ. Для сего должно взять одну или двѣ унціи сего мяснаго клѣя, и распустить въ извѣстномъ количествѣ воды; естьли же кто желаетъ имѣть похлебку гуще и наварнѣе; тотъ можетъ положить большее сего количества.

ПРОСТОЙ СПОСОБЪ
выводить изъ платья восковыя пятна.

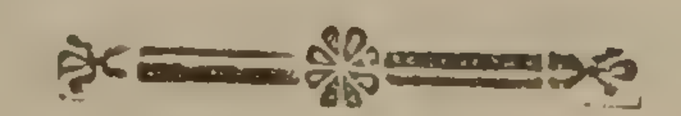
Возьми не много самаго лучшаго виннаго спирту, или водки; капни три или четыре капли, на восковое пятно, и потеревъ рукою, воскъ изомнется въ порошокъ, и весь сойдетъ долой.

СПОСОБЪ
приготовлять лучшимъ образомъ сыворотку, которую даютъ пить больнымъ.

Вопервыхъ должно взять самаго лучшаго молока и сколь возможно свѣжаго. Взять онаго больше или меньше, смотря по тому, сколь много желаютъ имѣть сыворотки, и поставить на огонь, чтобъ оно кипѣло; а дабы оно свернулося; то въ него бросаютъ по немногу *Кремор-Тартари*, болѣе или мѣнѣе: ибо иное молоко не столь скоро свертывается, какъ другое; но вообще потребно полъ-унціи *Кремор-Тартари*, чтобъ бутылка молока свернулася на огнѣ. *Кремор-Тартаръ* не прежде надобно класть въ молоко, какъ примѣтя, что оно начинаетъ кипѣть; и до тѣхъ поръ мѣшать деревянною лопаткою, пока свернется. Тогда, снявъ молоко съ огня, процѣди его сквозь чистое и

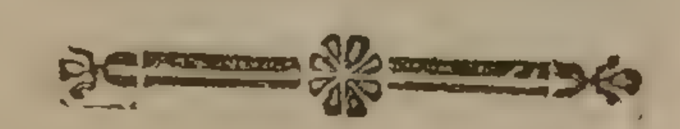
тонкое полотно, для отдѣленія отъ него сырой части. По томъ дай добрую четверть часа ему простывать, и взявъ на каждую бутылку сыворотки по четыре яичныхъ бѣлка, сбѣй ихъ хорошенько, такъ, чтобъ изъ нихъ сдѣлалася пѣна: сіи бѣлки положи въ молоко, и поставь на огонь, чтобъ оно покипѣло минуты четыре или пять. Послѣ чего оно сдѣлается очень чисто. Должно ему дать нѣсколько постоять и простыть, и по томъ процѣдить сквозь сито, положивъ въ оное прежде два листа пропускной бумаги, чрезъ которые по немногу сыворотка вытечетъ, или можно также процѣдить ея сквозь воронку, положивъ въ нее два же листа пропускной бумаги. Послѣ сего сыворотка сдѣлается весьма чиста, и будетъ такая, каковою надлежитъ ей быть для больныхъ.

ТѢСТО,

отъ котораго руки становятся мягкими и нѣжными.

Возьми горькаго облупленнаго миндалю одинъ фунтъ, истолки его, прибавь къ тому унцію бѣлилъ, полъунціи крахмалу и пять свѣжихъ яичныхъ желтковъ: вскипѣти все сіе въ кострюлькѣ съ шестью унціями виннаго спирта, помѣшивая деревянною лопаткою, до тѣхъ поръ, пока тѣсто не будетъ прилипать къ кострюлькѣ. Сей помады взявъ съ Грецкой орѣхъ, должно при умываніи терѣть руки, намочивъ ихъ нѣсколько водою; по томъ должно ихъ обтерѣть чистымъ полотенцомъ. Отъ употребленія сего тѣста руки становятся бѣлы, мягки и отмѣнно нѣжны.

СПОСОБЪ ПРИМАНИТЬ МНОЖЕСТВО РЫБЫ ВЪ ТО МѢСТО,

гдѣ желаешь оную ловить.

Возьми четверть фунта Голландскаго сыру, разотри его пестикомъ въ иготи съ гущею Прованскаго масла, и подливай къ тому по немногу виноградняго вина, пока сей составъ сдѣлается, какъ тѣсто, и наконецъ подлей не много розовой воды. Изъ сего тѣста накатай небольшихъ шариковъ величиною съ горошину, и набросай оныхъ въ воду въ томъ мѣстѣ, гдѣ желаешь закинуть сѣть. Но естьли хочешь ловить рыбу въ вѣчеру; то сію приправу должно бросить въ воду по утру, а ежели поутру, то съ вѣчера. Рыба, будучи весьма жадна къ сей приманѣ, въ великомъ множествѣ сберется къ оной, и остается тутъ весьма долго въ той надѣждѣ, что еще найдетъ: тогда, за-

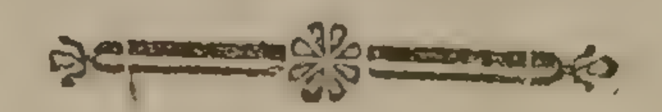
кинувъ сѣти, можно быть увѣрену твердо, что вытащишь множество рыбы.

СПОСОБЪ ИСТРЕБЛЯТЬ МЫШЕЙ И КРЫСЪ.

Налѣй воды въ большой глиняной кувшинъ, коего бы средина была пространна, а горло узко: его не должно наливать полнымъ, но оставить пальца на три пустаго мѣста, и поверьхность закрыть легкимъ какимъ ни будь деревомъ, или тонкою кожицею; на сіе надобно насыпать муки, или положить кусокъ сыру, или другой какой приманки. Крысы и мыши, услышавъ духъ, и будучи обмануты мнимою твердостію поверхности, представляющей имъ столь вкусную пищу, вскарабкаются на оную; но пойдутъ на дно и утонутъ.

Другой способъ весьма забавный.

Должно надѣлать изъ тѣлячьей, или иной какой кожи небольшихъ колпачковъ, такимъ образомъ, чтобъ голова мыши или крысы безъ труда могла въ оныя пройти. Въ каждой изъ сихъ колпачковъ надлежитъ положить сыру, мяса, или чего другова, а внутренность колпачковъ намазать смолою, или птичьимъ клѣемъ. Сіи колпачки, такимъ образомъ приготовленные, должно разставить близь щелей, изъ коихъ мыши обыкновенно выходятъ. Вскорѣ онѣ вышедъ изъ своихъ норъ, нарядятся въ сіи колпачки, которыя отнимутъ у нихъ зрѣніе: и такъ онѣ, не видя ни чего, будутъ бѣгать взадъ и впередъ по горницѣ, и тогда весьма легко ихъ перебить.

СПОСОБЪ ПОСЕРЕБРЯТЬ МѢДЬ,
натирая оную просто пальцомъ.

Распусти не много серебра въ крѣпкой водкѣ, примѣшай къ тому винного камня и нашатырю въ довольномъ количествѣ для сдѣланія изъ того тѣста, изъ коего накатай небольшихъ шариковъ; сіи шарики высуши и сдѣлай изъ нихъ порошокъ; потомъ, намочивъ большой палецъ, возьми не много на оной сего порошку, и три очымъ мѣдную вешь: отъ сего получитъ она цвѣтъ серебра.

КАКЪ ДѢЛАТЬ СУРГУЧЬ.

I.

Возьми киновари двѣ драхмы, унцію бѣлилъ, унцію Гумми-лаку, двѣ драхмы Драконовой крови, полдрахмы Роснова ладану и четверть фунта резины, то есть древесной смолы. Должно прежде растопить сію смолу во глиняномъ горшкѣ; потомъ всыпать въ оную бѣлила, просѣявъ ихъ ситомъ, и при томъ

прибавить къ тому Драконову кровь, такъ же просѣявши, а Гумми-лакъ не просѣвая; и смѣшавъ все сіе на жаровнѣ, прибавить киноварь, въ мѣлкой порошокъ истолченную и мѣшать.

Для катанія же сургучныхъ палочекъ, надлежитъ натерѣть столъ деревяннымъ масломъ, налить на оной растопленнаго состава, и катать рукою; а когда палки скатаются; то полируй ихъ предъ огнемъ, и старайся наполнить и загладить всѣ ямки: по томъ, когда сіе учинишь, то налакируй палочки слѣдующимъ составомъ: возьми драхму киновари и унцію древесной смолы, растопи ихъ вмѣстѣ, и обмакнувъ перо, намазывай онымъ палочки. Сей лакъ закроетъ и наполнитъ всѣ скважины, ежели еще оныя осталися.

Иные наливаютъ сургучный составъ въ жестяныя трубки, изъ коихъ сургучныя палки вынимают-

ся со всемъ выполированныя и готовыя.

Примѣчанїе. Киноварь и бѣлила должно растерѣть на маоморной плитѣ; гумми-лакъ и Росной ладанъ, не растирая, надлежитъ растопить съ рѣзиною; Драконову кровь, истолочь въ порошокъ: нѣкоторые употребляютъ плоской гумми-лакъ, по тому, что сей дешевлѣ; но сургучь отъ сего не такъ бываетъ хорошь.

II.

Возьми полфунта гумми-лаку, четверть фунта мастики, истолки въ порошокъ каждое порознь; поставь на жаровню глиняное муравленое блюдо, но чтобъ огонь былъ не силенъ: всыпь на блюдо четыре унцїи рѣзины въ порошкѣ, и двѣ унцїи терпентину; разведи ихъ аспиднымъ масломъ, прибавь къ тому полфунта толченыхъ Шпанскихъ бѣлилъ, и мѣшай сїе хорошенько на огнѣ палочкою. По томъ снявъ

блюдо съ огня, возьми двѣ унціи киновари, хорошо истолченной, и смѣшавъ съ прочимъ, опять мѣшай хорошенько. Наконецъ умывъ руки, катай палки какъ выше сказано: естьли желаешъ, чтобъ сургучь имѣлъ хорошій запахъ; то прибавь къ сему составу Роснова ладану въ порошкѣ.

III.

Возьми унцію мастики и три драхмы киновари; естьли же хочешь, чтобъ сургучь былъ другаго цвѣта; то вмѣсто киновари положи какой изволишь краски. Но прежде растопи мастику, и какъ она нѣсколько попростынетъ, то всыпь въ нея краску, и немедлѣнно вылѣй составъ на мраморную нѣсколько горячую плиту, намазанную сладкимъ миндальнымъ масломъ: по томъ дѣлай сургучныя палки.

IV.

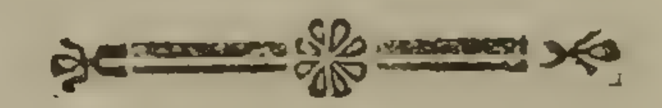
Возьми фунтъ гумми-лаку зернистаго самаго лучшаго, три или

четыре унціи древесной смолы, перечищенной и столько же мѣлко изтертой киновари. Подбавь къ сему не много Руанскихъ бѣлилъ: дабы цвѣтъ киновари сдѣлался посвѣтлѣе. Разотри на морморной плитѣ. По томъ растопи смолу: всыпь въ нее гумми-лакъ: когда же оной растопится; то положи киноварь и бѣлила: по томъ накатай палки на мѣдной гладкой доскѣ и нѣсколько горячей. Сей составъ есть изъ всѣхъ наилучшій.

Для очищенія древесной смолы, ея должно помять нѣсколько въ теплой водѣ: по томъ надлежитъ ее растопить, и когда она засохнетъ; то изтолочь и просѣять.

Вообще доброта сургуча зависитъ отъ выбора гумми-лаку. Самый лучшій есть тотъ, которой ломчае, прозрачнѣе, и мѣнѣе имѣетъ черныхъ, или темныхъ пятенъ.

Чтобъ сдѣлать черной сургучь; то вмѣсто киновари надобно положить въ составъ Голландской сажи.

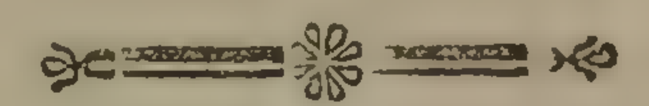

РЕЦЕПТЪ,
какъ дѣлать свинцовыя бѣлила.

Разбѣй свинецъ на тонкіе листья, и скатай ихъ трубками, но такъ, чтобъ края ихъ не касалися другъ до друга, а было бы между ими нѣкоторое разстояніе; по томъ повѣсь сіи трубки въ глиняной горшокъ, наполненный самымъ крѣпкимъ уксусомъ: сей горшокъ должно зарыть въ навозъ на тритцать дней, по окончаніи коихъ свинецъ отъ уксуса превратится въ бѣлила. Тогда его разбиваютъ въ куски и сушатъ на воздухѣ.

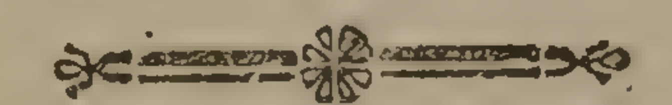
Тѣ, кои разтираютъ свинцовыя бѣлила, должны быть весьма осторожны, чтобъ не попало о-

ныхъ въ ротъ, по тому, что ето есть весьма тонкій ядъ.

СПОСОБЪ ИСТРЕБЛЯТЬ МУХЪ.

Положи въ глиняный горшокъ листоваго табаку, и наливъ водою, дай стоять сутки. Послѣ сего положи въ горшокъ нѣсколько меду и повари на огнѣ часъ; посыпь сію воду пшеничною мукою: мухи до сего весьма лакомы, и какъ скоро наѣдятся, то непремѣнно помрутъ.

СПОСОБЪ КРАСИТЬ КОСТИ ВЪ АЛОЙ ЦВѢТЪ *и лить ихъ въ формы.*

Возьми большой глиняной новой горшокъ, положи въ него двенатцать фунтовъ живой извести, и фунтъ пережженныхъ квасцовъ, и наливъ

на сіе довольное количество воды, поставь на огонь. Когда вода посредствомъ кипѣнія убавится третьею долею; то прибавь къ тому еще два фунта живой извести, и кипѣти еще до тѣхъ поръ, какъ сія вода будетъ въ состояніи держать на своей поверьхности яицо, чтобъ оно не пошло на дно. Тогда снявъ съ огня сію жидкость, и давъ ей постоять, процѣди оную. По томъ взявъ сей воды 12 фунтовъ, полфунта скобленнаго сандалу, съ четырью унціями обрѣзковъ кармазиннаго алаго сукна, кипѣти все сіе на тихомъ огнѣ около получетверти часа. По томъ слѣй въ другой сосудъ самое чистое и свѣтлое. Послѣ сего налѣй по прежнему воды на сандалъ и на суконные обрѣски, но третьею долею меньше, и вскипѣтивъ, какъ въ первый разъ, слѣй сію окрасившуюся воду съ первою и такимъ образомъ продолжай, пока вода не станетъ болѣе

принимать цвѣту. По томъ возьми костяныхъ стружекъ, которыя бы прежде покипѣли въ водѣ съ живою известью, и были бы весьма чисты. Всыпь ихъ въ узкогорлый стекляный кубъ съ довольнымъ количествомъ крашенной воды, и поставь кубъ въ пѣсокъ на малой огонь, пока вода вся улѣтитъ парами: сіе повторяй до тѣхъ поръ, какъ костяныя стружки сдѣлаются мягкими, какъ тѣсто; тогда клади сего тѣста въ какія разсудишь формы. Давъ посохнуть день, или сколько пожелаешь, и по томъ, дабы учинить оныя совершенно твердыми, какъ должно быть кости, дай вскипѣть въ водѣ съ квасцами и съ селитрою, а по томъ въ орѣховомъ маслѣ.

Естьли кто пожелаетъ изъ сихъ костей дѣлать фигуры другова цвѣту; то должно употребить на то вмѣсто сандалу и проч. другія краски: симъ способомъ можно дѣлать всякія весьма хорошія фигуры.

МОЗЖЕВЕЛОВЫЙ КОНФЕКТЪ,

по Латынѣ называемый терiака Германорумъ, по тому, что Германскiе крестьяне употребляютъ его вмѣсто терiаку.

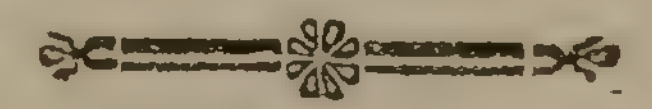
Возьми сколько разсудишь мозжевеловыхъ спѣлыхъ ягодъ; истолки ихъ гораздо въ мраморной игоши: по томъ всыпь въ котликъ, и налѣй кипяткомъ такъ, чтобъ оной превышалъ ягоды. Кипѣти такимъ образомъ чрезъ цѣлые полчаса; возьми лоскутокъ новой холстины, и процѣди сквозь ее сей наваръ; по томъ выжми хорошенько весь сокъ изъ ягодъ. Возьми все процѣженное и выжатое, вылѣй оное опять въ тотъ же котелъ, или въ другой, только чистой, и поставь его на огонь; держи на ономъ до тѣхъ поръ, пока, посредствомъ кипѣнiя, матерiя сiя сгустится такъ, какъ патока. Наконецъ въ сей екстрактъ

подбавь сахару по произволенію, дабы учинить оной пріятнѣйшимъ. По окончаніи всего того храни сей конфектъ въ горшкѣ, для употребленія въ случаѣ надобности.

Сего конфекта должно взять величиною съ Руской орѣхъ, и съѣсть натощакъ; и три часа послѣ того ни чего не употреблять. Можно и въ вѣчеру принимать оной; но только не прежде, какъ чрезъ четыре часа послѣ ужина.

Сіе лѣкарство крѣпительно: оно помогаетъ отъ каменной болѣзни, отъ боли въ почкахъ, отъ матошныхъ припадковъ, отъ обмороковъ, отъ поносу, отъ глухоты, отъ водяной болѣзни, отъ заваловъ въ печенкѣ и въ железенкѣ, отъ гнилаго воздуха и проч.

Сей конфектъ не должно употреблять лѣтомъ, развѣ крайняя нужда того потребуетъ.

СПОСОБЪ
выводить изъ атласа, или другой какой матерiи масленыя пятна, и даже изъ бумаги.

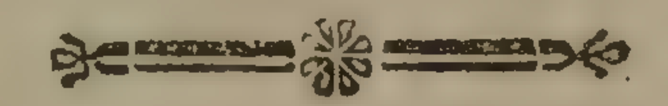
Возьми перезженыхъ бараньихъ ногъ, истолки ихъ въ порошокъ, и сего порошку насыпь впрогорячь на обѣ стороны бумаги или матерiи, гдѣ оная закапана: оставь ее такъ на цѣлую ночь, положа что ни будь тяжелое на пятно. Естьли, по прошествiи помянутаго времени, пятно еще не совсемъ выйдетъ; то должно повторить.

СПОСОБЪ,
чтобъ волосы не сѣдѣли.

Возьми земляныхъ червей, и сожги ихъ. Смѣшай пѣпелъ съ поснымъ масломъ, и когда станешь чесать волосы; то симъ составомъ нати-

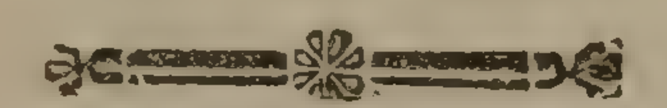
рай гребень. ОтЪ сего волосы вЪ старости не посѣдѣютЪ.

СПОСОБЪ,
чтобЪ волосы выростали.

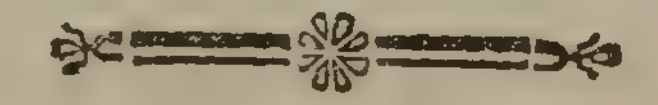
Натирай голыя на головѣ мѣста теплымЪ масломЪ изЪ виннаго камня. УвѣряютЪ, что симЪ средствомЪ чрезЪ недѣлю волосы будутЪ столько же густы, какЪ были прежде. Еще утверждаютЪ, что симЪ способомЪ можно даже и на ладоняхЪ выростить волосы.

Или: возьми и сожги вЪ горшкѣ трехЪ живыхЪ лягушекЪ: смѣшай ихЪ пѣпелЪ сЪ патокою, и намазывай голыя мѣста.

СПОСОБЪ,
придать дереву золотой, серебряной, или красной мѣди цвѣтъ.

Разотри на марморной плитѣ съ весьма чистою водою горнаго хрусталя, истолченнаго прежде въ чугунной или бронзовой игоши. Прибавь къ тому не много клѣя, и разогрѣй сіе въ глиняномъ новомъ муравленомъ горшкѣ. Симъ составомъ покрой дерево: когда же оной высохнетъ; то натри дерево кускомъ того металла, коего цвѣтъ хочешь ты ему придать, и потомъ вылощи волчьимъ зубомъ.

КАКЪ ДѢЛАТЬ
Мальтійской табакъ.

Истолки въ порошокъ корня розоваго кустарника и солодковаго корня, съ коего сдери верьхнюю кожи-

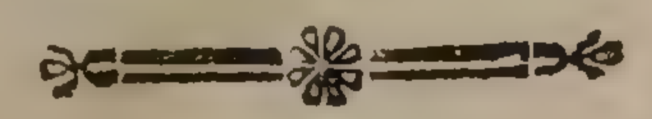
цу. Сихъ порошковъ возьми по произволенію; просѣй сквозь сито, и поддай имъ какой хочешь духъ. По томъ прибавь къ сему не много бѣлаго вина и виннаго спирту, или не много водки.

КАКЪ ПРИГОТОВЛЯТЬ *коровье масло съ миндалемъ и съ сахаромъ.*

Истолки въ иготи дватцать сладкихъ и очищенныхъ миндальныхъ ядеръ; по томъ положи на сіе въ иготь полфунта свѣжаго масла, большую торелку толченаго сахару, немного померанцовой воды: столки все сіе вмѣстѣ, и выложи на торелку, сдѣлавъ изъ сего масла какую хочешь фигуру.

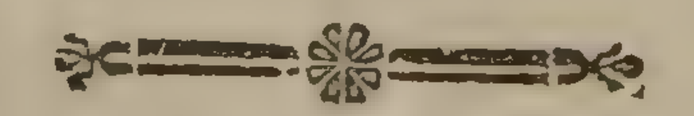
Фисташковое и орѣховое масло приготовляются также, какъ и миндальное. Можно оныя зеленить шпинатнымъ сокомъ.

КАКЪ ВАРИТЬ СУПЪ ИЗЪ ПАХТАНЬЯ.

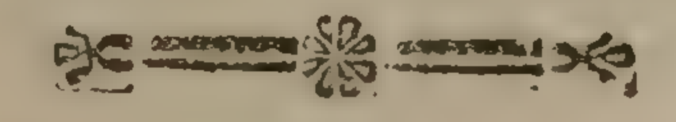
Голландцы весьма уважаютъ сію похлебку, которую употребляютъ по вѣчерамъ, какъ весьма здоровое кушанье; а приготовляютъ ее слѣдующимъ образомъ.

Положи въ пахтанье мякиша бѣлаго хлѣба, и дай вмѣстѣ кипѣть. Помѣшивай хорошенько хлѣбъ деревянною ложкою, чтобъ онъ хорошенько онымъ напитался. Естьли сей кисель сдѣлается съ лишкомъ густъ; то подбавь еще пахтанья, и чтобъ безпрестанно кипѣло. Возьми щепоть анису, и завязавъ въ узелокъ, брось въ кострюлю. Когда мякишь гораздо уварится; то прибавь туда кусокъ свѣжаго масла или сливокъ. Можно такъ же всыпать туды горсть коринки.

СПОСОБЪ УЧИНИТЬ ДЕРЕВО НЕСГАРАЕМЫМЪ.

Естьли распустишь квасцовЪ, морской соли и купоросу и иныхЪ несгараемыхЪ солей вЪ водѣ, и вЪ сей составЪ положивЪ дерево, дашь ему вскипѣть хорошенько; то послѣ оно ни когда не загорится, и одинЪ только чрезвычайно сильный огонь удобенЪ оное сжѣчь. Но поелику сей способЪ кажется не удобенЪ для строеваго лѣсу; то покрайней мѣрѣ можно и полезно употреблять его для всякой деревянной посуды, которая подвержена огню, какЪ то лопаты печныя и проч. Сіе избавитЪ отЪ многихЪ затрудненій, а особливо вЪ мѣстахЪ отдаленныхЪ отЪ города, гдѣ не льзя скоро замѣнить поврежденныя огнемЪ вещи новыми.

КАКЪ ДѢЛАТЬ МЕДАЛИ ИЗЪ РЫБЬЯГО КЛѢЯ.

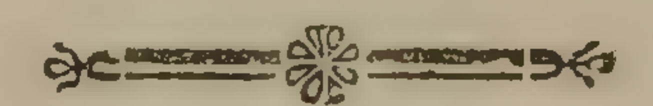
Должно мочить клѣй три дни въ глиняномъ горшкѣ: по томъ кипѣтить его до тѣхъ поръ, какъ онъ получитъ густоту такую, какъ употребляютъ его для клѣенія дерева; тогда должно процѣдить его сквозь тряпку. По томъ, взявъ оловянную, или другаго какого металла медаль, намазать ее поснымъ масломъ, и по томъ стерѣть, чтобъ только весьма мало масла на ней осталося. Сдѣлавъ около медали изъ глины кругъ вышиною на палецъ, налѣй на медаль горячаго клѣю до тѣхъ поръ, какъ глиняной кругъ онымъ весь наполнится до краевъ, которые должно покрыть бумагою, чтобъ не запылилося. Когда клѣй высохнетъ; то снимаютъ потихоньку медаль, которая напечатается на клѣю и будетъ весьма хороша и прозрачна.

Естьли кто пожелаетъ дѣлать сіи медали красныя; то можно подпустить въ клѣй сандалу; для зеленаго цвѣта, можно примѣшать къ нему толченой въ мѣлкой порошокъ яри. Для желтаго цвѣта можно подмѣшать въ клѣй шафрану: и такимъ образомъ для всѣхъ прочихъ цвѣтовъ.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ВЕСЬМА ХОРОШУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЯШМУ.

Возьми негашеной извести, и разведи ее на яичныхъ бѣлкахъ и льняномъ маслѣ. Накатай изъ нее шаровъ, въ одинъ изъ коихъ примѣшай бакану, мѣлко изтолченнаго, чтобъ шаръ былъ красной, въ другой лазори, чтобъ былъ голубой; для зеленаго цвѣта положи яри; а въ другія шары другихъ красокъ, какихъ разсудишь, и оставь одинъ, или два шара бѣлыхъ. По томъ

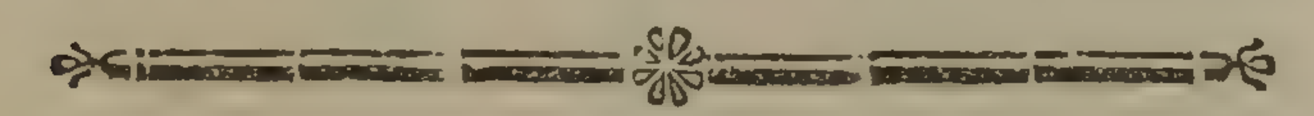
расплюсни ихЪ лепешками, и положивЪ сіи лепешки одна на другую, чтобЪ бѣлыя находилися вЪ срединѣ, большимЪ ножемЪ разрѣжь ихЪ во всю длину большими ломтями. Изрѣзавъ все, смѣшай сіи ломти, положи вЪ иготь, и сотри вмѣстѣ. СимЪ способомЪ будешь имѣть прекрасную яшму, которой взявЪ киркою или руками налѣпливай на тотЪ столЪ, или на ту вещь, которую дѣлать желаешь, и полируй киркою до тѣхЪ порЪ, пока она не будетЪ кЪ сему составу приставать. Когда выгладишь хорошенько; то поставь сохнуть вЪ тѣни.

КАКЪ ДѢЛАТЬ САХАРНОЕ МАСЛО.

Возьми большой свѣжій лимонЪ, и отрѣзавЪ конецЪ онаго, выдави изЪ него весь сокЪ, и наполни его толченымЪ сахаромЪ, или леденцомЪ; по томЪ поставь его вЪ чистой

глиняной фаянсовой не большой сосудъ, и дай сахару кипѣть четверть часа на угольяхъ: сахаръ превратится въ масло, которое никогда не застываетъ, и есть весьма превосходное лѣкарство отъ слабости и боли желудка, отъ насморковъ, простуды, грудныхъ болѣзней и прочаго, тому подобнаго.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ СУЕВѢРНЫХЪ ЛЮДЕЙ,

а наипаче о толкователяхъ сновъ. (*)

Тѣ, кои утвеождаютъ, что люди были бы несчастнѣе скотовъ, естьли бы ихъ надѣжда ограничивалася токмо здѣшнею жизнію, между прочимъ замѣчаютъ, что безсловесные животные ощущаютъ только настоящее зло, вмѣсто того, что люди огорчаются напоминаніемъ прошедшаго, и страхомъ будущаго. Сей страхъ столь сроденъ нашему уму, что естьли бы при окончаніи нашей жизни изчисляли всѣ наши печали и заботы; то бы вообще нашлося, что мы болѣе пре-

(*) Взято изъ Аглинскаго Зрителя.

терпѣвали отъ опасенія тѣхъ золъ, кои ни когда не случилися, нежели отъ ощущенія тѣхъ, кои дѣйствительно сбылися. Къ сему можно присовокупить, что въ числѣ несчастій, съ нами случающихся, многіе издали кажутся ужаснѣе, нежели вблизи.

Сія природная нетерпѣливость, знать будущее, и то, что въ послѣдствіи съ нами случится, произвела множество нелѣпыхъ искуствъ и изобрѣтеній. Нѣкоторые основываютъ свои предсказанія на знакахъ и чертахъ рукъ, или лица; другіе на знакахъ и родимыхъ пятнахъ, напечатлѣнныхъ природою на какомъ либо мѣстѣ тѣла; нѣкоторые читаютъ счастіе, или несчастіе человѣческое въ звѣздахъ, такъ, какъ иные искали онаго во внутренности животныхъ, или въ полетѣ птицъ. Самые даже лучшіе умы были болѣе, или мѣнѣе заражены симъ безразсуднымъ страхомъ и сими предзнаменованіями будущаго, кои основаны

на обыкновеннѣйшихъ дѣйствіяхъ натуры. Что можетъ быть удивительнѣе того, что Цицеронъ, блиставшій паче всѣхъ въ Сенатѣ Римской Республики, и которой, сверьхъ того, затмѣвалъ въ своемъ кабинетѣ всѣхъ мудрецовъ въ древности? Что можетъ быть удивительнѣе, говорю я, какъ видѣть его, разсматривающаго со священнымъ вниманіемъ, какимъ образомъ цыплята клюютъ хлѣбныя насыпанныя имъ зерна.

Хотя сіи нелѣпости и отвергнуты нашего времени философами и учеными; но находятся и нынѣ множество слабыхъ и незнающихъ людей, кои суть рабы суевѣрія. Въ простомъ народѣ видимъ мы тысячу различныхъ манеровъ предсказаній будущаго, кои надмѣру глупы, чтобъ подробно ихъ описывать. Они дѣлаютъ множество примѣчаній на дни, на числа, на звуки и проч. почитаемое ими за предзнаменованіе.

Однимъ словомъ: суевѣрный все на свѣтѣ почитаетъ оракуломъ; едва находитъ онъ подъ ногами своими соломинку, или кусокъ заржавившаго желѣза, которое бы почелъ онъ простымъ дѣйствіемъ нечаянности.

Не можно почти понять, сколь велико число колдуновъ, угадчиковъ и цыганокъ разсѣяно по всѣмъ провинціямъ, городамъ и деревнямъ Великобританіи, не щитая тѣхъ, кои называютъ себя Астрологами, и живутъ очень спокойно и достаточно на щетъ любопытства жителей Лондона и Вестминстера.

Между всѣми мнимыми способами гаданія, нѣтъ ни одного столь забавнаго, какъ то, которое основано на сновидѣніяхъ. Хотя то и справедливо, что въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ Богъ предсказалъ будущее нѣкоторымъ людямъ во сновидѣніи; но поелику цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобъ опровергнуть народныя заблужденія;

то я долженъ стараться вывести здѣсь глупость тѣхъ суевѣровъ, кои въ обыкновенномъ родѣ жизни утверждаются на вещахъ столь Химерическихъ и обманчивыхъ, каковы суть сны. Дабы въ ономъ успѣть, мнѣ надлежитъ только сообщить здѣсь слѣдующее письмо, писанное изъ такой части города въ которой всегда живалъ какой либо славный предсказатель, и куды съ давняго времени, всѣ повредившіяся въ умѣ пріобыкли приходить лѣчиться, или узнавать будущее.

Г. Зритель.

„Разбирая долгое время, какого „ремесла недостаетъ въ семъ пространномъ городѣ, я пробѣгалъ „мысленно всѣ художества, но ненашелъ одного только *Онекро-* „*критика*, или, по Русски сказать, „*толкователя сновъ*. За неимѣніемъ „столь полезнаго человѣка, многіе „честные люди, весьма о семъ за- „ботятся: ибо они круглой годъ

„бредятъ, не имѣя отъ того ни
„какой пользы. Я ласкаю себя, что
„имѣю всѣ дарованія, для занятія
„сего важнаго мѣста; поелику я
„училъ при свѣчѣ всѣ правила,
„предписанныя о семъ изящномъ ху-
„дожествѣ. Мой двоюродной дѣ-
„душка съ женниной стороны былъ
„изъ Шотландскихъ горъ, которой
„предсказывалъ будущее по нѣко-
„торымъ видѣніямъ, случавшимся
„съ нимъ не ночью и не во снѣ,
„а среди бѣлаго дня. Я имѣю на
„правой рукѣ шесть пальцовъ, и
„родился въ должайшую ночь въ
„году. Мое имя и прозваніе начи-
„наются и кончатся одинакими
„буквами. Я живу въ Мурь-
„фильдсѣ въ такомъ домѣ, гдѣ
„лѣтъ съ пятьдесятъ не перево-
„дятся колдуны.

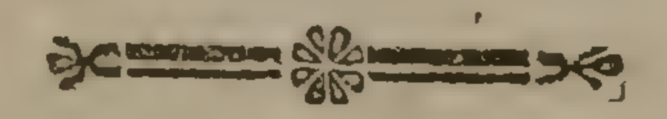
„Естьли бы вы столь же час-
„то, какъ я, видали женщинъ
„здѣшняго города; то бы вѣдали,
„что многія изъ нихъ всякой Бо-

„жій день, услыша или увидя, „что либо, неожидаемое, вскрикивают *вотъ мой сонъ сбылся*, и „которыя не могутъ спокойно „заснуть назавтра до тѣхъ поръ, „пока не случится чего либо такого, чемъ бы онѣ могли истолковать сновидѣнія своего прошедшей ночи. Другія изъ нихъ весьма сокрушаются, когда не могутъ „вспомнить подробно сна, которой „много волненія причинилъ имъ „тогда, какъ онѣ его видѣли. Однимъ словомъ много есть такихъ, „которыя цѣлой день думаютъ „только о томъ, что имъ ночью „грѣзилося. И такъ въ пользу тѣхъ „изъ моихъ соотечественниковъ обоего пола, кои имѣютъ до сего „великое любопытство, скажу я „имъ во первыхъ, что значатъ „ихъ сны, хотябъ они и думали, „что ни когда ничего не брѣдятъ. „Второе, услыша хотя одно обстоятельство сна, я весь оной

,,выведу, и наконецъ, объявлю имъ
,,чисто на чисто, къ худу или къ
,,добру виденной ими сонъ. Естьли
,,ли сонъ ни чего добраго не бу-
,,детъ имъ предвещать; то я за
,,труды мои ни чего съ нихъ не
,,потребую: но и надеюсь съ дру-
,,гой стороны, что приходящія ко
,,мне требовать толкованія на хо-
,,рошие сны, будутъ столько бла-
,,горазумны, что дадутъ мне при-
,,стойную часть, изъ какого либо
,,наследства, или барыша, которыя
,,имъ посредствомъ моего искусст-
,,ва предскажу. Я не требую ни
,,чего отъ бедныхъ людей, кроме
,,того, чтобъ имяна ихъ были по-
,,мещены въ моихъ публичныхъ объ-
,,явленіяхъ для вящаго утвержде-
,,нія истинны моихъ толкованій.
,,Что касается до знатныхъ особъ,
,,или одержимыхъ какою болезнію,
,,и следовательно не могущихъ лич-
,,но меня видеть; то такія да
,,благоволятъ только прислать мне

„своей урины, коея одного виду
„довольно мнѣ, для истолкованія
„ихъ сновъ. Я одинъ день въ не-
„дѣлѣ назначилъ для любовниковъ;
„а для старухъ за шестьдесятъ
„лѣтъ, я оптомъ толкую сны за
„полъефимка въ недѣлю, съ обык-
„новеннымъ уговоромъ, дать мнѣ
„часть, ежели онѣ получатъ по мо-
„ему предсказанію какое либо на-
„слѣдство. Наконецъ, я имѣю много
„убранныхъ комнатъ, кои отдаю
„въ наймы за сходную цѣну тѣмъ,
„кои не имѣютъ способовъ спокой-
„но дома брѣдить. Сверьхъ того
„я не нѣмъ.

Титусъ (*) Трофоніусъ.

(*) Имя одного славнаго въ древности угадчика, коего язычники почитали сыномъ Аполлона, и которой давалъ Оракулы.

СОНЪ.

Въ прошедшее Воскресенье былъ я у обѣдни въ приходской своей церкви, гдѣ слышалъ проповѣдь о томъ, что нѣтъ ни чего благоразумнѣе, какъ добродѣтель, и ни чего нѣтъ глупѣе порока. Проповѣдникъ между прочимъ объяснилъ намъ, что когда діаволъ насъ искушаетъ; то всегда почитаетъ насъ, или за бѣшеныхъ, или за дураковъ, или хочетъ насъ учинить таковыми и что во всѣхъ иныхъ случаяхъ, столь же противныхъ нашимъ выгодамъ, мы бы ни когда не далися въ толь грубой обманъ. Я нашелъ доказательства его столь справедливыми и убѣдительными, что онѣ великое впечатлѣніе сдѣлали надъ моимъ умомъ, и что въ вѣчеру легши спать, я съ невѣроятнымъ удовольствіемъ о томъ разсуждалъ до тѣхъ поръ, какъ сонъ сомкнулъ мои глаза; а

вообразкенїе мое, занятое симъ предметомъ, представило мнѣ слѣдующїй сонъ:

Мнѣ приснилося, будьто я пробудился отъ глубокаго сна; но не могъ вспомнить, въ которое время я заснулъ. Я вошелъ въ пространную долину, гдѣ находилося множество людей, туда и сюда бѣгающихъ по многимъ пробитымъ тропинкамъ, изъ коихъ одни были прямы, но большая часть изъ нихъ составляли родъ лавиринеа, хотя и показалося мнѣ по томъ, что всѣ онѣ вели къ одному мѣсту: такимъ образомъ большая часть сихъ прохожихъ, хотя казалося, совсемъ противными дорогами шли; но наконецъ встрѣчалися къ великому удивленїю большой части оныхъ.

Въ срединѣ сей долины находился большой источникъ, называемой источникомъ самолюбїя: изъ него истекали два ручейка, изъ коихъ одинъ текъ на востокъ, а

другой на западЪ. Воды перваго, коего называли источникомЪ небесныя мудрости, были удивительной прозрачности, а дѣйствіе ихЪ было еще того удивительнѣе; но воды другаго, имянуемаго источникомЪ свѣтской мудрости, были мутны и грязны, хотя всегда находилися вЪ жестокомЪ и безпрестанномЪ волненіи, что препятствовало путешественникамЪ, о коихЪ я скоро буду говорить, примѣтить нечистоту и тину, которую онѣ влекли сЪ собою: онѣ имѣли также свойство возмущать умЪ, пьющихЪ оныя, такЪ что они не могли различать предметовЪ, поражающихЪ ихЪ зрѣніе. ВЪ прочемЪ сіи два малые ручейки раздѣлялися близЪ своего источника на толикое же множество ручейковЪ, сколько находилося прямыхЪ и кривыхЪ дорожекЪ, близЪ коихЪ они протекали.

Я увидѣлЪ многихЪ людей, выходящихЪ изЪ сихЪ тропинокЪ, для

прохлажденія себя и напоенія водою изЪ сихЪ ручейковЪ, которая имЪ придавала силы и бодрости, и поощряла ихЪ кЪ лучшему исполненію предпріемлемаго ими.

При окончаніи прямыхЪ тропинокЪ, кои всѣ сходилися у одной точки, увидѣлЪ я большой столпЪ, весь изЪ алмаза, и столь же блестящій, какЪ солнце. Лучи сего столпа имѣли нѣкую притягательную силу, которая побуждала всѣхЪ, кЪ оному приближающихся, и кои уже совершили большую часть своего пути, обращать кЪ сей сторонѣ зрѣніе, шествовать твердыми и постоянными шагами по доброй дорогѣ, и дѣлать изЪ того привычку, которая служила имЪ вмѣсто награжденія.

При концѣ кривыхЪ дорожекЪ находился черный столпЪ, изЪ средины коего изходило безпрестанное пламя, и возвышаяся за облака ос-

вѣщало всю долину: сей свѣтъ былъ иногда столь силенъ, что помрачалъ лучи другова столпа, не отъ того, чтобъ онъ потерялъ хотя малѣйшую часть своего природнаго блистанія; но по той причинѣ, что путешественники, сбившися нечаянно съ прямыхъ дорогъ, не могли видѣть иначе сего столпа, какъ съ боку, и были окружены дымомъ чернаго столпа, коего жаръ, опаляя ихъ, понуждалъ, какъ можно скорѣе, удалиться.

Черный столпъ показался мнѣ окруженъ безчисленнымъ множествомъ странныхъ и огромныхъ чудовищь, кои безпрестанно раскидывали сѣти на кривыхъ дорогахъ, гдѣ и удавалося имъ иногда ловить, находящихся на нихъ путешественниковъ; поймавъ же ихъ такимъ образомъ, бросали они ихъ чрезъ стѣны въ пламя, исходящее изъ столпа, откуды не было уже средства имъ освободиться.

Сіи чудовища закидывали иногда свои сѣти и на прямыя дороги, стараясь нечаянно поймать тѣхъ, кои съ оныхъ, хотя мало, совращалися: ибо ихъ зрѣніе ослабѣвало, когда они забывали часто пить чистую воду изъ ихъ ручьевъ, и чрезъ то заблуждалися. Хотя тогда они и съ великимъ трудомъ избавлялися отъ разставленныхъ имъ сѣтей: но мнѣ однако же не можно было добиться, случалося ли такое нещастіе съ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кои явили усердіе шествовать по прямымъ дорогамъ.

Разсматривая со вниманіемъ столь чудное зрѣлище, былъ я извлеченъ изъ моей задумчивости толпою путешественниковъ, кои бѣжали по кривымъ дорогамъ. Приближась ко мнѣ, просили они меня за ними слѣдовать: начали пѣть, плясать, взяли меня за руку, и потащили за собою насильно. Слѣдуя за ними долгое время, весьма я

удивился не видя болѣе чернаго и пламеннаго столпа: я смотрѣлъ на всѣ стороны не видя ни чего; сіе мнѣ подало подозрѣніе, что всѣ видѣнное мною было во снѣ; но въ то же время пришло мнѣ въ умъ, что ежели я думалъ видѣть то, чего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, то могъ равно и невидѣть того, что дѣйствительно существуетъ. Я утвердился въ сей мысли дѣйствіемъ, которое учинила надо мною вода свѣтской мудрости: ибо, какъ скоро я два раза глонулъ оной, какъ голова моя закружилася, что и принудило меня вдругъ остановиться, боясь, чтобъ не было въ томъ какого волшебства и очарованія. Разсуждая о томъ, что мнѣ дѣлать, и къ кому прибѣгнуть въ такомъ состояніи, увидѣлъ я въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи человѣка, которой дѣлалъ мнѣ знакъ головою и руками, чтобъ я шелъ къ нему. Я закричалъ, что *не знаю дороги.*

Послѣ чего онъ громко сказалъ мнѣ, чтобъ я сошелъ, какъ можно скорѣе, съ той дороги, гдѣ я находился; по тому, что ежели еще одно мгновеніе промѣдлю, то попаду въ сѣть, которая висѣла уже надъ моею головою; что сверьхъ того, онъ удивляется слѣпотѣ моей, или безумію, что я не вижу угрожающей мнѣ опасности, и что какъ скоро я сойду съ дурной дороги, то онъ отведетъ меня въ безопасное мѣсто. Я ему безъ спора повиновался, и тогда онъ, почерпнувъ въ руку воды небесной мудрости, принесъ ко мнѣ. Сія вода была мнѣ весьма спасительна, и столь прочистила мое зрѣніе, что я увидѣлъ ясно большой тотъ горящій столпъ; но сѣть, которую я увидѣлъ столь близко отъ себя, наполнила меня такимъ ужасомъ, что я побѣжалъ изъ всей силы отъ того мѣста столь далеко, сколько могъ, и не оглядываяся назадъ.

Избавитель мой началъ мнѣ говорить слѣдующее: ты избавился весьма чуднымъ образомъ; вода, которую ты пилъ, имѣетъ свойство очаровывать всѣхъ пьющихъ оную, и отъ того-то происходитъ, что ты не былъ объятъ ужасомъ при видѣ всѣхъ бѣдствій и золъ сего мѣста: ибо кромѣ той толпы слѣпыхъ и безумныхъ, съ коими ты былъ, могъ ты видѣть еще многія иныя, кои очарованы инымъ образомъ, но не менѣе опасно. Посмотри на эту сторону, посмотри на сію толпу прохожихъ: они не будутъ пить сей обманчивой воды, они не потеряли еще изъ виду пламенную башню, они видятъ ся, когда на нея взглянутъ; но, посмотри, какъ они идутъ бокомъ, устремя глаза въ землю; ты бы почелъ ихъ за сумасшедшихъ, что они идутъ прямо въ сѣти, не бояся угрожающей имъ опасности. Воля ихъ столь развратна, а сердце

столь обольщенно утѣхами сего проклятаго мѣста, что, дабы не лишиться оныхъ, они на все отваживаются, и подвергаются всѣмъ окружающимъ ихъ бѣдствіямъ. Посмотри на сію другую толпу: когда составляющіе оную люди и не будутъ пить бѣдоносной воды; то идутъ по одинакому пути, въ которомъ не льзя имъ не заблудиться: взгляни, какъ они избираютъ самыя отдаленныя дороги; отъ сего-то произходитъ, что они обращаются часто спиною къ черному столпу, и что только съ боку иногда видятъ блестящій алмазный столпъ, которой весьма слабые лучи къ нимъ простираетъ. Сіи безумцы довольствуются симъ слабымъ свѣтомъ, не заботясь о томъ, больше ли ихъ другіе пользуются спасительнымъ вліяніемъ его лучей. Путь, по которому они идутъ, называется путемъ *суевѣрія*, или *человѣческихъ выдумокъ*: они не имѣютъ ни какого

уваженія ни къ законамъ ни къ правиламъ, предписуемымъ имъ тою страною, гдѣ они находятся, они дѣлаютъ свои законы и правила, кои безразсудно предпочитаютъ и по онымъ шествуютъ къ своей погибели.

По семъ показалъ онъ мнѣ множество другихъ родовъ безумныхъ, коихъ одинъ видъ вселилъ въ меня отвращеніе къ сему мѣсту. Наконецъ повелъ онъ меня къ прямымъ дорогамъ, гдѣ я нашелъ истинныя и постоянныя утѣхи, кои продолжалиля во все время моего пути, до тѣхъ поръ, какъ мы приближилися къ блистающему столпу. Тогда радость моя возрастала до такой степени, что не въ силахъ будучи вмѣстить ее въ моемъ сердцѣ, проснулся я съ великимъ огорченіемъ, что столь пріятное видѣніе въ одно мгновеніе ока изчезло.

О ПЬЯНСТВѢ И ЕГО ДѢЙСТВІЯХЪ.

Нѣтъ ни чего труднѣе, какъ истреблять тѣ пороки, коими люди превозносятся. Кто не подивится, что многіе славятся пьянствомъ? Анахарзисъ, прошенный въ Коринѳѣ на попойку, весьма замысловато сталъ требовать награжденія за то, что прежде всѣхъ напился пьянъ: ибо, говорилъ онъ, когда бѣгаются на колесницахъ, или пешкомъ, то первый, достигнувшій цѣли имѣетъ право требовать награжденія. — Въ нынѣшнія же развратныя времена совсемъ бываетъ тому противное; ибо честь принадлежитъ тому, кто болѣе выпьетъ, и кто положитъ, какъ говорятъ всѣхъ своихъ товарищей. На сихъ дняхъ видѣлъ я знакомца моего, честнаго господина *Воронкина*, которому вздумалося счесть, сколько прошло чрезъ горло его хмѣльнаго въ дватцать

лѣтъ времени, и по его щету вышло, что онъ выпилъ дватцать три бочки крѣпкаго Мартовскаго пива, четыре бочки Португальскаго вина, полбоченка полпива, три рюмки Шампанскаго, не щитая четырехъ сотъ большихъ чашь пуншу, и безчисленнаго множества рюмокъ водки и прочихъ напитковъ, которыя онъ ежедневно въ разныя часы пилъ. Я не сомнѣваюсь, чтобъ читатель мой не привелъ теперь себѣ на память многихъ, знакомыхъ ему людей, кои столь же симъ гордятся, сколько и другъ мой, господинъ Воронкинъ, и кои могутъ славиться такими же знаменитыми подвигами.

Наши новые Философы примѣчаютъ, что шаръ земной имѣетъ недостатокъ во влажности, и они приписываютъ сей недостатокъ тѣламъ прозябающимъ, кои обращаютъ въ собственное свое существо множество жидкихъ тѣлъ, невозвращающихся послѣ въ прежнее свое со-

стояніе. Но, сЪ дозволенія сихЪ почтенныхЪ мужей, не худо бы они сдѣлали, поставя вЪ сей же щотЪ сіе безчисленное множество разумныхЪ тварей, кои главную свою питу извлекаютЪ изЪ жидкостей, и кои гораздо болѣе пьютЪ прозябаемыхЪ тѣлЪ.

Однако же, сколь ни высокое мнѣніе имѣютЪ о себѣ сіи питухи; но пьяной человѣкЪ есть чудовище, ужаснѣйшее всѣхЪ, во вселенной находящихся; и нѣтЪ порока достойнѣйшаго презрѣнія и безобразнѣйшаго, вЪ глазахЪ всѣхЪ разумныхЪ людей, какЪ пьянство. Около 280 года по Р. Х. БонозЪ полководецЪ, родомЪ изЪ Гишпаніи, заставилЪ признать себя вЪ Галліи Императоромъ; но былЪ тамЪ разбитЪ совершенно, и по томЪ, по приказанію Проба, повѣшенЪ. ОнЪ быль столь страстной пьяница, что одинЪ изЪ его неприятелей, видя его на висилицѣ, назвалЪ повѣшенною бутылкою.

Можно сказать, что сей порокЪ крайнѣ врденЪ душѣ, тѣлу, щастію и имѣнію, зараженнаго онымЪ человѣка.

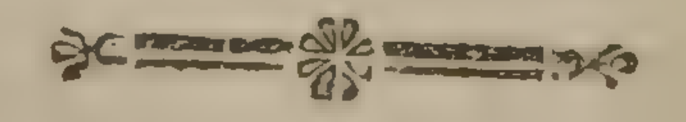
Что касается до ума; то оной порокЪ открываетЪ всѣ недостатки онаго. ЧеловѣкЪ трезвый и добродѣтельный можетЪ обуздывать всѣ пороки и безпорядки, кЪ которымЪ наиболѣе влечетЪ его склонность; но вино произрастаетЪ, и выводитЪ наружу всѣ злые сѣмяна, кроющіяся вЪ нѣдрахЪ души: оно распаляетЪ страсти, и придаетЪ силы предметамЪ, удобнымЪ возбуждать оныя. КакЪ нѣкій молодой человѣкЪ жаловался одному старому Философу, что жена его не хороша: другЪ мой, сказалЪ онЪ ему; лѣй меньше воды вЪ вино, то скоро найдешь ты ее пригожею. И дѣиствительно, вино превращаетЪ равнодушіе вЪ любовь, любовь вЪ ревнивость, а ревнивость вЪ бѣшенство. Оно часто порядочнаго

человѣка превращаютъ въ совершеннаго дурака, а сердитаго въ убійцу. Оно придаетъ горькости досадѣ, дѣлаетъ тщеславіе несноснымъ, и всѣ недостатки ума нашего представляетъ въ безобразнѣйшемъ видѣ.

Оно тѣмъ еще не ограничивается, и часто доводитъ человѣка до такихъ безпорядковъ, коимъ онъ не бывалъ подверженъ. Хотя Сенека и говоритъ, что пьянство не раждаетъ пороковъ, но выводитъ оные наружу: но достовѣрно можно сказать, что мысль сія болѣе красива, нежели справедлива, и что опытъ научаетъ насъ противному сему. Вино, такъ сказать, выводитъ человѣка изъ самаго его, и придаетъ его уму такія качества, каковыхъ онъ не зналъ въ трезвости. Тотъ, кто говоритъ съ тобою съ великою пріятностію; послѣ третьей бутылки не тотъ уже человѣкъ, которой сѣлъ съ тобою за столъ. На семъ-то основано одно изъ прекрас-

нѣйшихъ правилъ, когда либо мною читанныхъ, и приписываемое *Публію Сирію*. Тотъ, говоритъ онъ, кто смѣется надъ пьянымъ, обижаетъ отсудствующаго человѣка.

Такимъ-то образомъ пьянство дѣйствуетъ совсемъ въ противность разсудку, которой долженъ стараться о искорененіи изъ ума всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые уже имъ овладѣли, и охранять его отъ всѣхъ тѣхъ, кои покушаются въ него вкрасться. Но кромѣ сихъ дурныхъ слѣдствій, кои пьянство производитъ въ обладаемомъ онымъ человѣкѣ, оно еще имѣетъ вредное вліяніе надъ разумомъ, когда онъ и трезвъ: оно ослабляетъ по немногу разумѣніе, истребляетъ память, и чрезъ частое повтореніе его крайностей, превращаетъ всѣ пороки въ привычку.

ПИСЬМО НѢКОТОРОЙ ГОСПОЖИ КЪ ЗРИТЕЛЮ О ВСПЫЛЬЧИВОСТИ И ДОБРОСЕРДЕЧІИ ЕЯ МУЖА.

Г. Зритель!

„Я жена одного весьма порядочнаго „дворянина, очень добросердечнаго, „но при всемъ томъ, до чрезвы„чайности горячаго. Когда онъ сер„дитъ; то все должно передъ „нимъ падать; но какъ скоро сердце „пройдетъ; то онъ наилучшаго въ „свѣтѣ нрава. Когда онъ осердится; „то перебьетъ весь фарфоръ, ко„торой ему на глаза попадется; а „на другой день купитъ мнѣ она„го въ двое больше наканунѣ раз„битаго. Я могу сказать безъ при„бавки, что съ тѣхъ поръ, какъ „онъ на мнѣ женился, столько „перебилъ посуды, что бы сихъ де„негъ довольно было на часть од„ного изъ нашихъ дѣтей.

,, Какъ скоро онъ начнетъ сер-
,, диться; то все перебьетъ, что
,, только тростью своею достать
,, можетъ. Я однажды упросила его,
,, чтобъ онъ не ходилъ съ тростью;
,, но тѣмъ ни чего не выиграла: по
,, тому, что въ одинъ день, какъ
,, я не помню что-то сдѣлала ему
,, противное, онъ толкнулъ ногою
,, и разбилъ прекрасную большую
,, фарфоровую урну, которая ему
,, стоила больше пятидесяти рублей,
,, и которую купилъ онъ за недѣлю
,, предъ тѣмъ. Тогда я сложила всѣ
,, куски вмѣстѣ, отдала ему трость,
,, и просила, чтобъ онъ, когда раз-
,, сердится, то бы билъ сею по сему
,, разбитому уже фарфору: но на
,, другой же день, услышавъ, что
,, я не такъ что-то слугѣ прика-
,, зала, онъ такъ взбѣсился, что
,, разбилъ цѣлую дюжину моихъ
,, чайныхъ чашекъ, которыя по не-
,, счастію подвернулися ему подъ
,, трость.

,, Послѣ сего произшествія, я
,, велѣла перенести весь мой фарфоръ
,, въ такую комнату, куды онъ не
,, часто ходитъ; но и то мнѣ не уда-
,, лося: ибо онъ перебилъ всѣ мои
,, зеркала на тысячу штукъ.

,, Однимъ словомъ: всякой разъ,
,, какъ онъ осердится; то напада-
,, етъ на все ломкое; и естьли бы
,, случилося, чтобъ онъ ни чего та-
,, кого не нашелъ, на чемъ сорвать
,, гнѣвъ свой; то врядъ не добрал-
,, ся ли бы онъ до моихъ костей.
,, И такъ я васъ умоляю, Государь
,, мой, сказать мнѣ, нѣтъ ли како-
,, го лѣкарства отъ такой странной
,, болѣзни; естьли же нѣтъ; то
,, сдѣлайте милость, обнародуйте
,, хотя сіе письмо. Мужь мой, у-
,, важая ваши творенія, и читая
,, ихъ съ удовольствіемъ, увидитъ
,, по крайней мѣрѣ чрезъ то, что
,, вы не одобряете его поступковъ.

Я есмь и проч.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О РАЗГОВОРАХЪ.

Природа дала намъ два глаза и два уха, но одинъ языкъ: дабы научить насъ, что мы должны много смотрѣть, много слушать и мало говорить: ибо мы слушая и смотря, научаемся; но говоря часто показываемъ свои недостатки, которыя бы молчаніемъ можно было скрыть.

Говорить много и хорошо, есть дарованіе остраго ума; говорить мало и хорошо, есть свойство мудраго; говорить много и дурно, есть порокъ высокомѣрнаго невѣжды; говорить мало и дурно, есть порокъ глупца.

О ТЕРПѢНІИ.

Терпѣніе есть великодушный другъ, въ щастіи намъ непоказывающійся, но которой въ нещастіи никогда не отказываетъ намъ въ своей помощи: когда мы боремся съ злополучіемъ, то сія добродѣтель раздѣляетъ съ нами бремя нашихъ печалей, дабы мы не пали подъ онымъ.

О БѢДНОСТИ.

Бѣдность есть мать ученыхъ мужей: ибо необходимость есть шпора, побуждающая къ трудамъ, подобно, какъ жестокій и немилосердый Господинъ.

Страхъ бѣдности, заставляетъ тщеславнаго человѣка раззоряться на

екипажахЪ, на богатыхЪ и великолѣпныхЪ пиршествахЪ, и прочихЪ безразсудныхЪ издержкахЪ, дабы показаться богатымЪ. СтрахЪ же бѣдности, сЪ другой стороны, заставляетЪ благоразумнаго человѣка довольствоваться только нужнымЪ, смотрѣть за своими служителями и работниками, и соразмѣрять расходЪ сЪ приходомЪ. Перьвый большими шагами приближается кЪ бѣдности; а второй ежедневно отЪ оной удаляется.

О СОВЕРШЕНСТВѢ.

Кромѣ единаго бытія, существующаго самимЪ собою, нѣтЪ ни чего совершеннаго: все, что принадлежитЪ кЪ человѣку, участвуетЪ вЪ его бренности: все конечно, все времянно вЪ сей жизни. Когда бы состояніе, дѣлающее насЪ благополучными и безпрестанно продолжалося; то и тогда бы

привычка, наслаждаться, родила въ насъ къ сему отвращеніе. Естьли внѣшность не перемѣняется; то сердце наше перемѣняется: когда счастіе насъ не оставляетъ; то мы сами его оставляемъ.

О ЗОЛОТѢ.

Сколь безразсуденъ человѣкъ, что ищетъ въ нѣдрахъ земныхъ металлъ, сѣющій повсюду раздоры, раждающій пороки, и которой есть ни что иное, какъ бѣдоносное орудіе его несчастій.

О СМЕРТИ.

Свѣтъ есть темница, наполненная преступниками, осужденными на смерть, и въ которой время всякой часъ звонитъ, тотъ которой назначенный для казни.

Смерть страшна намъ кажется

только отъ того, что мы не стараемся хорошо жить: могила не имѣетъ ни чего страшнаго, для человѣка, прилѣпленнаго къ добродѣтели. Вмѣсто того, чтобъ взирать на нея съ ужасомъ, онъ почитаетъ ее не своимъ гробомъ; но гробомъ слабостей и бѣдностей людскихъ, кои онъ съ себя свергнетъ.

О ЗАКОНѢ.

О удивленія достойное дѣйствіе! Законъ Христіанскій, который кажется имѣетъ предметомъ токмо блаженство будущей жизни, и въ сей жизни учиняетъ наше благополучіе.

Забвеніе закона влечетъ къ забвенію всѣхъ должностей человѣка. Колихъ сладостей лишенъ беззаконникъ? Какое чувствіе удобно утѣшить его въ печаляхъ? Какой зритель одобряетъ его добрыя дѣла, въ тайнѣ чинимыя? Какой мзды

можетъ онъ ожидать за свои добродѣтели? Какимъ окомъ долженъ онъ взирать на смерть? Какой сильной доводъ противъ невѣрующаго, есть жизнь истиннаго Христіянина! Какая картина для сердца его, когда его жена, дѣти и друзья споспѣшествуютъ къ его наученію благочестивыми своими дѣяніями, и когда онъ видитъ въ домѣ своемъ блистающій образъ неба.

О упрямствѣ.

Упрямство есть порокъ обыкновенный дуракамъ и скотамъ. Умѣть уступить къ статѣ, есть знакъ благоразумія. Искусный кормчій опускаетъ свои парусы, когда вѣтръ дуетъ въ нихъ надмѣру сильно.

Утверждать свое мнѣніе съ упрямствомъ, есть мѣнѣе защищать истинну, нежели показывать свою грубость; по тому, что учтивость

требуютъ уступать даже и въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ истинна совершенно на нашей сторонѣ.

О благородствѣ.

Сіи родословныя деревья и сіи портреты предковъ твоихъ, служатъ токмо къ посрамленію твоему, естьли поведеніе твое и дарованія не соотвѣтствуютъ имъ. Естьли же ты честной человѣкъ, естьли ты имѣешь тотъ духъ правоты и справедливости, коимъ они были одушевленны; то я признаю тебя за ихъ потомка, и за человѣка рѣдкаго и полезнаго отечеству, къ благу коего употребляешь ты сіи качества сердца и ума, коими ты оному обязанъ.

Кто превозносится благородствомъ своихъ предковъ; тотъ ищетъ въ корняхъ плодовъ, кои бы долженствовали быть на вѣтьвяхъ.

Гербы, жалованныя предкамъ грамоты, надписи и тому подобное, суть весьма нужныя знаки нѣкоторымъ дворянамъ: дабы тѣмъ показать ихъ благородство, о которомъ ни добродѣтель, ни честь, ни благоразуміе ни чего не объявляютъ.

Благородное имя есть домашній шпіонъ: оно всегда твердитъ носящему оное человѣку, не дѣлать ни чего недостойнаго его произхожденія. Оно есть факелъ, его просвѣщающій; оно есть менторъ, безпрестанно на ухо ему твердящій, чтобъ онъ подражалъ образцамъ мужества и добродѣтели, коими блистали его предки. О сколько есть людей невнимающихъ сему гласу, и кои не имѣютъ ни чего благороднаго, кромѣ имени!

О ПРИРОДѢ.

Природа есть внѣшній престолъ Божескаго великолѣпія; созерцающій ея человѣкъ, и вникающій въ оную, восходитъ постепенно къ внутреннему трону Всемогущаго. Сотворенный, для обожанія Создателя, повелѣваетъ онъ всѣми тварями. Подданный неба и Царь земли, онъ облагородиваетъ ее, населяетъ и украшаетъ. Онъ-то учреждаетъ, между живущими бытіями, порядокъ, повиновеніе и согласіе. Онъ украшаетъ и самую природу; онъ обработываетъ ея, распространяетъ и обдѣлываетъ.

Бюфонъ.

ФЕНИКСЪ.

Безрукой нижнихъ мѣстъ Судья, Вельможа безъ долговъ, богатый стихотворецъ, смиренный Гишпанецъ, угомонный Французъ, трезвый

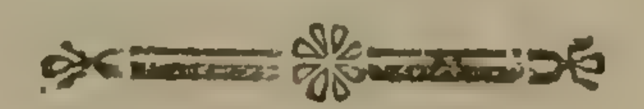
Швейцарецъ, награжденный ученый, цѣломудренная вдова, недовольный дуракъ, чистосердечная женщина и истинный другъ, суть Фениксы, коихъ ищутъ; но едва ли находятъ.

О УТѢХАХЪ.

Утѣхи въ разсужденіи человѣка суть такъ, какъ соль и уксусъ въ разсужденіи яствъ. Соль не берутъ полными горстями, уксусъ не пьютъ полными стаканами. Онѣ должны быть въ трудахъ то, что вмѣстительная строка въ цѣлой рѣчи.

Истинныя и постоянныя утѣхи суть тѣ, на коихъ разсудокъ положилъ свою печать; онъ есть строгій канцлеръ, не долженствующій ни чего запечатлѣвать, не обдумавъ и не разсмотрѣвъ внимательно. Утѣха, раждающаяся отъ добродѣтели, отъ наслажденія воз-

растаетъ, торжествуетъ надъ временемъ, сопровождаетъ старика до конца дней его, и бросая на будущее весь свѣтъ свой, разгоняетъ предъ нимъ печальныя тучи смерьти. Вѣчность, подобно находящемуся еще подъ горизонтомъ солнцу, простираетъ уже нѣкоторые лучи; коихъ блескъ позлащаетъ его гробницу, и являетъ ему перьвый разсвѣтъ дня вѣчнаго.

ПИСЬМО
О ВОСПИТАНІИ ЮНОШЕСТВА.

Государь мой!

Позвольте мнѣ предложить вамъ нѣкоторой образъ воспитанія, которой по моему разсужденію, кажется мнѣ весьма удобенъ внушить въ отроковъ правила добродѣтели, между тѣмъ, какъ они дѣлаютъ успѣхи въ наукахъ.

Я знаю, что въ большой части нашихъ Народныхъ Училищь порокамъ не потакаютъ, и наказываютъ, когда примѣтятъ; но сего не довольно, естьли юношество не научится тамъ судить здраво о вещахъ, и знать въ чемъ состоитъ добродѣтель.

Для сего, когда наши молодые люди читаютъ жизнь и дѣянія великихъ людей; то не должно бы довольствоваться только изученіемъ имъ Греческаго и Латинскаго языковъ; но надлежало бы спрашивать у нихъ, что они думаютъ о такомъ-то дѣяніи или сказаніи, и принуждать ихъ сказывать причины, по чему они одно одобряютъ, а другое охуждаютъ. Симъ способомъ они бы навыкли имѣть справедливое понятіе о мужествѣ, о воздержаніи, о чести, о правосудіи и проч.

Когда представляютъ имъ кого либо въ примѣръ; то весьма должно остерегаться одобрять его вообще, но только въ томъ, что онъ имѣетъ

похвалы достойнаго: ибо и самые великiе люди имѣютъ свои недостатки. Безъ сей предосторожности часто случается, что молодой человѣкъ столь прельстится блескомъ ослѣпительнаго характера, что смѣшиваетъ добродѣтели онаго съ пороками, и удивляется тому, что достойно презрѣнiя.

Я часто дивился, что Александръ, которой былъ добросердеченъ, великодушенъ и милосердъ, учинилъ столь варварское дѣянiе, когда тащилъ онъ за колесницею своею Правителя одного взятаго имъ города. Я знаю, что сiе дѣянiе приписываютъ великому уваженiю, которое имѣлъ онъ къ Омиру; но читая недавно Плутарха, нашелъ я нѣчто, болѣе объясняющее тому причину, естьли я не обманываюсь. Сей историкъ повѣствуетъ, что Александръ имѣлъ въ юношествѣ своемъ учителя, называемаго Лизимахомъ, которой, не взирая на врож-

денную свою грубость, пришелЪ вЪ милость кЪ Царю Филиппу, и кЪ своему питомцу, и учинился второю особою вЪ государствѣ за то, что Царя прозвалЪ ПелеемЪ, Александра АхилломЪ, а себя ФениксомЪ. И такЪ не должно дивиться, что АлександрЪ, привыкнувЪ не только удивляться Ахиллу, но даже играть его лице, думалЪ, что слава его померкнетЪ, естьли онЪ не учинитЪ столь же жестокаго и безумнаго дѣянія.

Дабы присовокупить нѣчто кЪ сей мысли, я оставляю вамЪ судить, что вмѣсто того, чтобЪ занять ученика сочиненіемЪ тѣмы, или какихЪ либо стиховЪ, кои суть обыкновенныя школьныя упражненія, не лучше ли бы было заставить его раза два вЪ недѣлю, написать мнѣніе его о людяхЪ и вещахЪ, кои онЪ находитЪ вЪ своихЪ чтеніяхЪ; заставить его разсуждать, на примѣрЪ, о дѣяніяхЪ Турна, или Енея,

показать въ чемъ сіи дѣянія велики, или въ чемъ недостаточны; хвалить или осуждать какой либо поступокъ, дѣлать свои замѣчанія, какимъ бы образомъ можно придать оному болѣе совершенства, и сравнивать съ другими. Онъ могъ бы также примѣчать, что находится нравоучительнаго въ рѣчи, и проч: такія упражненія не замедлили бы укрѣпить его понятіе, и подали бы ему справедливыя о вещахъ мысли, о томъ, что хвалы или хулы достойно, и внушили бы ему твердыя и истинныя правила добродѣтели и нравственности.

Кромѣ примѣровъ, въ книгахъ встрѣчающихся, я весьма одобряю предписаніе Гораціево, которой желаетъ, чтобъ представляли глазамъ юношества похвальныя или порочныя нравы ихъ современниковъ. Симъ-то образомъ, говоритъ онъ, поступалъ мой отецъ, когда онъ желалъ внушить въ меня какую либо добро-

дѣтель, или предостерѣчь отъ порока. Когда онъ поощрялъ меня къ умѣренности и трѣзвости; то говорилъ мнѣ: довольствуйся, сынъ мой, тѣмъ малымъ имѣніемъ, которое я для тебя собралъ. Посмотри на сына Албіева, какъ онъ нуждается? Барръ не имѣетъ пропитанія, онъ все проѣлъ. Ихъ крайность да будетъ тебѣ спасительнымъ наставленіемъ, и да научитъ тебя берѣчь свое добро. Естьли же когда желалъ онъ внушить мнѣ омерзеніе къ распутству съ женщинами; то напоминалъ мнѣ, чтобъ я опасался уподобиться Сектанію. Когда же хотѣлъ онъ воспрепятствовать мнѣ осквернить чужое ложе; то говаривалъ: развѣ тебѣ не позволено жениться честнымъ образомъ, и развѣ не знаешь ты какимъ поношеніемъ покрылъ себя Требоній, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ найденъ въ прелюбодѣяніи? Для показанія, сколь дѣйст-

вителенъ сей образъ воспитанія, стихотворецъ заключаетъ, что сіе столь же сильное впечатлѣніе учиняетъ надъ разумомъ юношей, сколь смерть, въ сосѣдствѣ случившаяся, поражаетъ больныхъ, кои бояся также умерѣть, воздерживаютъ себя отъ пищи, хотя и великую охоту къ тому имѣютъ, и тѣмъ себя спасаютъ.

Училища правосудія, о коихъ Ксенофонтъ говоритъ въ Кировой Исторіи, суть довольно извѣстны. Онъ повѣствуетъ, что дѣти Персіянъ всякой день ходили въ оныя учиться правосудію, такъ, какъ Греки посылали дѣтей своихъ въ обыкновенныя училища, для обученія наукамъ. ,,Ихъ наставники, *гово-* ,,*ритъ онъ*, занимаются большую ,,часть дня разбирательствомъ ихъ ,,ссоръ: ибо и между дѣтьми бы- ,,ваетъ то же, что между взрос- ,,лыми людьми, и они также об- ,,виняютъ другъ друга иногда въ

,,кражѣ, въ насиліи, въ обманѣ, въ
,,обидахъ и въ ругательствахъ.
,,Естьли кто изъ нихъ будетъ и-
,,зобличенъ въ сихъ преступлені-
,,яхъ, то его наказуютъ; и столь-
,,ко же строго наказываютъ и об-
,,винителя, естьли онъ поклеплетъ
,,невиннаго.,,

Метода, употребляемая Индійскими Гимнософистами въ воспитаніи ихъ учениковъ, еще любопытнѣе и достойнѣе примѣчанія. Вотъ какимъ образомъ Апулей ея намъ описываетъ. Когда время приспѣетъ ,,къ обѣду, *говоритъ онъ*; то прежде, нежели сѣсть за столъ, учители спрашиваютъ каждаго ученика, чемъ онъ отъ восхожденія солнца занимался. Одни отвѣчаютъ, что они будучи выбраны посредниками въ ссорѣ двухъ особъ, разобрали ихъ неудовольствія и примирили ихъ; другіе доносятъ, что они выполнили приказанія своихъ родителей, а иные, что они по-

средствомъ прилѣжности своей къ наукамъ открыли нѣчто новое, или научилися тому, отъ кого либо изъ своихъ товарищей: но естьли случится кто нибудь въ семъ числѣ, которой въ утро не сдѣлалъ ни чего полезнаго; то его отдѣляютъ отъ прочихъ, и заставляютъ работать между тѣмъ, какъ другіе ѣдятъ.

Изъ сихъ различныхъ способовъ воспитанія, для внушенія дѣтямъ добродѣтели, не невозможно составить одно общее. Все, что я чрезъ то хочу сказать, есть то, что по мнѣнію всѣхъ здравомыслящихъ людей, не льзя довольно рано начать вперять добродѣтель юношеству, поелику первыя впечатлѣнія суть всегда живѣе и продолжительнѣе тѣхъ, кои бы пожелали учинить въ послѣдствіи.

Безсмертный Фенелонъ заставляетъ говорить Телемака, что хотя онъ и юнъ, но состарѣлся уже

въ обычаѣ, хранить свою тайну, и не объявлять никогда тайны чужей. ,, Когда родитель мой, продолжаетъ сей Князь, отправился къ Троянской осадѣ; то, будучи окруженъ всѣми Вельможами Итакскими, взялъ онъ меня на свои колѣни, и нѣжно облобызавъ, сказалъ имъ: О! друзья мои; я оставляю вамъ сего, столь драгоцѣннаго мнѣ сына; пекитесь о его младенчествѣ. Естьли вы меня любите; то отдалите отъ него пагубную лѣсть, и научите его побѣждать самого себя. Паче всего, не оставьте ни чего употребить, для содѣланія его справедливымъ, благотворительнымъ, искреннимъ и вѣрнымъ хранителемъ тайны. Слова сіи, продолжаетъ Телемакъ, кои рачительно мнѣ повторяли, проникли въ нѣдра сердца моего: я часто самъ себѣ ихъ пересказывалъ. Друзья отца моего старалися научить меня хранить тайны съ моего младенчества. Когда я былъ еще въ самыхъ

нѣжныхъ лѣтахъ; то они ввѣряли мнѣ всѣ внутреннія свои скорби, видя мать мою, окруженную великимъ числомъ дерзновенныхъ, желающихъ на ней жениться. И такъ со мною въ то время обходилися уже, какъ съ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ и надѣжнымъ; часто разсуждали со мною о важнѣйшихъ дѣлахъ; сказывали мнѣ, какимъ образомъ они были намѣрены удалить сихъ жениховъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, видя такую къ себѣ довѣренность. Чрезъ сіе почиталъ я себя совершеннымъ человѣкомъ. Никогда не употреблялъ я сего во зло. Никогда изъ устъ моихъ не выходило ни одного слова, которое бы могло открыть малѣйшую ввѣренную мнѣ тайну. Часто женихи моей матери старалися заставить меня говорить, надѣясь, что рабенокъ, увидя или услыша, что либо важное, не въ состояніи удержаться, чтобъ не сказать сего; но я умѣлъ отвѣ-

чать имъ, не прибѣгая къ лжи, и не открывая имъ того, чего не должно было мнѣ имъ сказывать.,,

Едва сыщется ли, хотя одна добродѣтель, къ которой бы симъ способомъ, то есть примѣрами и употребленіемъ, не могъ получить склонности молодой человѣкъ.

Я слышалъ объ одномъ школьномъ учителѣ, человѣкѣ весьма хорошемъ, что онъ давалъ иногда по пяти копѣекъ каждому ученику, съ тѣмъ, чтобъ они назавтра сказали ему, куды употребили сіи деньги. Третья часть оныхъ всегда опредѣлена была на подаяніе, и каждой изъ нихъ получалъ похвалу или хулу, смотря по предмету, избранному имъ.

Наконецъ, во всѣхъ школахъ ни въ чемъ столько нѣтъ недостатка, какъ въ расположеніи учителей, смотрѣть за поведеніемъ ихъ учениковъ, съ такимъ раченi-

емъ, каковое употребляютъ они, обучая ихъ наукамъ и ученымъ языкамъ.

О ХУДОМЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВРЕМЕНИ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ЛЮДЕЙ.

Августъ, за нѣсколько часовъ до смерти, спросилъ у своихъ придворныхъ, его окружающихъ, хорошо ли онъ игралъ свою ролю на семъ свѣтѣ; и какъ они дали ему на то отвѣтъ, достойный его рѣдкихъ дарованій; то онъ примолвилъ, *хлопайте въ ладоши, я ее кончилъ*: сія была обыкновенная рѣчь Римскихъ Актеровъ, по окончаніи на театрѣ какой либо драммы. Я желалъ бы, чтобъ всякой, въ то время, какъ онъ наслаждается совершеннымъ здоровьемъ, благоволилъ бы подумать о той ролѣ, которую онъ играетъ на свѣтѣ, и о той памяти, которую оставитъ онъ по себѣ слѣдую-

щимЪ родамЪ. Я хотѣлЪ бы, чтобЪ онЪ разсмотрѣлЪ со вниманіемЪ, достойна ли была его роля, чтобЪ онЪ родился выполнять оную, сообразна ли она сЪ достоинствомЪ разумнаго бытія: пускай прожора, насмѣшникЪ, сатирикЪ, или пьяница разсмотритЪ самЪ, какая ему будетЪ изЪ того польза, естьли скажутЪ о немЪ, когда тѣло его предано будетЪ землѣ, а душа пройдетЪ вЪ новое состояніе, что ни кто вЪ Россіи такЪ сладко не ѣдалЪ, что онЪ имѣлЪ отмѣнное дарованіе смѣяться надЪ ближнимЪ, что ни кто не могЪ сЪ нимЪ сравниться вЪ язвительныхЪ насмѣшкахЪ, или, что онЪ ни когда не ложился спать, не осушивЪ трехЪ бутылокЪ вина. ВотЪ обыкновенное содержаніе надгробныхЪ нашихЪ словЪ, и вотЪ вЪ чемЪ состоитЪ похвала, дѣлаемая тѣмЪ умершимЪ, кои были вЪ свѣтѣ извѣстны, и блистали вЪ ономЪ.

Но естьли посмотрѣть на большую часть рода человѣческаго; то увидишь, что множество изъ нихъ недостойны того, чтобъ объ нихъ помнили минуту, послѣ смерти. Они не оставляютъ ни малѣйшаго слѣду своего существованія, и ихъ забываютъ такъ, какъ будьто они ни когда не были на свѣтѣ. Ни бѣдные, ни богатые объ нихъ не жалѣютъ, а ученые не забавляются прославленіемъ ихъ памяти. Общество не имѣло въ нихъ нужды, и каждой человѣкъ, порознь, могъ легко безъ нихъ обойтися. Изъ дѣяній ихъ родъ человѣческой ни какого употребленія не можетъ сдѣлать, и твари нижшаго гораздо роду могли бы столь же хорошо оное выполнить, какъ и сіи люди. Одинъ знаменитый Французскій писатель (*) нѣгдѣ такъ о семъ изъясняется: ,, есть твари Божія, имѣ-

---

(*) Ла Брюїеръ.

ющія душу, и называемыя человѣками, коихъ вся жизнь занята пиленіемъ камней, и все ихъ вниманіе устремлено въ сіе упражненіе; сіе весьма маловажно. Другія, такія же твари, тому удивляются; но они совсемъ безполезны, и проводятъ всю жизнь въ совершенномъ бездѣйствіи, что еще меньше, нежели пилить камни.

Одинъ, изъ моихъ пріятелей, расказывалъ мнѣ вчера о нѣкоторомъ честномъ гражданинѣ, умершемъ за нѣсколько дней предъ симъ. Сей честный человѣкъ, уважающій себя гораздо болѣе, нежели сколько отъ людей былъ уважаемъ, велъ съ нѣсколька лѣтъ журналъ своей жизни. Пріятель мой показалъ мнѣ недѣлю сего журнала, которую я при семъ читателю сообщаю.

„*Понедѣльникъ*. Въ 8 часовъ по
„утру. Я одѣлся, и сходилъ на
„минуту въ столовую.

„ВЪ 9 часовЪ по утру же. „Подвязалъ я подвязки, и вымылЪ „руки.

„ОтЪ 10, до 11 часовЪ, и до „полдня. Я выкурилЪ три трубки „Виргинскаго табаку. ПрочиталЪ „вѣдомости и сЪ прибавленіями. „Французскіе дѣла худо идутЪ. „Мнѣніе о томЪ пріятеля моего „Господина Н.

„ВЪ 1 часЪ по полудни. Я „бранилЪ Ваньку за то, что онЪ „не скоро сыскалЪ мою табакерку.

„ВЪ 2 часа. СѣлЪ я обѣдать. „*Примѣч.* вЪ одномЪ соусѣ много „было изюму, а другой былЪ очень „жиренЪ.

„ОтЪ 3, до 4 часовЪ. Я спалЪ.

„ОтЪ 4, до 6. Прогуливался „я за городомЪ. ВѣтерЪ былЪ Ю-„го-восточной.

„ОтЪ 6, до 10 часовЪ. БылЪ „я вЪ гостяхЪ.

„ВЪ 10 часовЪ. Я легЪ, и „спалЪ всю ночь очень крѣпко.

„ *Вторникъ.* Праздничной день. Въ „ 8 часовъ. Я по обыкновенію всталъ.

„ Въ 9 часовъ. Умылъ лице и „ руки, выбрился и надѣлъ башма- „ ки съ двойными подошвами.

„ Въ 10, 11 и 12 часовъ, я про- „ хаживался по улицамъ.

„ Въ 1 по полудни, выпилъ бу- „ тылку щегольскаго пива у прія- „ теля моего Б.

„ Въ 3 часу, возвратясь домой, „ съѣлъ я заднюю часть жареной „ телятины. *Прим.* Жаль, что не „ было капустной салады.

„ Въ 3 часа. Я по обыкновенію „ легъ отдохнуть.

„ Отъ 4, до 6 часовъ. Былъ „ я въ кофейномъ домѣ, читалъ га- „ зеты, и выпилъ чашку кофе и „ чашку чаю. Великій Визирь у- „ давленъ.

„ Отъ 6, до 10 часовъ. Былъ „ я въ пріятельской беседѣ. Госпо- „ динъ Н. говорилъ весьма красно „ о Султанѣ Турецкомъ.

„ВЪ 10 часовЪ. Я легЪ. Ви-
„дѣлЪ во снѣ Визиря, и спалЪ очень
„безпокойно.

Среда. ВЪ 8 часовЪ по утру.
„СпенёкЪ у одной башмашной моей
„пряжки изломался. Я умылЪ руки,
„а лица не умывалЪ.

„ВЪ 9 часовЪ. ЗаплатилЪ мяс-
„нику долгЪ.

„ВЪ 10 и 11 часовЪ. БылЪ вЪ
„кофейномЪ домѣ: Французскія дѣла
„все хуже становятся.

„ОтЪ 12, до 1. Прогуливался
„за городомЪ. ВѣтерЪ былЪ Южной.

„ОтЪ 1, до 2 часовЪ. Выку-
„рилЪ полторы трубки табаку.

„ВЪ 2 часа. ОбѣдалЪ по обык-
„новенію. АпетитЪ былЪ хорошь.

„ВЪ 3 часа. Оловянное блюдо
„упало сЪ полки, и меня разбудило.
„*Прим.* Кухарка моя вЪ кого-то
„влюбилася, и отЪ того нерачитЪ
„о своей должности.

„ОтЪ 4, до 6 часовЪ, былЪ
„вЪ кофейномЪ домѣ. ИзЪ Смирны

„пишутЪ, что Великаго Визиря прежде удавили, а по томЪ отрубили „уже голову.

„ВЪ 6 часовЪ въ вѣчеру. БылЪ „я вЪ обыкновенной своей бѣседѣ. „Г. Н. споритЪ, что не 6, а 7 числа Визиря удавили.

„ВЪ 10 часовЪ легЪ спать. „СпалЪ безЪ просыпа до 9 часовЪ „утра.

Четвертокъ. ВЪ 9 часовЪ. ПробылЪ дома до 2 часовЪ по полудни, дожидался Г. Щ. сЪ деньгами; но онЪ не бывалЪ.

„ВЪ 2 часа по полудни. СѣлЪ „я обѣдать. Апетиту почти не „было. Пиво прокисло, а говядина „такЪ солона, что горло деретЪ.

„ВЪ 3 часа я не могЪ уснуть „по обыкновенію.

„ОтЪ 4, до 5 часовЪ. ДалЪ „Ванькѣ пощечину. СогналЪ со двора кухарку. ПослалЪ письмецо кЪ „Г. Щ. *Прим.* ВЪ сей вѣчерЪ не „былЪ я вЪ гостяхЪ.

„ Легъ спать въ 9 часовъ.

„ *Пятница.* Целое утро думалъ „о неисправности Г. Щ. который „пришелъ ко мнѣ въ 11 часовъ и „45 минутъ.

„ Въ 12 часовъ. Купилъ новой „набалдашникъ на трость, и снѣ„нокъ въ пряжку. Выпилъ стаканъ „полынного пива, для возбужденія „апетиту.

Отъ 2, до 3 часовъ, обѣдалъ и „хорошо отдыхалъ.

„ Отъ 4, до 6 часовъ. Былъ „въ кофейномъ домѣ. Нашелъ тамъ „Г. Н. Выкурилъ нѣсколько тру„бокъ табаку. Г. Н. думаетъ, что „кофе съ сахаромъ вреденъ для „головы.

„ Въ 6 часовъ. Былъ я въ гос„тяхъ, и домой пришелъ поздо.

„ Въ полночь. Приснилося мнѣ, „будьто я пью пиво съ Великимъ „Визиремъ.

,, *Суббота*. ВсталЪ вЪ 11 часовЪ,
,,и прогуливался за городомЪ. Вѣ-
,,терЪ былЪ Сѣверо-восточной.

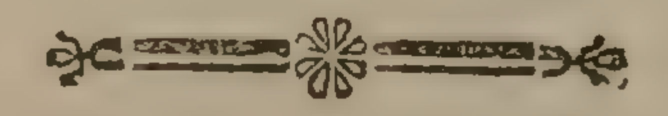
,,ВЪ 12 часовЪ засталЪ меня
,,на дорогѣ сильной дождь.

,,ВЪ 1 часЪ по полудни. При-
,,шолЪ домой и велѣлЪ высушить
,,платье.

,,ВЪ 2 часа Г. Н. у меня о-
,,бѣдалЪ. Первое блюдо было моз-
,,говыя говяжьи кости, а другое
,,свиная голова сЪ хрѣномЪ, и бу-
,,тылка изряднаго вина.

,,ВЪ 3 часа. Я легЪ отдох-
,,нуть; но очень долго проспалЪ.

,,ВЪ 6 часовЪ. Я пошелЪ вЪ
,,свою бѣседу; но дорогой чуть
,,было не упалЪ вЪ каналЪ. Вели-
,,кой Визирь точно умерЪ.

ПРИМѢРЫ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА.

Весь родъ Царя Сиракузскаго Гелона былъ истребленъ въ нѣкоторомъ возмущеніи, по сказанію Валера Максима. Одна Княжна, по имяни Гармонія, избѣгла отъ бунтовщиковъ. Между тѣмъ, какъ они ея искали, для принесенія на жертву своей безопасности, кормилица ея, имѣя у себя дочь одинакихъ съ нею лѣтъ, одѣла ее въ Царевнино платье, и предала лютости бунтующаго народа. Сія дѣвушка спасла бы себя безъ сомнѣнія, естьли бы хотя слово сказала; но она съ удивительною твердостію духа вкусила смерть. Толикая вѣрность можетъ токмо сравниться съ неслыханною неустрашимостію Царевны, которая, будучи поражена

симЪ геройскимЪ дѣяніемЪ, сама призвала убійцЪ, обЪявила имЪ о себѣ, и казалося сЪ радостію раздѣлила участь той, которая язила кЪ ней толикую привязанность.

ВЪ 1527 году, ГерцогЪ Бурбонскій, начальствуя надЪ арміею Карла V, получилЪ смертельную рану при осадѣ Рима. Нѣкоторые изЪ его воиновЪ, проходя близЪ того мѣста, гдѣ онЪ лежалЪ на землѣ при послѣднемЪ издыханіи, спрашивали другЪ у друга, правда ли то, что онЪ убитЪ. Но онЪ, слыша то, и бояся, чтобЪ они не оробѣли, отвѣчалЪ, собравЪ всѣ свои силы: *Бурбонъ идетъ въ переди; не робѣйте!*

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Нѣкогда пришли сказать Франциску Дюку де ГизЪ, которой велЪ войну сЪ Протестантами, что одинЪ изЪ нихЪ находился вЪ его

стачу, въ намѣреніи его умертвить. Онъ велѣлъ его задержать. Протестантъ признался въ своемъ умыслѣ. Что, развѣ я тебѣ сдѣлалъ какую досаду, спросилъ у него Герцогъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ ему сей неистовый; но за то, что ты главный врагъ моего закона.... — Естьли твой законъ побуждаетъ тебя меня умертвить; то мой хочетъ, чтобъ я тебя простилъ: и отпустилъ его безъ малѣйшаго наказанія.

ПРАВОСУДІЕ.

Одинъ Арабъ пришелъ къ нѣкоторому Султану, и бросясь къ его ногамъ, приносилъ жалобу на двухъ незнакомыхъ, кои вломясь къ нему въ домъ, чинятъ разныя безчинства и насилія. Султанъ немедлѣнно пошелъ къ нему въ домъ, и приказавъ погасить всѣ свѣчи, велѣлъ схватить преступниковъ, и обернувъ имъ головы плащами, при-

казалъ ихъ умертвить. По совершеніи сего повелѣнія Султанъ велѣлъ опять зажечь свѣчи, и посмотрѣвъ на лица умерщвленныхъ преступниковъ, воздѣлъ руки къ небу, и приносилъ благодареніе Богу. Какую милость, сказалъ ему Визирь, получили вы отъ неба?.... ,, Визирь, отвѣчалъ ему Султанъ, я почиталъ моихъ сыновей сими преступниками; и для того-то велѣлъ я погасить свѣчи, и закрыть лица сихъ несчастныхъ: я боялся, чтобъ родительская горячность не заставила меня погрѣшить противъ правосудія, которое я долженъ отдавать моимъ подданнымъ. Суди же, не имѣю ли я причины благодарить небо теперь, когда нахожу себя правосуднымъ и не дѣтоубійцею?,,

---

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Какое перо удобно описать всѣ сцѣны горести и радости, произхо-

дящія въ сердце доброй и чадолюбивой матери, ея нѣжную заботливость, въ разсужденіи предмета ея горячности, ея волненіе, ея тревоги, когда она находится въ опасности его потѣрять, отчаяніе ея, потѣрявъ оной? — Жена одного Венеціянскаго Нобля, потѣрявъ единороднаго своего сына, предавалась жесточайшей горести. Одинъ старецъ старался ея утѣшить. Вспомните, говорилъ онъ ей, о Авраамѣ, коему Богъ повелѣлъ своею рукою произить сердце сына его, и которой повиновался безъ роптанія. Ахъ, батюшка, отвѣчала ему сія нѣжная мать съ стремленіемъ! Богъ ни когда бы не далъ такого повелѣнія матери.

****

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Аладевлатъ, Принцъ Гамадана, города и провинціи Персидской, жилъ въ 12 столѣтіи.

Султанъ Магомедъ имѣлъ Визиремъ Джіа-ел-Мулка, сына славнаго Недгам-ел-Мулка, умерщвленнаго въ царствованіе Малик-Шаха. Сей Министръ поссорился съ Аладевлатомъ, Принцомъ Гамаданскимъ, которой принималъ титулъ Сеида, то есть Господина, которой титулъ предоставленъ всѣмъ происходящимъ отъ поколенія Магомедова.

Желая отмстить сему Принцу, Джіаел-Мулкъ предложилъ Султану, что ежели онъ дозволитъ ему взять съ Аладевлата отчетъ въ его правленіи; то онъ доставитъ въ его казнохранилище пять сотъ тысячь золотыхъ ефимковъ. Султанъ дозволилъ ему оное. Сеидъ имѣлъ при Дворѣ пріятелей, которые немедлѣнно увѣдомили его о возстающей на него бурѣ. Сіе извѣстіе заставило его, не мѣшкая, пріѣхать въ Испагань, такъ что Визирь того не свѣдалъ. Нашедъ случай упасть къ ногамъ Султановымъ, онъ осмѣлился представить ему, какую онъ учинитъ несправедливость, предавъ Князя дому его пророка, въ руки невѣрнаго и такого еретика, каковъ Визирь. Онъ примолвилъ, что ежели то для денегъ, которыя сей Министръ ему обѣщалъ, что онъ согласился на его несправедливыя предложенія; то онъ обѣщается дать ему восемь сотъ тысячь золотыхъ

монетъ, то есть, триста тысячь больше, нежели завистливый Визирь, съ тѣмъ, чтобъ Султанъ предалъ ему въ руки Джіа-ел-Мулка, и чтобъ позволилъ ему взять отъ него столь строгій отчетъ, какой онъ пожелаетъ. Султанъ принялъ сіе предложеніе, и Сеидъ возвратился домой, взявъ съ собою отъ Султана чиновника, для врученія ему обѣщанныхъ денегъ. Пріѣхавъ въ Амаданъ, Офицеръ ожидалъ, что Сеидъ будетъ отдавать ему великія почести, и оставитъ его жить въ своемъ Дворцѣ; но ему дано было знать, чтобъ онъ искалъ себѣ жилища на постояломъ дворѣ, и жилъ бы тамъ на своемъ иждивеніи, во ожиданіи сбора обѣщанной суммы, и что его увѣдомятъ, когда она будетъ готова. Офицеръ, раздраженный такимъ поступкомъ, сталъ жаловаться, и на конецъ сталъ стращать угрозами; но Сеидъ, принявъ власти-

тельный голосъ, сказалъ ему: есть ли ты не уймешся; то я немедлѣнно прикажу повѣсить тебя на воротахъ твоего дома, и мнѣ стоитъ только прибавить сто тысячь ефимковъ къ суммѣ, которую я обѣщалъ Султану, на которые онъ можетъ купить тысячу невольниковъ, изъ коихъ самый послѣднiй будетъ лучше тебя. Офицеръ, которой былъ дѣйствительно одинъ изъ невольниковъ Султанскихъ, слыша столь грозныя отъ Сеида рѣчи, рѣшился терпѣливо ждать сорокъ дней въ Караванъ-сераѣ; Аладевлатъ же между тѣмъ собралъ въ сiе время обѣщанныя деньги, не занимая оныхъ за большiя проценты, и не разстроивая ни мало своихъ обстоятельствъ. Когда сумма была отнесена въ Султанскую казну; то Визиря предали Сеиду съ тѣмъ, чтобъ онъ сдѣлалъ съ нимъ что хочетъ; но сей Государь показалъ въ семъ случаѣ примѣръ благород-

нѣйшей и рѣдчайшей добродѣтели: ибо вмѣсто того, чтобъ мстить своему непріятелю, или, по крайней мѣрѣ заставить его заплатить ту сумму, которую онъ принужденъ былъ дать Султану, онъ поступилъ съ нимъ столь учтиво и великодушно, что симъ поступкомъ пріобрѣлъ въ немъ себѣ лучшаго друга, слѣдуя въ семъ случаѣ сему правилу Алкорана: *твори добро вредящему тебѣ.*

Аларикъ, Царь Готскій, въ концѣ четвертаго столѣтія. Онъ былъ одинъ изъ лютѣйшихъ враговъ Римской Имперіи.

I. Сей варваръ, пришелъ съ тритцатью тысячами Готѳовъ, и осадивъ Римъ, привелъ вскорѣ сей городъ до послѣдней крайности; моровая язва, споспѣшествуя его усиліямъ, учинила изъ всего Рима могилу. Малая часть оставшихся

жителей отправила къ Аларику депутатовъ, просить мира съ тѣмъ только, чтобъ постановленія оныхъ были разсудительны, въ противномъ же случаѣ весь городъ выйдетъ вооруженъ: ибо до того ни кому не позволено было входить и выходить. Готѳы не вѣдали раззоренія, приключеннаго язвою и голодомъ. Аларикъ поступилъ съ депутатами, какъ гордый и жестокій побѣдитель; онъ отвѣчалъ на последнія ихъ слова, что, чемъ трава гуще въ лугахъ, тѣмъ удобнѣе оную косить. Услыша сіе, всѣ Готѳы, его окружавшіе, захохотали язвительно. Аларикъ сказалъ Римлянамъ, что онъ помирится съ ними, естьли они отдадутъ все золото и серебро, въ городѣ находящееся, съ драгоцѣннѣйшими ихъ домовыми уборами и съ невольниками его націи. — Что же намъ останется, отвѣчалъ одинъ изъ депутатовъ? Жизнь, сказалъ Аларикъ. — Онъ

думалъ, что сдѣлалъ съ ними великую милость, потребовавъ у нихъ пять тысячь фунтовъ чистаго золота, тридцать тысячь фунтовъ серебра, четыре тысячи шелковыхъ одеждъ, кои въ то время были весьма рѣдки, три тысячи пурпуровыхъ шерстяныхъ тканей и три тысячи фунтовъ перцу; онъ потребовалъ чрезъ нѣсколько времени по томъ, чтобъ ему дали избранныхъ юношей изъ Римскаго шляхетства, и отослали бы всѣхъ невольниковъ его націи. Римляне, понуждаемые необходимостію, приняли всѣ предложенія, кои угодно было предписать имъ побѣдителю ихъ.

2. Въ слѣдующій послѣ сего годъ, Аларикъ опять осадилъ Римъ. Онъ признался одному пустыннику, что нѣчто тайное побуждало его раззорить сей гордый градъ. Наскучивъ продолжительною осадою и безполезнымъ біеніемъ въ стѣны, прибѣгнулъ онъ къ хитрости. При-

творясь, что хочетъ оставить свое поедпріятіе, послалъ онъ нѣсколько Офицеровъ къ Сенаторамъ, похвалять ихъ мужество, и увѣрить ихъ, что изъ почтенія къ нимъ, онъ снимаетъ осаду, и каждому изъ нихъ подарить по невольнику. Онъ послалъ къ нимъ трехъ сотъ знатнѣйшихъ своего народа юношей, и отличившихся храбростію своею, прося ихъ показать въ семъ случаѣ свои услуги, и казаться столь привязанными къ Римлянамъ, чтобъ тѣмъ снискать ихъ къ себѣ довѣренность; дабы чрезъ то могли они чрезъ нѣсколько времени войти въ городъ. Все сіе было съ успѣхомъ исполнено. Когда войска его начали снимать лагерь, дабы лучше обмануть Римлянъ; то ложные невольники пошли къ Салгарійскимъ воротамъ, и изрубивъ въ мѣлкія части всѣхъ стражей, отперли ворота непріятелямъ. Аларикъ вошелъ туды съ своею арміею, какъ яростный побѣ-

дитель: позволилЪ воинамЪ грабить, умерщвлять и все раззорять. Они разграбили всѣ сокровища, всѣ рѣдкости, и прочія драгоцѣнныя украшенія, изЪ столь многихЪ краевЪ свѣта собранныя. Подозрѣваемые вЪ утаеніи сокровищь погибли вЪ жесточайшихЪ казняхЪ. Число мертвыхЪ тѣлЪ столь было велико, что не возможно даже было ихЪ хоронить; огонь, оружіе и оковы содѣлалися удѣломЪ сихЪ гордыхЪ завоевателей вселенныя. РимЪ, существовавшій 1163 года, противившійся толикому числу непріятелей, учинился добычею разбойника и варвара, и гробомЪ народовЪ, коихЪ былЪ онЪ отцемЪ. Сіи гордыя зданія, гдѣ искусство и великолѣпіе ослѣпляли зрѣніе, были испровергнуты и пожраны пламенемЪ. Едва во всей его обширности осталось одно цѣлое строеніе, которое бы не являло знаковЪ бѣшенаго изступленія Аларика, и Столица свѣта преобратилася вЪ кучу

развалинъ, пепла и трупов. Аларикъ вскорѣ былъ наказанъ за свое безчеловѣчіе. Сей варваръ, отправясь въ Сицилію, былъ захваченъ жестокою бурею, которая отнесла его суда къ берегамъ Калабріи. Входъ въ пристань былъ ему отказанъ; но онъ вошелъ въ нея силою оружія, и сіе было послѣднее учиненное имъ насильствіе: вскорѣ по томъ незапная смерть его постигла, и онъ былъ погребенъ воинами своими посреди одной рѣки.

Албуинъ, Король Ломбардскій въ 16 столѣтіи.

I. Сей Государь, раздраженный сопротивленіемъ города Павіи, которой онъ держалъ въ осадѣ три года, поклялся порубить съ головы на голову всѣхъ жителей. Наконецъ овладѣлъ онъ крѣпостію; но въѣзжая въ оную, исполненъ нетерпѣливости произвести въ дѣйство

варварское сіе приказаніе, былъ онъ удержанъ чудомъ, которое заставило его перемѣнить намѣреніе. Лошадь, на которой онъ ѣхалъ, упала подъ нимъ въ градскихъ воротахъ, и сколько онъ ни старался ея заставить подняться; но не могъ въ томъ успѣть. Государь, сказалъ ему тогда одинъ изъ его воиновъ, Павія населена Христіянами; и ежели вы не премѣните вашего обѣщанія и клятвы; то ни когда не вѣѣдите въ сей городъ. Албуинъ, какъ скоро обѣщался даровать жизнь Христіянамъ; то лошадь его встала, и сама повезла его къ Дворцу, гдѣ народъ присягнулъ ему въ вѣрности.

2. Албуинъ помышлялъ только о сохраненіи своихъ завоеваній, и о учрежденіи въ оныхъ тишины и порядка, какъ былъ погубленъ измѣною Королевы своей супруги. Албуинъ, прежде шествія своего въ Италію, одержалъ знаменитую

побѣду надЪ Гепидами, и умертвилЪ вЪ сраженіи Царя ихЪ Гунимонда. Но какЪ симЪ ненависть его еще не удовольствовалася; то онЪ сдѣлалЪ изЪ черепа сего несчастнаго Государя чашу, и пилЪ изЪ нея обыкновенно. Принцесса Розомонда, дщерь Гунимондова, жила во Дворцѣ побѣдителя со времени смерти ея родителя. АлбуинЪ, влюбясь вЪ нее, женился на ней. ВЪ одинЪ день, какЪ онЪ давалЪ вЪ Веронѣ праздникЪ, на которой пригласилЪ главныхЪ чиновниковЪ своей арміи; то, разгорячася виномЪ, вздумалося ему велѣть подать Розомондѣ черепЪ ея отца, и заставить ея пить изЪ сей ужасной чаши. УжасЪ, которой она отЪ сего почувствовала, внушилЪ ей намѣреніе отомстить Албуину; она приказала его пронзить кинжаломЪ вЪ то время, какЪ онЪ послѣ обѣда спалЪ.

Франциск Герцог Алансонскій и Брабантскій, брат Короля Генрика III. (*)

I. Один современный Автор говорит таким образом о намѣреніи сего Принца, жениться на Королевѣ Елисаветѣ. „Франциск Принц крови, желая жениться на Аглинской Королевѣ Елисаветѣ, предложил ей о том чрез повѣренных. Они имѣли переписку, и послали друг к другу свои портреты. На конец Королева велѣла ему сказать, что она ни когда не пойдет за мужь за такого человѣка, котораго она не видала, а иначе не хочет болѣе о том и слышать. Сей Принц, положась на слова столь же малоопытных молодых людей, каков он и сам

(*) Читатель да не ожидает найти в сих сказаніях строгаго азбучнаго порядка, ибо Издатель намѣрен сообщать ему из оных одни только достойнѣйшія любопытства.

былЪ, и не послушавЪ совѣтовЪ пожилыхЪ и благоразумныхЪ мужей, отправился вЪ Англію, чтобЪ увидѣть Королеву, и почти ни кого сЪ собою не взялЪ: но Королева, увидя его, нашла столь непригожимЪ, и столь обезображеннымЪ оспою, что совершенно отвергла его предложеніе.,,

2. Сей Князь былЪ одинЪ изЪ всего Двора, которой показался тронутымЪ лютостями, вЪ день Святаго Варѳоломея учиненными; онЪ проливалЪ горькія слезы о плачевной участи толикаго числа храбрыхЪ полководцевЪ; а наипаче жалѣлЪ онЪ о смерти Адмирала Колиньи. Королева мать его, желая привести его вЪ негодованіе противЪ Адмирала, показала ему вЪ своихЪ бумагахЪ нѣкоторое письмо его руки, вЪ которомЪ онЪ остерегалЪ Короля, чтобЪ онЪ при раздѣлѣ братьевЪ своихЪ, не давалЪ имЪ много власти. ВотЪ, сказала

она ему, какой совѣтъ подавалъ другъ твой Королю: я не вѣдаю, отвѣчалъ сей Принцъ, много ли любилъ меня Адмиралъ; но знаю только то, что такой совѣтъ, могъ только подать человѣкъ, преданный Его Величеству, и усердный наблюдатель Его пользы.

Александръ VI, *избранный Папою въ* 1492 *году.*

Уже съ давнаго времени сей Первосвященникъ и Герцогъ *Валантиноа* поглощали надеждою наслѣдство Кардинала Адріана Корнета, которой почитался богатѣйшимъ изъ всѣхъ Кардиналовъ наличными деньгами; но какъ сей старикъ, противъ ихъ желанія, долго не умиралъ; то они вздумали его отравить ядомъ. Папа позвалъ его на пиръ въ одинъ виноградный садъ, близъ Рима находящійся. Ядъ былъ приготовленъ въ бутылкѣ съ виномъ,

изъ которой положено было наливать одному только сему Кардиналу; но Папа съ сыномъ, пришедъ въ садъ прежде его, захотѣли пить: а какъ мундшенкъ, которой одинъ зналъ бутылку съ ядомъ, куда-то отлучился; то другой служитель подалъ имъ, не знавши, самую ту бутылку, въ которой налита была отрава, и они напилися изъ оной. Герцогъ, будучи молодъ и здоровъ, избавился отъ смерти помощію нѣкоторыхъ лѣкарствъ: но Александръ, какъ человѣкъ старый, не могъ перенести жестокости яда, и учинился такимъ образомъ жертвою своего собственнаго вѣроломства.

Алексій Комнинъ, Императоръ Константинопольскій, въ 1081 году.

I. Никифоръ Діогенъ, сынъ Императора Романа, былъ заключенъ въ монастырь съ братомъ своимъ Львомъ, по повелѣнію большаго ихъ

брата Михаила, которой не желалъ имѣть къ престолу собѣжника. Когда же Алексій возшелъ на тронъ; то сжалился надъ ихъ состояніемъ; они были умны, благовидны, и являли великое желаніе отличиться. Императоръ, взявъ ихъ изъ монастыря, пожаловалъ Діогена Губернаторомъ Кандійскимъ, а Льва оставилъ при Дворѣ своемъ, прельстясь его скромностію и пріятными разговорами. Никифоръ Діогенъ, хотя и старался показывать такую же тихость, какъ братъ его; но пылкій его характеръ измѣнялъ ему, не смотря на всѣ его усилія. Будучи весьма высокаго росту, имѣлъ онъ при томъ проницательный умъ, и духъ предпріимчивости, непостоянства и честолюбія. Не было во всей Имперіи ни кого подобнаго ему въ искусствѣ, управлять лошадью, дѣйствовать оружіемъ, и словомъ во всѣхъ тѣхъ упражненіяхъ, гдѣ потребны сила и искусство. Когда онъ

набралъ довольно людей, способныхъ помогать ему въ его предпріятіяхъ; то открылъ имъ свой умыселъ, состоящій въ томъ, чтобъ похитить вѣнецъ и жизнь у Императора. Съ сего времени Діогенъ и его сообщники столь не осторожно стали поступать, что многіе то примѣтили, и Императоръ былъ о томъ извѣщенъ. Онъ созвалъ заговорщиковъ, и не говоря имъ ни чего о ихъ злоумышленіи, милостиво увѣщевалъ ихъ, пребыть вѣрными Государю и отечеству. Діогена не тронуло сіе снисхожденіе, показующее ему, что его вѣроломство было извѣстно; онъ вмѣсто того, чтобъ перемѣнить мысли, старался токмо о томъ, чтобъ умножить число заговорщиковъ: онъ подговорилъ многихъ чиновниковъ и главныхъ членовъ Сената, и привязалъ многихъ къ себѣ узами тайны. Одна експедиція, въ которой онъ послѣдовалъ за Императоромъ, подала ему случай, обнаружить свое

намѣреніе; онъ разбилъ свою палатку близъ Императорской. Одинъ Императорской Офицеръ, подозрѣвая, что то было не безъ умысла, донесъ о томъ Государю, и просилъ его, помыслить о своей безопасности, и удалить Діогена. Нѣтъ, сказалъ Алексій, не надобно подавать ему предлога, котораго ищетъ онъ, для начатія бунта; естьли онъ обнаружитъ свой злой умыселъ; то будетъ одинъ виновенъ предъ Богомъ и предъ человѣками.— Офицеръ пошелъ весьма недоволенъ, и сказалъ Императору, что безстрашіе свое простираетъ онъ до крайности. Около полуночи Діогенъ вошелъ съ кинжаломъ въ рукѣ въ шатеръ, гдѣ Императоръ съ Императрицею покоилися. Увидя женщину, которая обмахивала ихъ, для прохлажденія, онъ смутился; и не смѣя итти далѣе, отложилъ до другаго времени исполненіе злодѣянія, которое онъ готовъ былъ со-

вершить. Хотя послѣ сего Императоръ не имѣлъ болѣе причины въ томъ сомнѣваться; однако же, не смотря на то, принималъ его всегда съ одинакою милостію, но только сталъ осторожнѣе. Во время продолженія сего похода, Діогенъ покусился еще разъ, умертвить Императора; но другой Офицеръ, увидя его вошедшаго съ кинжаломъ, схватилъ его, и безъ обиняковъ ему сказалъ, что его злое намѣреніе было всѣмъ уже извѣстно. Діогенъ, пораженный симъ упрекомъ, старался уйти. Между тѣмъ, какъ онъ помышлялъ о мѣстѣ своего убѣжища, Императоръ просилъ брата своего Адріяна Комнина его задержать, и заставить объявить причины его ненависти и сообщниковъ своихъ. Діогенъ, вопрошенный Адріяномъ, упорствовалъ, хранить молчаніе, и довелъ до того, что принуждены были его пытать. Тогда, побѣжденный мученіемъ, онъ ни чего

не утаилъ; отвѣты его были посланы къ Императору, изъ коихъ усматривалося, что Императрица имѣла участіе въ заговорѣ. Алексій былъ огорченъ до крайности, увидя, что первые чиновники государства были въ числѣ сообщниковъ: онъ повелѣлъ погрести въ глубочайшемъ молчаніи касающееся до Императрицы, и самъ не говорилъ никогда о томъ ни слова. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что сослалъ въ ссылку Діогена съ двумя другими начальниками заговора. На другой день собралъ остальныхъ заговорщиковъ, не послушавшись совѣта своихъ родственниковъ, кои боялися, чтобъ они его не изрубили. Смущеніе и волненіе души его ясно показывалися на лицѣ его, и призванные заговорщики не знали, прощеніе ли они себѣ услышатъ, или смерть. Алексій взошедъ на престолъ, весьма не богатый и окруженный стражами, коихъ для пре-

достороженности позвали, сказалъ имъ, устремивъ глаза въ землю: вы знаете, что я ни когда не дѣлалъ зла Дiогену, и что не я лишилъ отца его престола. Когда провидѣнiе посадило меня на тронъ Константинопольскiй, я покровительствовалъ ему и его брату Льву; я удостоилъ ихъ моею дружбою; я старался о ихъ счастiи такъ, какъ бы они были мои ближнiе родственники. Я скрывалъ всѣ заговоры, которые онъ противъ меня дѣлалъ; но снисхожденiе мое не могло остановить его вѣроломства: усугубленныя мои къ нему милости и благодѣянiя учиняли только его день отъ дня неблагодарнѣйшимъ.— При сихъ словахъ собранiе единогласно вскричало, что Дiогенъ неблагодарнѣйшiй изъ смертныхъ, и что они не хотятъ инаго Императора, кромѣ Алексiя. Сiе восклицанiе подало поводъ сему Государю сказать заговорщикамъ, что онъ съ

ними впредь будетъ поступать по прежнему, и что онъ доволенъ наказаніемъ, которое опредѣлилъ тремъ изъ нихъ. Однако же въ тотъ же день, праздникъ Апостолъ Петра и Павла, Діогену выкололи глаза; но не извѣстно заподлинно, по приказанію ли Императора то учинено, или отъ усердія какого частнаго человѣка, опасающагося, чтобъ сей бунтовщикъ не предпріялъ еще чего либо, тому подобнаго. Поступки съ нимъ Императора, кажется, оправдываютъ его въономъ: ибо онъ не оставилъ ни чего, учинить къ услажденію его плачевнаго состоянія. Онъ возвратилъ ему большую часть его имѣнія; часто его посѣщалъ; даже иногда проливалъ слезы о его положеніи, и снабдилъ его способами, учиться Геометріи, къ коей Діогенъ имѣлъ великую склонность, и которой изучился онъ посредствомъ нѣкоторыхъ, нарочно на то сдѣланныхъ, тѣлъ, кои замѣняли

лицти, обыкновенно употребляемыя. Не взирая на все сіе, Діогенъ предлагалъ еще многимъ особамъ сдѣлать возмущеніе, которое вызывался онъ подкрѣплять своими совѣтами; Императоръ узнавъ о томъ, дружески за сіе ему выговаривалъ, и увѣрялъ его, что мстить ему не будетъ.

2. Когда Скиѳы учинили набѣгъ на земли Императорскія; то сей Государь сразился съ ними, и обративъ ихъ въ бѣгство, взялъ множество въ плѣнъ. Чрезъ нѣсколько времени, Синезій, любимецъ Императорскій, совѣтовалъ ему всѣхъ ихъ умертвить; дабы мщеніе не внушило имъ учинить какую либо измѣну. Алексій, взглянувъ на него съ гнѣвнымъ видомъ, сказалъ ему: развѣ Скиѳы не люди за то, что они Скиѳы, и развѣ они не достойны нашего сожалѣнія за то, что они намъ непріятели? Я не знаю, какъ пришло тебѣ въ умъ предло-

жить мнѣ столь жестокую мысль? — Онъ приказалъ только обезоружить ихъ. Между тѣмъ, около полуночи, Греческіе воины бросилися на плѣнныхъ, и всѣхъ ихъ изрубили. Алексій, услыша о томъ, велѣлъ позвать къ себѣ Синезія, и сказалъ ему съ негодованіемъ: сей поступокъ, удобный покрыть меня безчестіемъ въ глазахъ иностранныхъ народовъ, произошелъ отъ твоего жестокосердія; по томъ велѣлъ онъ его сковать, и строжае бы еще наказалъ, естьли бы его друзья и родственники не испросили ему прощенія.

3. Двое изъ его придворныхъ сдѣлали противъ его заговоръ; умыселъ ихъ обнаружился, и виноватые изобличены въ покушеніи на жизнь Императора. Однако же сей Государь не поступилъ съ ними по законамъ, кои наказуютъ смертію таковыя преступленія; онъ только что послалъ ихъ въ ссылку, и описалъ въ казну ихъ имѣніе. Іоаннъ,

его племянникЪ, былЪ обвиненЪ вЪ заговорѣ. Алексій его призвалЪ, и повѣря единому только негодованію, написанному на лицѣ сего Князя, отЪ такого обвиненія произшедшаго, онЪ не захотѣлЪ слушать его оправданій, и отпустилЪ, не сказавЪ ни слова.

Алфонсъ V, прозванный премудрымъ и великодушнымъ, сынъ и наслѣдникъ Фердинанда справедливаго, Король Аррагонскій и Сицилійскій, умеръ въ 1458 году.

I. Сей Государь возвращался нѣкогда изЪ Сициліи на галерѣ; придворные его, избранные для препровожденія его вЪ семЪ путешествіи, каждое утро исправно приходили кЪ нему на поклонЪ. ВЪ одинЪ день, пришедЪ кЪ нему по обыкновенію, нашли они его, забавляющагося бросаніемЪ вЪ море сухарей птицамЪ, кои, схвативЪ что каждой досталося, немедлѣнно улѣтали. Тогда

Король, обратясь, сказалъ одному изъ предстоящихъ Вельможей, которой смотрѣлъ на то: сіи птицы подобны большей части моихъ придворныхъ; ибо, какъ скоро получатъ они отъ меня ожидаемое благодѣяніе; то удаляются съ споспѣшностію, и мгновенно изчезаютъ.

2. Одинъ изъ его придворныхъ вздумалъ однажды сказать въ его присутствіи, что онъ читалъ въ Исторіи о нѣкоторомъ Гишпанскомъ Королѣ, которой сказалъ, что науки отнюдь не приличны знатнымъ людямъ, и что упражненіе въ оныхъ не достойно ихъ сана: ты ошибаешся, сказалъ Алфонсъ, прервавъ его; ето сказалъ не Король, а быкъ.

3. Нѣкоторой, весьма страннаго ума человѣкъ, услышалъ нѣкогда читаемую при дворѣ басню о Гарпіяхъ, и вздумалъ, что ето было сдѣлано ему въ насмѣшку, по тому что стихотворцы говорятъ,

что сіи баснословныя животныя обитали въ нѣкоторомъ, къ Сициліи принадлежащемъ островѣ, изъ коего онъ самъ происходилъ. Алфонсъ, примѣтя, что сей чудный человѣкъ обидѣлся симъ чтеніемъ, сказалъ ему: не сердись, Гарпіи нынѣ не живутъ уже болѣе въ семъ островѣ; онѣ разсѣялися по Царскимъ дворамъ, и тамъ-то сіи жадныя птицы основали съ тѣхъ поръ свое пребываніе.

4. Алфонсъ осаждалъ Гаетту. Осажденные видя, что съѣстныхъ припасовъ вскорѣ у нихъ неставнетъ, выслали изъ города женъ, дѣтей и стариковъ, кои не принося имъ ни какой пользы, только что ѣли даромъ хлѣбъ. Сіи бѣдные люди пришли въ бѣдственное состояніе. Естьли приближалися они къ городу; то осажденные по нихъ стрѣляли; когда же они подходили къ непріятельскому стану; то такой же опасности подвергалися. Въ

семЪ бѣдственномЪ положеніи, они, то умоляли милосердіе Короля, то сострадание своихЪ соотечественниковЪ, чтобЪ они не дали имЪ умереть сЪ голоду. АлфонсЪ былЪ приведенЪ вЪ жалость, и запретилЪ своимЪ салдатамЪ поступать сЪ ними худо. По томЪ собралЪ свой совѣтЪ, и спрашивалЪ у главныхЪ своихЪ чиновниковЪ, что они ему совѣтуютЪ дѣлать сЪ сими несчастными. Всѣ единогласно говорили, что не надлежитЪ ихЪ принимать, и сказали, что ежели они и помрутЪ сЪ голоду, или погибнутЪ оружіемЪ, то вЪ томЪ виновны будутЪ жители Гаетты, выславшіе ихЪ изЪ города. АлфонсЪ пришелЪ вЪ негодованіе отЪ такого жестокосердія: онЪ поклялся, что скорѣе оставитЪ намѣреніе осаждать Гаетту, нежели рѣшиться уморить голодомЪ толико несчастныхЪ; онЪ примолвилЪ, что побѣда, за такую цѣну купленная, свой-

стзенна однимъ варварамъ и тираннамъ, а не Царямъ, отличающимся великодушіемъ. Я пришелъ воевать, сказалъ онъ, не съ женщинами и не съ рабятами, но съ непріятелями, способными защищаться. Послѣ сего приказалъ онъ принять въ свой лагерь всѣхъ сихъ бѣдныхъ людей, и велѣлъ довольствовать ихъ съѣстными припасами, и всѣми къ содержанію ихъ потребными вещами.

5. Находясь однажды за столомъ, терпѣлъ онъ великое безпокойство отъ одного докучливаго человѣка, которой, думая ему угодить, дѣлалъ ему столь много глупыхъ вопросовъ, что едва сей Государь имѣлъ время покушать. На конецъ наскучивъ ему отвѣтствовать, обратился онъ къ одному изъ чиновниковъ, и сказалъ: по истиннѣ ослы счастливѣе меня; ибо, по крайней мѣрѣ, имъ ѣсть не мѣшаютъ.

6. Онъ не показывалъ большаго великолѣпія въ своей одеждѣ; простое его платье едва отличало его отъ обыкновеннаго, или частнаго человѣка; и какъ нѣкто представилъ ему, что должно поддерживать величество Царскаго сана: не золотомъ и не алмазами, отвѣчалъ онъ, должно Государю отличаться; но мудростію и добродѣтелію.

7. Когда праздные люди приходили къ нему на поклонъ; то онъ говаривалъ, отправя ихъ: я желалъ бы, чтобъ всѣ мои подданные побывали Царями; ибо я увѣренъ, что когда бы они одинъ разъ испытали Царскаго вѣнца, то не безпокоили бы такимъ образомъ носящихъ оной, и болѣе бы имѣли сожалѣнія къ участи Короля, обремененнаго дѣлами.

8. Алфонсъ зналъ, что въ числѣ его подданныхъ находилися нѣкоторые люди, кои говорили о немъ дурно, и старалися тайно очернить его подлыми своими клеветами, хотя

они получили отъ него многія милости: однако же вмѣсто того, чтобъ за то наказать, онъ довольствовался только сказать слѣдующіе слова: Царямъ свойственно дѣлать неблагодарныхъ; но не смотря на всѣ ихъ старанія, они не воспрепятствуютъ мнѣ ни когда быть щедрымъ и благотворительнымъ.

9. Одинъ изъ его придворныхъ человѣкъ безпорядочной и расточительной, просилъ у него безпрестанно новыхъ милостей. Перестань меня безпокоить, сказалъ ему Алфонсъ; могу ли я наполнить бездонную кадку? Я сдѣлаюся бѣденъ, ежели стану тебѣ всегда давать, а ты ни когда богатъ не будешь.

10. Сей Государь часто хаживалъ по улицамъ безъ всякой свиты. Придворные его представляли, что безопасность его требуетъ, чтобъ за нимъ слѣдовали стражи и вооруженные люди, такъ, какъ-то обыкновенно поступаютъ всѣ Госу-

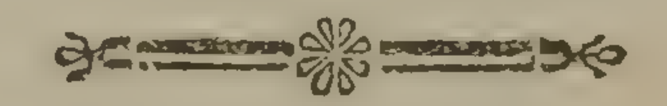
дари, когда выходятЪ изЪ своихЪ ДворцовЪ: пусть тираны, отвѣчалЪ АлфонсЪ, ходятЪ окружены стражами; а мои стражи суть, моя чистая совѣсть и любовь подданныхЪ моихЪ.

11. Мертвые, говаривалЪ сей МонархЪ, суть вѣрнѣйшіе мои совѣтники и разумнѣйшіе Министры. Мнѣ стоитЪ только читать ихЪ писанія, и они мнѣ всегда сказываютЪ истинну. Когда я ихЪ вопрошаю; то они мнѣ отвѣтствуютЪ всегда безпристрастно, безЪ обиняковЪ, и не боятся меня прогнѣвать.

12. ОдинЪ, изЪ КазначеевЪ сего Государя, принесЪ кЪ нему однажды десять тысячь золотыхЪ ефимковЪ, что составляло важную сумму вЪ тогдашнее время; одинЪ придворный, думая, что Государь его не услышитЪ, сказалЪ одному изЪ своихЪ знакомыхЪ: вотЪ сумма, которая бы на вѣки сдѣлала меня благополучнымЪ! — Будь же

благополученъ, сказалъ ему Король, отдавъ ему сіи деньги.

Продолженіе будетъ впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ О НѢКОТОРЫХЪ НЕИМОВѢРНЫХЪ ДѢЯНІЯХЪ И СКАЗАНІЯХЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

ВЪ ОДНОМЪ ГОРОДѢ НАХОДИЛОСЯ ТРИСТА НАРОДОВЪ, ГОВОРЯЩИХЪ РАЗНЫМИ ЯЗЫКАМИ, А ВЪ ДРУГОМЪ ВСѢ ЖИТЕЛИ БЫЛИ ХАРЧЕВНИКИ.

Маіолій пишетъ, что въ Америкѣ былъ весьма обширный городъ, изсѣченный въ одной каменной горѣ: тамъ были домы, улицы, площади, рынки, погреба, и словомъ, все нужное, для жителей. Городъ былъ весь сооруженъ изъ мармора, и слѣдовательно былъ безопасенъ отъ

раззоренія, причиняемаго наводненіями, землетрясеніями и пожарами.

Не меньше удивительно повѣствуемое имЪ о нѣкоемЪ городѣ, Өиваиды, называемомЪ Оксиренетомъ, гдѣ было 20 тысячь старицЪ и 10 тысячь монаховЪ. Но Маіолій, поелику новый писатель, то и недостоинЪ сравненія сЪ древними. Плиній повѣствуетЪ, что былЪ одинЪ столь славный городЪ, что собиралися вЪ оной, по сказанію Симосөена, триста народовЪ, кои всѣ говорили различными языками. ИзЪ сего должно заключить, что сей городЪ имѣлЪ, по крайней мѣрѣ, сто миль обширности, положивЪ, хотя третью часть мили, на каждой народЪ. Но что я говорю? Надобно, чтобЪ сей городЪ имѣлЪ 400 миль пространства. Ежели Венеція, Неаполь и МедіоланЪ составляютЪ три народа разныхЪ языковЪ; ежели каждый изЪ сихЪ городовЪ имѣетЪ три, или четыре мили ок-

ружности: то что надлежитъ думать о такомъ городѣ, въ коемъ находилися триста народовъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свой языкъ? Онъ долженствовалъ быть во сто разъ больше Венецiи: ибо сей городъ, которой, по причинѣ своей торговли, есть наиболѣе учащаемый изъ всей Италiи, не видитъ болѣе десяти народовъ, коихъ бы нарѣчiя были совершенно различны. И такъ согласимся, что сей городъ съ его пространствомъ есть самая уродливая чепуха.

Что скажемъ мы о другомъ городѣ въ Египтѣ, гдѣ *всѣ мущины и женщины были харчевники*? — Сiе утверждаетъ Дiонъ Хризостомъ, которой не изъ послѣднихъ древнихъ Историковъ. Есть въ Италiи мѣста, какъ Фiоренцола и Скарперiа, гдѣ по вѣчерамъ харчевники имѣютъ обыкновенiе, посылать своихъ работниковъ за четверть мили на большую дорогу, звать къ себѣ про-

ѣзжихъ. Каждой изъ сихъ работниковъ выхваляетъ своего хозяина, дабы привлечь проѣзжаго въ его харчевню. Незнающіе сего обыкновенія не вѣдаютъ, которому дать преимущество. Видно, что жители Фіоренцолы переняли сіе обыкновеніе у помянутыхъ Египтянъ. И такъ при захожденіи солнца цѣлая армія сихъ харчевныхъ работниковъ, разсѣянныхъ по всѣмъ дорогамъ, къ городу ведущимъ, созывали прохожихъ всякой къ себѣ. Сіи проѣзжіе могли ли быть столь многочисленны, чтобъ прокормить всѣхъ жителей города сего, кои не имѣли ни какого инаго промысла, кромѣ своихъ харчевенъ? Сему бы можно было повѣрить, естьли бы сей городъ находился неподалеку отъ того, въ которомъ было триста народовъ. Наши харчевники имѣли бы тогда чемъ удовлетворить склонности своей къ сему ремеслу: напрасно Плиній и Діонъ не предали

намЪ имяни столь удивительнаго города.

ВЪ УЧИЛИЩѢ ПИѲАГОРОВОМЪ УЧЕНИКИ ОБЯЗАНЫ БЫЛИ ПЯТЬ ЛѢТЪ НАБЛЮДАТЬ ГЛУБОКОЕ МОЛЧАНІЕ.

СЪ самаго младенчества моего я читалЪ и многократно перечитывалЪ, что ученики Пиѳагоровы должны были наблюдать пять лѣтЪ глубокое молчаніе. ,, Сіи ученики, говоритЪ ДіогенЪ Лаерцій, складывали вмѣстѣ каждой свое имѣніе, и всякой безЪ разбора пользовался имѣніемЪ другаго. Они пять лѣтЪ наблюдали молчаніе. Слушали уроки Пиѳагоровы, не видя его. По окончаніи сего искуса, принималЪ онЪ ихЪ кЪ себѣ, и не скрывался болѣе отЪ ихЪ глазЪ.,,

КакЪ возможно быть вЪ Училищѣ столько времени, не говоря ни слова, и не видя учителя? Что же дѣлали тутЪ сіи нѣмые и слѣпые ученики? Развѣ ПиѳагорЪ училЪ

ихЪ только ночью? — Имянно ночью. Сіе Діогенъ же намЪ повѣствуетЪ: ,,кЪ Пиѳагору вЪ училище хаживали около шести сотЪ учениковЪ, для слушанія его наставленій, ночью.,, Положимъ, что они не могли видѣть своего учителя, хотя сіе и басня. Но возможно ли пять лѣтЪ пробыть вЪ училищѣ, не имѣя позволѣнія раскрыть рта, для вопрошенія Пиѳагора, и для прошенія его истолковать то, чего они не разумѣли? Не во гнѣвЪ сказать сему мудрецу, онЪ много тѣрялЪ напрасно времени. Не малаго, думаю, труда стоило ему, истреблять ложныя о вещахЪ понятія, принятыя его учениками, и разсѣять мраки, накопившіеся вЪ ихЪ умѣ вЪ теченіе пяти лѣтЪ.

АвлЪ-Геллій, писавшій вскорѣ послѣ Діогена Лаерція, не столь безразсудно думаетЪ о семЪ продолжительномЪ молчаніи, и сокращаетЪ его на два года. Сей авторЪ раз-

сказываетъ по томъ, какимъ способомъ сіи молодые люди приводилися къ Философу, и какъ онъ старался узнавать по чертамъ ихъ лица, къ чему ихъ разумъ наиболѣе имѣетъ способности. Вотъ уже три года и убавлено, и слѣдовательно басня сокращена, почти, на двѣ трети! Въ прочемъ, молчаніе учениковъ Пиѳагоровыхъ было безсомнѣнія столько же краснорѣчиво, какъ Аполлонія Ѳіанскаго, той же секты Философа. Филостратъ увѣряетъ, что сей Аполлоній вдругъ началъ молчать строжайшимъ образомъ, такъ что не сказалъ въ пять лѣтъ ни одного слова, дабы устремить весь свой умъ и глаза въ размышленіе и созерцаніе. Однакожъ вотъ что удивительно, что во все время его молчанія обхожденіе его было не непріятно; онъ отвѣчалъ на всѣ задаваемые ему вопросы движеніемъ глазъ, рукъ и головы, такъ, что можно было изъ того видѣть, что

онъ человѣкъ веселый и замысловатый.

Кто не почтетъ за сказку сіе столь выразительное молчаніе Аполлонія, равно, какъ и приписываемое Философу Секунду, о коемъ я непремину говорить ниже сего. Повѣствуютъ, что сей мудрецъ услышалъ въ училищѣ, что нѣтъ ни одной женщины, которая бы не была склонна къ распутству. По окончаніи наукъ, сдѣлался онъ столь строгимъ Философомъ, что, взявъ костыль и котомку, отростилъ себѣ бороду и волосы, и удалился къ себѣ въ домъ. Тамъ жилъ онъ такъ скромно, что ни кто его не узналъ, даже и мать его. Однажды вздумалося ему испытать, справедливо ли слышанное имъ о женщинахъ. Онъ подкупилъ служанку, и обѣщалъ ей десять ефимковъ, естьли она подастъ ему средство проводить ночь съ ея Госпожею. Служанка успѣла въ своемъ стараніи. Онъ легъ съ матерью своею

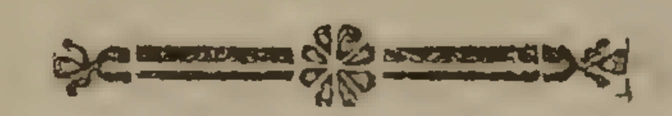
на одну постѣлю, и проспалъ до утра. Какъ же скоро увидѣлъ день; то хотѣлъ итти. Ты спалъ со мною только для того, сказала ему сія женщина, чтобъ меня искусить. Нѣтъ, отвѣчалъ Философъ, мнѣ не прилично было поступать иначе. — Кто же ты таковъ? — Я сынъ твой Секундъ. — Тогда мать его, пораженная стыдомъ и отчаяніемъ, въ ту же минуту умерла. Секундъ, терзаемый печалію и совѣстію, что онъ былъ причиною смерти матери своей, отъ того, что не удержалъ языка своего, наложилъ на себя за то наказаніе, не говорить болѣе во всю свою жизнь. Императоръ Адріянъ, прибывъ въ Аѳины, услышалъ, что Секундъ наблюдалъ столь строгое молчаніе: велѣлъ его къ себѣ призвать, и первый его поздравилъ. Секундъ ему не отвѣчалъ. Пожалуй говори, сказалъ ему Императоръ, дабы мы научилися чему ни будь отъ столь знаменитаго

Философа. Онъ все молчитъ. Адріянъ позвалъ Ликтора, и велѣлъ ему вести Философа на казнь. Между тѣмъ, тайно приказалъ Ликтору: постараться заставить его дорогою говорить; отрубить ему голову, естьли онъ станетъ говорить; но естьли будетъ молчать, то привести его обратно. Тщетно принуждали Философа говорить; онъ пришелъ на мѣсто казни, и съ неустрашимостію приготовлялся къ смерти. Когда Ликторъ увидѣлъ, что онъ предпочиталъ смерть прерванію молчанія; то повелъ его опять назадъ къ Императору, которой сталъ упрашивать его, чтобъ онъ отвѣчалъ ему, хотя знаками. Ему подали перо. Онъ написалъ сіи слова: ,,ты обманываешся Адріянъ, естьли думаешь; что я тебя боюся, по тому, что ты обладатель вселенныя; ты имѣешь власть умертвить меня; но не можешь исторгнуть ни одного слова изъ устъ

моихЪ.,, Послѣ сего сталЪ онЪ отвѣчать письменно на всѣ вопросы Императора. — Кто можетЪ утверждать сіи басни за истинну, кромѣ лишенныхЪ разсудка.

Плиній говоритЪ, что Каію Меценату приключилася безсоница, которая продолжалася три послѣдніе года его жизни; а ДіогенЪ Лаерцій говоритЪ, что ФилософЪ ЕпименидЪ спалЪ 57 лѣтЪ. ПлутархЪ убавляетЪ изЪ того семь лѣтЪ. МеценатЪ во время своей безсоницы не былЪ болѣнЪ. ОнЪ пилЪ, ѣлЪ, прогуливался, трудился и даже до усталости: все сіе причиняетЪ сонЪ; но онЪ не чувствовалЪ его дѣйствія. Провидѣніе, изчислившее время его жизни, вЪ награду за заслуги, оказанныя имЪ Августу и Имперіи Римской, освободило его отЪ общаго устава, дабы три послѣдніе годы его, составили шесть лѣтЪ. Но послушаемЪ,

что повѣствуютъ о Епиминидѣ: отецъ послалъ его въ деревню за озпою; онъ отправился въ путь послѣ обѣда, заблудился, вошелъ въ одну пещеру, заснулъ въ ней, и сонъ его продолжался пятьдесятъ два года сряду. — Я не думаю, чтобъ кто ни будь, хотя каплю ума имѣющій, повѣрилъ столь нелѣпой баснѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ НѢКОТОРЫХЪ НАРОДОВЪ.

Прежде, нежели законъ Христіянской разгналъ мракъ идолопоклонства, то у Галловъ былъ родъ любовнаго жертвоприношенія, признаннаго и утвержденнаго ихъ закономъ. Гора Св: Михаила, называемая тогда, гора Беленъ, по тому, что она была посвящена Белену,

одному изъ четырехъ боговъ, коимъ Галлы покланялися. На сей горѣ жили девять Дрюидокъ, или жрицъ, изъ коихъ старшая давала оракулы: онѣ продавали также мореплавателямъ стрѣлы, коимъ приписывалося свойство утишать бури, когда будутъ оныя пущены въ море дватцатилѣтнимъ юношею, не потѣрявшимъ еще дѣвства. Когда корабль благополучно приплывалъ къ берегу; то сего юношу отправляли съ подарками къ симъ жрицамъ: тогда одна изъ нихъ купалася съ нимъ въ морѣ, и по томъ получала начатки его юношества, открывъ ему незнаемыя имъ до того утѣхи; на другой день, возвращаясь домой, онъ привязывалъ себѣ на плеча столько раковинъ, сколько разъ открывалася ему въ ту ночь помянутая тайна.

Жіаги думаютъ, что есть боги благодѣтельные, а другіе злотворные: что первые веселятся че-

ловѣческими утѣхами, а другіе любятъ ихъ видѣть ненавидящихся, мучащихъ и убивающихъ другъ друга. Жіаги обыкновенно управляются Царицею: когда ей должно вести войну; то предъ сраженіемъ, дабы преклонить къ себѣ злыхъ боговъ, она заставляетъ воиновъ своихъ клясться, что они не будутъ щадить ни пола, ни возраста, и будутъ безъ разбора и безъ милосердія проливать столько крови, сколько имъ можно будетъ. По изрѣченіи сей клятвы, слышима бываетъ нѣжная и роскошная музыка, возвѣщающая пріятное зрѣлище, для увеселенія благотворительныхъ боговъ, и для умилостивленія ихъ уготованное. Сто молодыхъ дѣвицъ, избранныхъ изъ прекраснѣйшихъ во всемъ государствѣ, и столько же молодыхъ воиновъ, появляются съ пѣніемъ и пляскою; нетерпѣливость ихъ желаній написана на лицахъ ихъ: Царица хлопаетъ въ ладоши, что служитъ имъ

сигналомЪ..... и они, вЪ глазахЪ всей арміи, предаются восхищеніямЪ своимЪ.

У СифановЪ, когда старшина, какой либо округи, находится при послѣднемЪ издыханіи; то шалашь его устѣлютЪ цвѣтами и душистыми травами: двенадцать молодыхЪ мущинЪ и двенадцать дѣвушекЪ, кЪ тому избранныхЪ, входятЪ вЪ оной и по данному знаку, раздѣлясь попарно, исполняютЪ супружескую должность сЪ великимЪ ревеніемЪ; дабы душа умирающаго, оставя тѣло, нашла немѣдленно другое, и долго бы безЪ онаго не пребывала.

Всѣ народы, вѣрящіе тому, что души умершихЪ блудятЪ по свѣту, пока найдутЪ новое тѣло, весьма стараются о доставленіи имЪ новаго жилища. Дикіе Хириганцы погребаютЪ дѣтей своихЪ на большихЪ дорогахЪ; дабы души ихЪ могли способнѣе и скорѣе войти вЪ тѣло проѣзжающихЪ беременныхЪ женщинЪ.

Между дикими народами, обитающими въ Луизіанѣ, отличаютъ *Аллибамонцовъ*, *Таскикисовъ*, *Утахепасовъ*, *Тоникасовъ*, *Талалуковъ* и нѣкоторыхъ другихъ, за усердіе ихъ снабдѣвать пріѣзжающихъ къ нимъ Европейцовъ скороспѣлыми бракам и. Учтивость сихъ дикихъ требуетъ, предлагать дѣвокъ всѣмъ бѣлымъ, чрезъ селенія ихъ проѣзжающимъ, и какъ скоро появится у нихъ Европеецъ; то старшины ихъ бѣгаютъ по всѣмъ улицамъ, и такъ говорятъ къ народу: ,, О вы, юноши и воины, не будьте глупы, любите начальника жизни, ходите на охоту для Европейцовъ, кои снабдѣваютъ насъ всѣмъ нужнымъ; а вы, молодыя дѣвицы, не будьте жестокосерды и скупы на ваши прелѣсти къ бѣлымъ воинамъ, дабы достать ихъ крови: чрезъ сей-то союзъ будемъ мы такъ же умны, какъ они, и страшны нашимъ непріятелямъ. ,, Не должно думать, чтобъ только распутныхъ

дѣвокъ народъ сей столь великодушно предлагалъ Европейцамъ: отнюдъ нѣтъ; они могутъ выбирать изъ всѣхъ дѣвицъ, кои, почти, всѣ красавицы и весьма ласковы. Что касается до замужнихъ; то онѣ говорятъ, что, вступивъ въ брачный союзъ, онѣ продали свою свободу, и что по сему не должны имѣть сообщенія съ другими мущинами, кромѣ своихъ мужей, кои сверьхъ того весьма рѣвнивы къ женамъ своимъ.

Брачный союзъ у сихъ дикихъ есть тотъ, которой установленъ самою природою, и нѣтъ у нихъ ни какихъ обрядовъ, кромѣ согласія съ обѣихъ сторонъ. Поелику не заключаютъ они ни какихъ обязательствъ и писменныхъ договоровъ; то, бывъ недовольны другъ другомъ, разводятся они безъ всякой церемоніи, и говорятъ, что бракъ есть ни что иное, какъ союзъ сердецъ, что они живутъ вмѣстѣ для того единственно, чтобъ любить другъ

друга, и облегчить себя взаимно въ своихъ нуждахъ.

Всякой дикой можетъ имѣть двухъ женъ, естьли онъ искусенъ въ звѣриномъ промыслѣ; случается, что женятся изъ нихъ нѣкоторые на двухъ родныхъ сестрахъ: сіе дѣлаютъ они для того, чтобъ жены ихъ согласнѣе жили. Дикія женщины суть обыкновенно весьма трудолюбивы; имъ съ малолѣтства твердятъ, что, ежели онѣ будутъ лѣнивы, или нерасторопны; то не будутъ имѣть хорошаго мужа. Скупость, честолюбіе и многія другія страсти, столь извѣстныя между Европейцами, не заглушаютъ въ родителяхъ дикихъ гласа Природы, и не побуждаютъ ихъ принуждать склонность дѣтей своихъ. Весьма похвально и достойно нашего подражанія, что у нихъ совокупляютъ бракомъ только любящихся взаимно.

Естьли кто изъ дикихъ не покажетъ надлежащей храбрости въ сраженіи, гдѣ дѣло идетъ о чести и защищеніи отечества; то его за єто наказываютъ однимъ только всеобщимъ презрѣніемъ. Даже женщины его пренебрегаютъ, и самыя безобразнѣйшія дѣвки не хотятъ имѣть его себѣ мужемъ. Естьли же когда случится, что какая ни будь захочетъ выйти за него замужь; то въ такомъ случаѣ родственники ея тому противятся, боясь имѣть въ своей семьѣ трусливыхъ и безполезныхъ отечеству потомковъ. Таковые люди должны отростить себѣ волосы, и подобно женщинамъ носить *Алкоманы*, то есть короткія юбки, коими онѣ закрываютъ часть наготы своей. Г. Босю видѣлъ въ последнюю войну одного въ семъ нарядѣ, которой не могши перенести стыда, причиняемаго ему онымъ, отправился одинъ воевать съ Чикаками, ихъ непріятелями. Онъ под-

крался къ нимъ ползкомъ, какъ змѣя, спрятался въ травѣ, и пролѣжалъ въ оной три, или четыре дни, не пивши и не ѣвши. Когда же Агличане везли мимо того мѣста съѣстные припасы Чикакамъ; то дикій убилъ одного изъ нихъ, отрубилъ ему голову; послѣ чего взялъ его лошадь, сѣлъ на нея и ускакалъ. Онъ употребилъ три мѣсяца ня сію прекрасную експедицію. Когда же возвратился домой; то народъ возвратилъ ему честь, и далъ ему жену, дабы произвести отъ него столь же неустрашимыхъ воиновъ.

Такимъ образомъ у сего народа одни только безчестные люди не женятся; но иначе не льзя получить жену, какъ посредствомъ храбрости и трудолюбія. Ничего нѣтъ благоразумнѣе слѣдующихъ трехъ примѣчаній, по коимъ дикіе почитаютъ соотечественника своего глупцомъ: „естьли онъ лѣнится

„ходить на охоту, естьли ней-
„детъ на войну, когда оная объ-
„явлена, естьли онъ не женится,
„достигнувъ способныхъ для сего
„лѣтъ.„

Выше сего видѣли, что Сабисы, или Христіяне Св: Іоанна, принимаютъ всевозможныя предосторожности, для удостовѣренія себя въ непорочности своихъ невѣстъ: но повѣрятъ ли, что существуютъ народы, кои почитаютъ сіе состояніе препятствіемъ къ бракосочетанію?

Не верьхъ ли варварства и безумія, что Гойскіе Канаринцы отводятъ вступающихъ въ бракъ дѣвицъ къ истукану бога своего, и тамъ ближайшіе родственники совокупными силами стараются, чтобъ сей желѣзный истуканъ благоволилъ принять начатки приведенной дѣвицы, щитая то за весьма богоугодное дѣло, и не прежде возвращаются, какъ когда увидятъ яс-

ныя знаки, что болванъ принялъ оныя.

Въ царствѣ Арраканскомъ и въ островахъ Филлипинскихъ, мужь почелъ бы себя навсегда обесчещенымъ, естьли бы по несчастію женился на такой дѣвкѣ, которая бы прежде не была кѣмъ нибудь лишена дѣвства, и не иначе, какъ за деньги покупается сія услуга для жениха. Въ Тибетѣ матери ищутъ, для сего, чужестранцовъ, и просятъ ихъ привести дочерей ихъ въ состояніе выйти замужь.

Въ Мадагаскарѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ странахъ, самыя распутныя дѣвки находятъ себѣ мужей прежде другихъ.

Царь Каликутскій предаетъ свою невѣсту въ волю одного изъ первѣйшихъ своихъ придворныхъ, прежде, нежели удостоитъ раздѣлить съ нею свое ложе; надлежитъ, чтобъ сей придворный избавилъ его отъ такого труда, ко-

торой всѣмъ мужьямъ, обыкновенно, бываетъ пріятенъ.

Послѣ сихъ странныхъ обычаевъ, читатель не удивится свадебному обряду Готентотовъ. Главная церемонія состоитъ въ томъ, что жрецъ испускаетъ изобильно мочу свою на жениха и невѣсту; онѣ садятся предъ нимъ на землю, и принимаютъ сіе поливаніе съ несказанною радостію. Въ прочемъ, сіе наблюдается и во всѣхъ ихъ церемоніяхъ; и есть-ли кто хочетъ кого отлично принять и угостить, то испускаетъ на того свою мочу: чѣмъ изобильнѣе сіе наводненіе тѣмъ болѣе честь. Къ сему странному обычаю присовокуплялося еще иное наблюдаемое при бракосочетаніи вдовицъ, которое, естьли бы существовало въ Европѣ, то бы большей половинѣ вдовъ воспрепятствовало итти замужъ. Сія церемонія состояла въ томъ, что при всякомъ вступленіи въ новой бракъ, вдова принуждена была

отрѣзывать себѣ у руки по одному пальцу.

Нѣкоторые авторы утверждаютъ, что сія жестокая и странная операція наблюдалася также и при смерти мужа, и что мужь равномѣрно отрѣзывалъ себѣ палецъ при смерти жены своей. Но какъ бы то не было, сіе однако же справедливо, что у сего народа много найдено было такъ изуродованныхъ людей, что были и такіе, у коихъ на обѣихъ рукахъ оставалося не болѣе четырехъ, или пяти пальцовъ.

Голландцы увѣрили наконецъ Готенітотовъ, хотя то и великаго труда имъ стоило, чтобъ они не увѣчили себя столь жестокимъ образомъ, и не причиняли бы себѣ напрасно такой болѣзни, отъ которой ни мертвымъ, не живымъ не было ни какихъ выгодъ.

У Китайцовъ почитается нѣкоторымъ безчестіемъ, естьли вдова, а особливо знатная, пойдетъ въ

другой разъ замужь; но чернь со всемъ иначе почитаетъ вторичные браки. Сверьхъ того брачной союзъ въ Китаѣ въ великомъ почтенiи, поелику Китайцы почитаютъ оной важнѣйшимъ дѣянiемъ своей жизни. Тамъ отецъ, непѣкущiйся о бракосоченiи своихъ дѣтей, навлекаетъ тѣмъ себѣ безчестiе; равно и сынъ преступаетъ главнѣйшую свою должность, когда не оставитъ потомства, для размноженiя своей семьи.

Въ Китаѣ браки совершаются посредствомъ старухъ, а вступающiе въ оной молодые люди никогда другъ друга не видывали. Когда назначенный для свадьбы день наступитъ; то невѣсту запрутъ въ пребогатоубранную носилку, за которою слѣдуютъ люди съ приданымъ. Множество служителей препровождаютъ ее съ зажженными факелами, хотя бы то происходило и днемъ; множество музыкантовъ съ флейтами, съ гобоями и съ бубнами

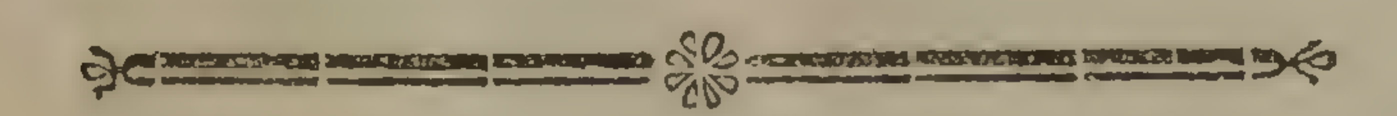
открываютъ шествіе, а родственники и друзья невѣсты замыкаютъ ходъ. Одинъ надежный служитель хранитъ у себя ключь отъ носилки, и ни кому, кромѣ мужа, не можетъ вручить онаго, которой у воротъ дома своего дожидается назначенную ему супругу. Какъ скоро ея принесутъ; то отдаютъ мужу ключь отъ носилки: онъ съ торопливостію отпираетъ оную, и тогда-то разсуждаетъ онъ о будущемъ своемъ щастіи, или нещастіи. Случается иногда, что женихъ, недовольный красотою своей невѣсты, тотчасъ запираетъ опять носилку, и отсылаетъ ее обратно къ ея родителямъ, желая лучше потѣрять то, что онъ издержитъ для полученія себѣ ее въ жены, нежели рѣшиться жить съ нею весь свой вѣкъ.

Не возможно получить истиннаго и полнаго понятія о сей, можно сказать, страсти Китайцовъ къ заключенію браковъ, не спрашивая

даже на то согласія наиболѣе участвующихъ въ томъ людей, какъ сказавъ, что иногда два отца, у коихъ жены брюхаты, дѣлаютъ условія, касательно бракосочетанія ожидаемыхъ своихъ дѣтей, естьли они будутъ разнаго пола. Въ провинціи Хин-цы, женятъ даже и умершихъ, коихъ хотѣли при жизни сочетать. Поелику у нихъ въ обычаѣ держать гробы два или три года; то прежде посылаютъ другъ къ другу подарки, въ сопровожденіи музыкантовъ съ разными инструментами и со всѣми тѣми обрядами, какъ бы супруги были живы. По томъ ставятъ гробы вмѣстѣ; дѣлаютъ брачный пиръ, и заключаютъ положеніемъ мертвыхъ супруговъ въ одинъ гробъ. По совершеніи сей церемоніи, обѣ стороны становятся родственниками, какъ будьто бы дѣти ихъ были живы,

Окончаніе будетъ впредь.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ И *ОСТРЫЯ ШУТКИ.*

Славная Графиня Ворчестерская, любобница Іякова II, Короля Аглинскаго, сѣла однажды въ ложѣ близь одной Госпожи весьма строгой добродѣтели. Степенная Леди немедлѣнно встала, чтобъ итти прочь: Графиня, тронутая сею обидою, сказала ей довольно громко: „не опасайтесь ничего, сударыня; моя болѣзнь неприлипчива!„

Нѣкто, будучи избранъ въ Члены Французской Академіи, показывалъ Пирону недоумѣніе свое, какъ бы

получше сочинить благодарственную свою рѣчь: „КакЪ! отвѣчалЪ ему стихотворецЪ; не уже ли ето васЪ безпокоитЪ? КакЪ вамЪ не стыдно! Я вамЪ тотчасЪ о семЪ дамЪ полное наставленіе. Вы, вставЪ сЪ своего мѣста, и снявЪ шляпу, должны сказать: спасибо вамЪ, Господа, за сдѣланную мнѣ честь. Тогда ДиректорЪ, не снимая шляпы, сЪ важностію дастЪ вамЪ слѣдующій отвѣтЪ: не зачто сударь. — И все симЪ кончится.

Когда ВолтерЪ пріѣхалЪ вЪ последній разЪ вЪ Парижь; то по обыкновенію, остановили его на заставѣ, и спрашивали, не было ли чего вЪ повозкѣ его запрещеннаго: „Господа, отвѣчалЪ онЪ имЪ, кромѣ меня нѣтЪ здѣсь ни чего запрещеннаго!„

ОдинЪ молодой человѣкЪ, подкупленный непріятелями Г. ла Мота, освистывать трагедію его Инесу,

столь былъ тронутъ во время представленія оной, что сказалъ, плачучи, одному близь его стоящему знакомцу: „на, мой другъ, свис„токъ; свисти за меня: я не имѣю „силы того сдѣлать.„

Г. Волтеръ не любилъ вопрошателей. Онъ сказалъ однажды нѣкоторому Женевцу, которой надоѣдалъ ему своими вопросами: государь мой, я очень радъ, что васъ вижу; но сказываю вамъ напередъ, что я со всемъ не разумѣю того, о чемъ вы станете меня спрашивать.

Одинъ пріятель ла Мота далъ, въ присудствіи сего стихотворца, нѣсколько палочныхъ ударовъ нѣкоторому человѣку. Обиженный попросилъ на него въ судѣ: ла Мота позвали яко свидѣтеля; но онъ утверждалъ, что не видалъ, какъ его били. „Я такъ близорукъ, говорилъ онъ послѣ въ свое извиненіе, что

только слышалЪ сіи палочные удары.,,

———

Одному Полицейскому Офицеру поручено было, посадить славную Актрису Клероншу вЪ Фор-левокскую тюрьму, за нѣкоторое непростительное учиненное ею невѣжество; театральная сія героиня сказала ему, что ея имѣніе и жизнь зависятЪ отЪ Его Величества, но чтобЪ честь ея не трогали, и что самЪ Король не имѣетЪ надЪ оною власти. Ваша правда, сударыня, отвѣчалЪ ей Полицейской ОфицерЪ; гдѣ ничего нѣтЪ, тамЪ Король тѣряетЪ свои права.

———

Г. ВолтерЪ написалЪ нѣкогда кЪ одному человѣку, которой смертельно надоѣлЪ ему своими письмами: ,,Я умерЪ, государь мой, и слѣдовательно не буду болѣе имѣть чести, вамЪ отвѣтствовать.

———

Придворной календарь есть книга, вЪ которой наиболѣе истиннЪ

содержится, сказалЪ нѣкогда Г. Фонтенель.

Одна Актриса играла однажды мужскую ролю, и по окончаніи піесы, сказала товарищамЪ своимЪ: я увѣрена, что половина зрителей сочла меня за мущину. — Какая тебѣ до того нужда, сказала ей язвительно дѣвица Арну, естьли другая половина знаетЪ тому противное.

Однажды ЛюдовикЪ XIV спросилЪ сЪ важнымЪ видомЪ у одного изЪ своихЪ придворныхЪ, коего зналЪ онЪ чрезмѣрное честолюбіе: говорите ли вы по Гишпански? — НѣтЪ Ваше Величество. — Жаль етого, отвѣчалЪ Король. — Сей придворный вздумалЪ, что, выуча сей языкЪ, будетЪ онЪ отправленЪ ПосланникомЪ кЪ Мадритскому Двору. И такЪ началЪ учиться сЪ такою прилѣжностію, что вЪ короткое время выучился по Гишпански. Тогда, при-

шедЪ кЪ Королю, сказалЪ ему: Государь, я выучился по Гишпански. — ТакЪ ли вы вЪ семЪ языкѣ сильны, чтобЪ можно было вамЪ говорить сЪ самими Гишпанцами? — ТакЪ, Ваше Величество. — Поздравляю же васЪ. Вы теперь можете читать ДонКишота вЪ оригиналѣ.

———

ОдинЪ молодой ГосподинЪ, которому ла МотЪ наступилЪ нечаянно на ногу, толкнулЪ изЪ всей силы стихотворца. Государь мой, сказалЪ ему ла МотЪ, вы очень будете жалѣть обЪ етомЪ, когда узнаете, что я слѣпой.

———

ТрагикЪ КребильонЪ говорилЪ однажды: я сдѣлалЪ вЪ жизни моей двѣ негодныя вещи, трагедію Ксеркса и етаго повѣсу, (указывая на сына своего). — Не печальтесь, батюшка, отвѣчалЪ онЪ; публика ни того ни другаго вамЪ не приписываетЪ.

———

На другой день представленія нѣкоторой *Каюзаковой* оперы, весьма худо принятой публикою и даже освистанной, стихотворецъ Роа, недоброжелатель сего автора, пришелъ въ одну церьковь къ обѣднѣ. Одинъ трехлѣтній рабенокъ свисталъ безпрестанно на рукахъ своей няньки; стихотворецъ обратясь къ ней, сказалъ съ великимъ хладнокровіемъ: не вели етому рабенку свистать; вѣть обѣдню-то служитъ не Каюзакъ.

Отецъ Бугуръ, славный Грамматикъ, занемогъ жестокою болѣзнію, которая въ нѣсколько дней прекратила его жизнь. Находясь при послѣднемъ издыханіи, сказалъ онъ предстоящимъ: я скоро умру, или я умру скоро; ибо то и другое говорится, но первое правильнѣе.

Нѣкто, бывъ весьма хорошо принятъ въ Фернейскомъ замкѣ Г. Волтера, объявилъ на завтрѣе, что онъ

намѣренъ прожить шесть недѣль въ семъ прелѣстномъ мѣстѣ. Г. Волтеръ отвѣчалъ ему съ усмѣшкою: я вижу, что вы не хотите походить на Дон-Кишота; онъ почиталъ постоялые дворы замками, а вы замки почитаете постоялыми дворами.

Одинъ заслуженый Офицеръ говорилъ однажды съ великимъ презрѣніемъ о комедіянскомъ состояніи; онъ негодовалъ, что имъ дается столь великое жалованье, а что онъ по долговременной службѣ былъ отставленъ съ небольшею пенсіею. Славный актеръ Лекенъ, слушавшій его равнодушно, отвѣчалъ ему: ехъ, сударь! Развѣ вы считаете за ничто право, говорить мнѣ въ глаза все то, что я отъ васъ теперь слышалъ.

Графъ де Лораге, ѣхавъ въ каретѣ, встрѣтился въ тѣсномъ переулкѣ съ каретою нѣкотораго судьи, съ которымъ была и жена его, весьма

безобразная женщина. Графской кучерЪ погонялЪ лошадей; но судейской кучерЪ нехотѣлЪ податься назадЪ. Судья выглянувЪ вЪ окно кричалЪ. ГрафЪ смѣялся, и приказывалЪ своему кучеру ѣхать впередЪ. Тогда жена судьи, испугавшись, высунула также голову вЪ окошко, начала говорить о учтивостяхЪ, должныхЪ ея полу, и что она удивляется, какЪ столь знатной господинЪ могЪ того не вѣдать. АхЪ, сударыня, сказалЪ Г. Лораге, устрѣмивЪ насмѣшливо глаза на ея безобразное лицо, для чего вы прежде не показалися! Я вамЪ клянусь, что я, кучерЪ мой и лошади мои, тотчасЪ бы попятилися назадЪ, какЪ бы скоро, хотя за милю, увидѣли васЪ.

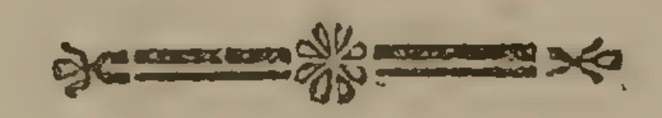
ПиронЪ посмѣялся однажды довольно язвительно на щетЪ одного человѣка, которой не любилЪ шутить; онЪ разсердился, и вызвалЪ его на поединокЪ за его колкія шутки.

Очень хорошо, сказалъ Пиронъ. Они согласилися о времени и мѣстѣ. Обиженный пришелъ на назначенное мѣсто съ великою поспѣшностїю, и очень усталъ: дожидался два часа; но Пиронъ не пришолъ. Наконецъ, утомясь до крайности, возвратился домой, и чрезъ два дни умеръ отъ сильной простуды. Чрезъ нѣсколько времени, послѣ сего произшествїя, нѣкто спросилъ у Пирона: какъ онъ раздѣлался съ своимъ соперникомъ. Очень хорошо, отвѣчалъ Пиронъ, я его простудилъ.

Славный Кастратъ Каристини восхищалъ весь Парижъ своимъ безподобнымъ голосомъ. Какъ спросилъ нѣкто у одной дѣвицы, нравится ли онъ ей; то она отвѣчала: надобно признаться, что онъ очень хорошо поетъ, но мнѣ кажется, чего-то ему недостаетъ.

Одинъ приказный, находяся съ

славнымЪ АглинскимЪ писателемЪ СвифтомЪ, желая показать свой умЪ, спросилЪ сЪ насмѣшливымЪ видомЪ у сего священника: скажите мнѣ, сударь, пожалуйте; естьли духовенство будетЪ имѣть тяжебное дѣло сЪ дiяволомЪ; то, кто изЪ нихЪ выиграетЪ? — „БезЪ сомнѣнiя дiя-„волЪ, отвѣчалЪ СвифтЪ; поелику „онЪ преклонилЪ на свою сторону „всѣхЪ приказныхЪ людей.„

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

ПРИМѢЧАНІЕ О СЛОНАХЪ.

СлонЪ весьма кротокЪ, и мало заботится о своей безопасности, поелику надѣется на свою чрезвычайную силу. Но не бояся ни чего, не старается онЪ и врѣдить. ОнЪ под-

ходитъ къ селѣніямъ, не причиняя онымъ ни малѣйшаго вреда: не смотритъ даже на встрѣчающихся съ нимъ людей. Иногда поднимаетъ онъ хоботомъ Негра, и, подержавъ его нѣсколько времени на воздухѣ, опускаетъ опять очень бережно на землю.

Дампіеръ примѣчаетъ, что слонъ, будучи раненъ, употребляетъ всѣ способы къ умерщвленію своего непріятеля; но ежели ему сіе мщеніе удастся: то онъ отнюдь не ругается надъ тѣломъ его. Напротивъ, первое его попеченіе состоитъ въ томъ, чтобъ, выкопавъ яму, положить въ оную порядочно тѣло, которое покрываетъ онъ землею и листьями.

Слоны столь снисходительны къ слабѣйшимъ ихъ животнымъ, что когда случится имъ проходить сквозь стада; то они хоботомъ своимъ удаляютъ съ дороги животныхъ, опасаясь раздавить ихъ нечаянно.

Однимъ словомъ они никогда не дѣлаютъ зла тому, кто ихъ нетрогаетъ.

(*Плиній.*)

ЧЕРТЫ КРОТОСТИ СЛОНОВЪ.

Слонъ подверженъ бываетъ нѣкоторому бѣшенству, въ которомъ онъ теряетъ свою природную кротость: онъ тогда весьма опасенъ, такъ, что принуждены его умерщвлять. Но иногда довольствуются только оковать его тяжелыми и крѣпкими цѣпями; ибо онъ иногда отъ бѣшенства изцѣляется: но когда онъ въ природномъ своемъ положеніи; то самая нестерпимѣйшая болѣзнь не можетъ его принудить, сдѣлать какой либо врѣдъ тому, кто его не раздражилъ. Одинъ слонъ, пришедъ въ ярость отъ ранъ, полученныхъ имъ на сраженіи. бѣгалъ по полямъ, и испускалъ страшный ревъ. Нѣкоторой солдатъ, не смотря на предостереженіе своихъ товарищей, не могъ удалиться съ дороги, по при-

чинѣ ранъ своихъ и слабости встрѣтился съ симъ слономъ. Но сей великодушный звѣрь, опасаясь, чтобъ не раздавить его, взялъ его своимъ хоботомъ, и поставя потихоньку къ сторонѣ, продолжалъ путь свой.

(Бюфонъ.)

Слонъ, подаренный Неаполитанскому Королю въ 1740 году Султаномъ Турецкимъ, показывалъ отмѣнную привязанность къ нѣкоторымъ животнымъ, а особливо къ одному барану, которому онъ позволялъ бодать себя рогами, какъ-то сіи животныя обыкновенно дѣлаютъ; но когда сей баранъ употреблялъ во зло снисхожденіе слона; то все наказаніе ему, за то налагаемое, состояло въ томъ, что слонъ, схватя его хоботомъ, бросалъ на навозную кучу, вмѣсто того, что другихъ безпокоящихъ его животныхъ столь сильно ударялъ онъ о стѣну, что умерщвлялъ ихъ однимъ ударомъ.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА РАСКАЯНІЯ.

Каждый пріученный слонъ въ Индіи и въ Африкѣ имѣетъ своего вожатаго, которой называется *Корнакомъ*. Слонъ обыкновенно такъ къ нему прилѣпляется, что въ угожденіе ему дѣлаетъ труднѣйшія вещи, и даетъ водить себя всюды съ величайшимъ повиновеніемъ. Рѣдко Корнакъ имѣетъ нужду въ битьѣ, дабы заставить его слушаться: ибо, кромѣ того, что слонъ весьма чувствителенъ, и неохотно сноситъ обиды, но его природное понятіе столь велико, что онъ понимаетъ знаки и голосъ. Съ нимъ говорятъ, какъ будто съ разумнымъ человѣкомъ, и поспѣшность, съ каковою онъ исполняетъ отъ него требуемое, заставляетъ, почти, думать, что онъ разумѣетъ языкъ человѣческій. Дабы наказать его, и наказать строго; то стоитъ только лишить его нѣкоторыхъ его украшеній, или не

оказывать ему обыкновенной ласки, къ коей онъ привыкъ. Однако же случилося однажды, что нѣкоторый грубый Корнакъ ударилъ изо всей силы своего слона, за что раздраженный звѣрь умертвилъ его въ одно мгновеніе. Услыша сіе жестокое мщеніе, жена злосчастнаго Индѣйца прибѣжала, являя воплемъ своимъ и рыданіемъ величайшее отчаяніе. Слонъ еще находился во всей своей ярости. Она подошла къ нему, и бросся къ нему подъ ноги двухъ своихъ малолѣтныхъ дѣтей, сказала: понеже ты убилъ моего мужа; то убѣй и меня, и сихъ двухъ несчастныхъ младенцовъ. — Слова сіи учинили по видимому надъ слономъ сильное впечатлѣніе. Онъ немедлѣнно утишился, и стоялъ нѣсколько времени неподвижно: по томъ, какъ будто тронутый раскаяніемъ и сожалѣніемъ, взялъ онъ хоботомъ большаго изъ сихъ двухъ дѣтей, посадилъ его къ себѣ на спину, из-

бралъ его своимъ Корнакомъ, и никогда не позволялъ иному за собою ходить.

МИЛОСЕРДІЕ И ВЕЛИКОДУШІЕ ЛЬВА.

Плиній говоритъ, что Левъ есть изъ всѣхъ звѣрей одинъ, удобный чувствовать милосердіе, когда у него просятъ прощеніе. Онъ щадитъ тѣхъ людей, кои ложатся предъ нимъ на землю. Въ ярости своей онъ рыкаетъ болѣе на мущинъ, нежели на женщинъ, а на рабятъ нападаетъ только тогда, когда непреодолимый чувствуетъ голодъ.

Въ Ливіи думаютъ, что Левъ разумѣетъ дѣлаемыя ему прозьбы, и я слышалъ отъ одной невольницы, возвратившейся изъ Гетуліи, которая съ клятвою утверждала, что проходя чрезъ лѣса, она многихъ львовъ умолила, не трогать ее, хотя они готовы были на нея напасть, говоря имъ, что она женщина без-

помошная, что покаряется великодушнѣйшему изъ животныхъ, тому, кого всѣ прочіе звѣри почитаютъ Царемъ, и что она недостойна быть его добычею. (*Плиній.*)

ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ ОТЪ ЛЮТОСТИ ЛЬВОВЪ.

Поелику Маврамъ часто случается, бывши на охотѣ, встрѣчать львовъ; то весьма достойно примѣчанія, что лошади ихъ, столь славныя своею рѣзвостію бываютъ объяты такимъ страхомъ, что дѣлаются неподвижны, и что собаки, столь же устрашенныя, прячутся подъ лошадь. Одно средство къ спасенію въ такомъ случаѣ остается Маврамъ, чтобъ слѣзть съ лошади, и оставить льву сію жертву, которую они защищать не могутъ; но естьли хищный звѣрь столько близокъ, что не успѣютъ они зажѣчь огонь, единственное къ устрашенію его средство; то остается только

лѣчь на землю въ глубокомъ молчаніи. Естьли левъ не чувствуетъ чрезмѣрнаго голода; то проходитъ мимо съ величественнымъ видомъ, какъ будьто чувствуетъ радость отъ воздаваемаго ему почтенія.

ПРИМѢРЪ ЛЬВА, УМЯГЧЕННАГО ПРОЗЬБАМИ.

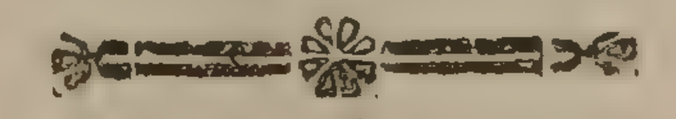
Отецъ Іосифъ Коломбетъ, монахъ Католицкій, будучи въ рабствѣ въ Меквинецѣ, вздумалъ съ однимъ своимъ товарищемъ спастися бѣгствомъ. Поелику имъ та страна была довольно извѣстна; то они надѣялися добраться до Ларраты, крѣпости, принадлежащей Португальцамъ. Они нашли способъ уйти, и шли только ночью, а днемъ отдыхали въ лѣсу, гдѣ покрывалися листьями и хворостомъ, для защищенія себя отъ солнечнаго зною. По двудневномъ шествіи, пришли они къ небольшему озеру, и поелику два

дни не находили ни какой воды; то весьма сему зрѣлищу обрадовалися: но первый представшій имъ предметъ былъ страшный левъ, лежащій на берегу того озера. Видя столь великую опасность, рѣшилися они стать на колѣни предъ симъ ужаснымъ сосѣдомъ, и трогательнымъ голосомъ расказали ему свое несчастное положеніе. Левъ казался быть тронутъ ихъ покорностію. Онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ того мѣста, и далъ имъ волю напиться. Отважнѣйшій изъ нихъ немедлѣнно подошелъ къ озеру съ своею кружкою, и почерпнулъ въ нея воды, между тѣмъ, какъ другой продолжалъ свои прозьбы. Послѣ сего пошли они оттуда, и левъ смотрѣлъ на нихъ, не дѣлая ни какого движенія, которое бы показывало, что онъ желаетъ имъ вредить, и на другой день благополучно прибыли въ Ларрату.

ЧЕРТА МИЛОСЕРДІЯ И КРОТОСТИ ОДНОГО ЛЬВА.

Одинъ левъ, принадлежавшій Великому Герцогу Тосканскому, вырвавшись изъ звѣринца, вошелъ во Флоренцію, и наполнилъ всѣхъ жителей ужасомъ. Между спасающимися отъ него бѣгствомъ, была одна женщина съ рабенкомъ, котораго она отъ страха уронила на землю. Левъ, схватя его, готовился сожрать, какъ мать, забывъ тогда весь страхъ и опасность, бросилася стремительно ко льву, упала предъ нимъ на землю, и просила возвратить ей ея рабенка. Левъ пристально на нея посмотрѣлъ, и казался тронутымъ ея воплемъ и слезами. На конецъ пустилъ рабенка, и пошелъ прочь, не сдѣлавъ ему ни какого вреда.

Продолженіе будетъ впредь.

ИСТОРІЯ
О
ДАКІАНОСѢ И О СЕМИ СПЯЩИХЪ.

Историки повѣствуютъ, что въ древнія времена былъ въ Персіи пастухъ, именемъ *Дакіаносъ*, которой триццать лѣтъ пасъ овецъ, не пропуская ни одного дня безъ молитвы. Всѣ знающіе его отдавали справедливость его честности, и природа одарила его такимъ краснорѣчіемъ, что посредствомъ онаго, конечно достигъ бы онъ до высочайшаго степени знатности, естьли бы жилъ въ свѣтѣ.

Въ одинъ день, въ то самое время, какъ онъ отправлялъ свои молитвы, вдругъ стадо его, чего-то испугавшись, разбѣжалось. Дакіаносъ, бросаясь въ разныя стороны, чтобъ оное собрать, увидѣлъ одного изъ своихъ барановъ, которой увязъ въ нѣкоторую разсѣлину, и не могъ оттуда выйти; онъ побѣжалъ къ

нему, и вытащилъ его, какъ вдругъ сталъ пораженъ великимъ сіяніемъ, которое изходило изъ сей разсѣлины; онъ началъ смотрѣть, что было причиною сего блистанія, и увидѣлъ, что то была золотая доска посредственной величины; онъ раскопалъ еще сіе отверстіе, и сошелъ въ подземный сводъ, которой былъ не болѣе семи футовъ въ вышину, и четырехъ, или пяти въ ширину. Онъ разсматривалъ сію доску съ великимъ вниманіемъ, и не могъ понять, что значили четыре строки, на ней начертанныя: и такъ, для удовольствованія въ томъ своего любопытства, взялъ онъ ее съ собою, и когда настала ночь, то спрятавъ ея подъ полу возвратился въ городъ. Перьвое его стараніе было о томъ, чтобъ, нашедъ ученыхъ людей, показать имъ оную; но сколь не были они искусны въ наукахъ; однако же не могли истолковать ему сей надписи; одинъ

только изъ нихъ сказалъ ему: никто здѣсь не можетъ перевести сихъ письменъ, поѣзжай въ Египетъ. Тамъ ты найдешь старика, которому отъ роду триста лѣтъ; онъ умѣетъ читать древнія писанія, и обладаетъ всѣми науками: онъ одинъ въ состояніи тебя удовольствовать. — Дакіаносъ сдалъ немедлѣнно стадо, кому оное принадлежало и отправился въ Египетъ.

Какъ скоро онъ туды пріѣхалъ; то освѣдомился о старикѣ, которой былъ столь славенъ, что всякой могъ показать ему его жилище. Старикъ принялъ его весьма благосклонно, и весьма удивлялся, увидя столь чудную вещь. Онъ съ великою удобностію прочиталъ слова; но, подумавъ нѣсколько, и посмотрѣвъ пристально на Дакіаноса, спросилъ у него: какимъ образомъ доска сія попалась тебѣ въ руки? — Дакіаносъ расказалъ ему объономъ. — Сіи письмены, продолжалъ

старикЪ, обѣщаютЪ тому, кто найдетЪ доску, такія вещи, которыя вѣроятно съ тобою не случатся. Лице твое показываетЪ добраго человѣка; а сія надпись говоритЪ о нечестивомЪ, коего кончина будетЪ бѣдственна и ужасна: но поелику судьба вручила сію доску тебѣ; то и начертанное на ней, конечно, до тебя касается. — ДакіаносЪ, удивленный сими словами, отвѣчалЪ ему: возможно ли тому статься, что ты говоришь? Я тритцать лѣтЪ молюсь Богу всякой день, и никогда не былЪ ему невѣренЪ: какЪ же могу я быть беззаконникомЪ? — Хотя бы ты и триста лѣтЪ служилЪ Богу, отвѣчалЪ старикЪ; но не меньше будешЪ жертвою ада. — Сіи послѣднія слова пронзили сердце Дакіаносу. ОнЪ началЪ вздыхать и плакать, и возопилЪ: о Боже! Почто я нашелЪ сію золотую доску! Почто я показалЪ ее сему старцу! ЖелалЪ бы я не слыхать

ни когда сего страшнаго опредѣленія! — Какая бы изъ того была тебѣ польза, сказалъ ему тогда ученый мужь, естьли бы ты ко мнѣ ее не принесъ: Божіе предопредѣленіе непремѣнно и вѣчно; начертанное въ книгѣ животной не можетъ изъ оной изгладиться. Но я могу обмануться; знаніе человѣческое часто бываетъ сомнительно: единый Богъ погрѣшностямъ не подверженъ. Однако же я могу тебѣ сказать, что сія золотая доска показуетъ величайшее сокровище, и что всѣ земныя богатства будутъ принадлежать обладателю золотой доски. Сіи слова о сокровищѣ утѣшили Дакіаноса, и онъ съ восхищеніемъ сказалъ старику: не медли ни мало; пойдемъ искать сокро̀вища, и раздѣлимъ его по братски; но старикъ сказалъ ему, воздохнувши: другъ мой! ты не успѣешь вступить во владѣніе сихъ богатствъ, какъ и начнешь употреблять во зло

оныя. Трудно умѣть быть богатымъ. и я, можетъ быть первой буду раскаеваться, что оказалъ тебѣ услугу. — Что ты мнѣ говоришь, вскричалъ Дакіаносъ! Какъ! Будучи обязанъ тебѣ толикими сокровищами, будучи одолженъ тебѣ моимъ щастіемъ, могу я быть непризнательнымъ! Ни одинъ невѣрный не способенъ къ таковой неблагодарности; а я не въ состояніи о томъ и помыслить. Клянусь тебѣ Великимъ Богомъ, что буду почитать тебя отцомъ и раздѣлю всѣ сіи богатства съ тобою, или, лучше сказать, ты мнѣ дашь изъ оныхъ, что тебѣ угодно, и я всѣмъ буду доволенъ.

Сіи увѣренія не могли бы, можетъ быть поколебать старика; естьли бы скупость, единственная страсть, которой старые люди обыкновенно бываютъ подвержены, не превозмогла его разсужденій; и такъ онъ согласился ѣхать. Они прибыли на то мѣсто, гдѣ Дакіаносъ нашелъ

золотую доску. Старикъ велѣлъ ему рыть землю футовъ на двадцать въ глубину. Вскорѣ увидѣлъ онъ стальную дверь, которую старикъ велѣлъ ему отворить. Дакіаносъ съ такою поспѣшностію ему повиновался, что вышибъ ногою дверь, хотя ключь и былъ въ замкѣ. Они оба сошли въ подземный сводъ, не смотря на ужасную темноту, въ ономъ царствующую. Прошедъ нѣсколько шаговъ увидѣли они слабый свѣтъ, съ помощію коего могли различить предметы; чемъ болѣе подавались они въ передъ, тѣмъ становилось свѣтлѣе. Наконецъ пришли они къ огромнымъ и великолѣпнымъ палатамъ, о семи дверяхъ, которыя всѣ были заперты; но ключи отъ нихъ были тутъ же привѣшены. Дакіаносъ взялъ ключь отъ первыхъ дверей и отперъ ихъ. Въ перьвой палатѣ нашли они великое множество разныхъ уборовъ и нарядовъ, а особливо золотыхъ поясовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными ка-

каменьями. Они отперли вторую палату, которая наполнена была саблями, коихъ ручки и ножны были покрыты рѣдчайшими каменьями.

Третья была увѣшена безчисленнымъ множествомъ золотыхъ латъ, кольчугъ и разныхъ шишаковъ; всѣ сіи снаряды украшены были драгоцѣнными каменьями.

Въ четвертой находились конскіе приборы, не уступающіе въ великолѣпіи оружію.

Въ пятой были накладены большія кучи золотыхъ и серебреныхъ слитковъ.

Шестая была наполнена золотыми деньгами; а въ седьмую съ трудомъ могли они войти, столь завалена она была Сафирами, Аметистами и Алмазами. Сіи неищетныя сокровища ослѣпили Дакіаноса; и съ той минуты началъ онъ жалѣть, что имѣлъ свидѣтеля сихъ богатствъ. Понимаешь ли ты, сказалъ онъ старику, сколь нужно хранить въ семъ

случаѣ тайну? Конечно, отвѣчалъ онъ ему. Но естьли Царь, продолжалъ Дакіаносъ, узнаетъ о семъ сокровищѣ; то конечно возметъ его себѣ. Надѣешься ли ты на себя? Не опасаешься ли проговориться? Желаніе обладать половиною сихъ богатствъ, отвѣчалъ ему старикъ, есть вѣрная порука моего молчанія. Половина сихъ богатствъ? прервалъ Дакіаносъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: но знаешь ли ты, что сія половина превосходитъ сокровища всѣхъ сильнѣйшихъ Царей? Старикъ примѣтя его перемѣну, сказалъ ему: естьли ты думаешь, что половины для меня много, то властенъ ты дать мнѣ четвертую только долю. Съ охотою, сказалъ Дакіаносъ. Но какимъ образомъ вынесешь ты все сто отсюда? Ты откроешь нашу тайну, и будешь причиною своего и моего несчастія. Хорошо, отвѣчалъ ему старикъ, хотя ты мнѣ обѣщалъ и гораздо больше, но я доволенъ буду

и одною палатою; но ты не отвѣтствуешь? Мы подумаемъ на досугѣ о твоемъ предложеніи, сказалъ ему Дакіаносъ: я радъ однако же, что ты сдѣлался разсудительнѣе и началъ отдавать себѣ справедливость. По семъ Дакіаносъ съ нова сталъ разсматривать сіи богатства съ большею прежняго алчностію, и глаза его еще болѣе ослѣпились оными. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ великолѣпную храмину, заключающую въ себѣ алмазы, въ которой они тогда находились: ты понимаешь, сказалъ онъ старику, что сія палата несравненно богатѣе прочихъ, и что противно было бы разсудку, когда бы я уступилъ тебѣ столь законныя права, каковы моя. Твоя правда, отвѣчалъ старикъ, и я не требую ея. По томъ вошли они въ ту палату, гдѣ лежали золотыя деньги. Сіе сокровище, сказалъ Дакіаносъ, посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени, не столь, какъ

другіе, отяготительно, и его сбыть съ рукъ весьма удобно; оно можетъ такъ же служить къ сохраненію всѣхъ прочихъ, для нанятія ли караула, или, для построенія стѣнъ; и такъ я почитаю тебя столько разсудительнымъ, продолжалъ онъ, что ты конечно согласишся на необходимость, побуждающую меня оставить оное себѣ. Соглашаюсь, отвѣчалъ старикъ: пойдемъ къ другому. Сіи кучи золотыхъ и серебреныхъ слитковъ не всѣ тебѣ нужны, сказалъ онъ, вошедъ въ пятую палату. Нѣтъ, отвѣтствовалъ Дакіаносъ, я могъ бы обойтися безъ нѣкоторыхъ; но я съ лишкомъ тебѣ обязанъ, чтобъ подвергнуть опасности, отдавъ ихъ тебѣ; какъ ты ихъ вынесешь отъ туда? Какихъ трудовъ будетъ тебѣ стоить сбывать ихъ съ рукъ? Ето уже мое дѣло, отвѣчалъ ему старикъ. Нѣтъ, нѣтъ, примолвилъ Дакіаносъ, я столько тебя люблю, что ни-

когда на то не соглашуся. Сверьхъ того симъ бы могъ ты все открыть, тебя взяли бы подъ караулъ, и ты принужденъ бы былъ сказать и обо мнѣ. Посмотримъ другіе. Они отворили четвертую палату. Сіи конскіе приборы тебѣ со всѣмъ неприличны; твои лѣта препятствуютъ тебѣ ихъ употреблять. Онъ говорилъ ему то же и о латахъ, и о всемъ прочемъ, что было въ третьей палатѣ. По томъ заперевъ оную крѣпко накрѣпко какъ и прочія, вошелъ онъ въ ту, которая наполнена была саблями; и старикъ сказалъ ему: сіе оружіе легко можно отсюда выносить; я представлю оное Царю Индѣйскому: или стану продавать по одиначкѣ, и тебѣ отъ того ни какой опасности не будетъ. Правда, сказалъ Дакіаносъ, я могу удѣлить тебѣ нѣсколько изъ оныхъ. Говоря сіе, онъ ихъ разсматривалъ, какъ для тяжести золота, такъ и для драго-

цѣнности алмазовъ. На конецъ вынулъ одну изъ ноженъ. Тогда сравнилъ онъ мысленно всѣ сіи богатства, коихъ могъ одинъ содѣлаться обладателемъ, съ головою человѣка; и не понималъ какъ онъ столь долго между сими вещами колебался: я въ тебѣ сомнѣваюсь, вскоичалъ онъ, устремившись на старика. Старикъ палъ ему въ ноги и лобызалъ ихъ: сжалься, сказалъ онъ ему, надъ моею старостію; сокровища меня уже не прельщаютъ, и я отъ нихъ отрѣкаюсь. Я тому очень вѣрю, отвѣчалъ Дакіаносъ, они мои. золотая доска мнѣ ихъ вручаетъ. Старикъ напомянулъ ему о его клятвахъ; но я тебя отъ оныхъ освобождаю, продолжалъ онъ, и за одолженіе мое тебѣ, прошу только жизни. Нѣтъ я надмѣру много оскорбилъ тебя, возразилъ. Дакіаносъ, жизнь твоя была бы моя смерть, и съ лишкомъ бы меня безпокоила. Тайна моя да

пребудетъ у одного меня, сказалъ онъ, отрубивъ однимъ махомъ голову сему ученому старику.

Первое стараніе Дакіаноса было, чтобъ, какъ можно скорѣе, вырыть яму и схоронить сію нещастную жертву его скупости. Онъ боялся свидѣтелей, а не угрызеній. Сердце его наполнено было только сокровищами, коими онъ обладалъ; разумъ же занятъ былъ способами къ сохраненію оныхъ. Но пожиравъ оные долгое время глазами, и насладясь всѣмъ тѣмъ, что любостяжаніе имѣетъ пріятнѣйшаго, въ какое пришелъ онъ смущеніе, когда нашелся принужденнымъ удалиться оттолѣ для утоленія своего голоду? Колико укорялъ онъ себя за то, что не принесъ ничего съ собою? И естьли осталось въ немъ нѣкоторое напоминаніе о старикѣ; то сіе было для того только, чтобъ обвинять его память, и удостовѣрить себя, что онъ конечно имѣлъ худыя намѣренія,

поелику не напомнилъ ему о такой вещи, которую можно было предвидѣть, и небудучи такимъ мудрецомъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно.

Но дабы не умереть съ голоду, въ семъ подземномъ жилищѣ; то непремѣнно надлежало изъ онаго выйти; какую помощь можно найти въ пустомъ полѣ, которымъ былъ онъ окруженъ? И такъ должно было удалиться; но какъ рѣшиться на то, наипаче же въ такое время, когда не давно взрытая земля могла бы привлечь любопытство проѣзжающихъ? Дакіаносъ едва было не вознамѣрился тутъ умереть, дабы не выпустить изъ виду своего сокровища. Все то, что могъ онъ предпріять, состояло въ томъ, чтобъ выйти оттолѣ ночью. Онъ взялъ нѣсколько горстей золотыхъ денегъ, и пошелъ въ городъ. Тамъ купилъ лошадь, которую навьючилъ сухарями и наливъ небольшой боченокъ

воды, возвратился еще до свѣту къ своему сокровищу, которое нашелъ въ томъ положеніи, въ какомъ его оставилъ, съ такою же радостію, съ какою горестію принужденъ былъ съ нимъ разставаться.

Первое его попеченіе состояло въ томъ, чтобъ выкопать одному и съ невѣроятною трудностію, преглубокой ровъ во кругъ пещеры. Онъ сдѣлалъ подземный ходъ, которой закрывалъ своимъ платьемъ и спалъ на немъ въ первые дни. По томъ сдѣлалъ себѣ землянку, чтобъ укрываться въ оной отъ непогодъ. Трудно повѣрить, что претерпѣвалъ онъ, упражняясь въ столь великихъ трудахъ, и ни кому бы не пришло въ умъ, видя его изнуренна работою, чтобъ онъ былъ богатѣйшій изъ всѣхъ земныхъ обитателей.

Когда онъ довелъ свою работу до такой степени, что могъ безопасно отходить; то пошелъ опять въ городъ, но съ прежнею же

предосторожностію, то есть ночью. Онъ употребилъ всю оную на покупку нѣсколькихъ невольниковъ, съ помощію коихъ мало по малу достал всѣ нужныя вещи, для безопасности своей и спокойствія. Вскорѣ по томъ нанялъ онъ работниковъ, которые привели въ совершенство начатыя имъ работы. Онъ велѣлъ обвести тремя каменными стенами свою пещеру, и спалъ всегда между перьвою и второю. По томъ разсѣялъ слухъ, что онъ производитъ знатную торговлю съ чужестранными народами, и что нашелъ великое богатство въ Египтѣ: подъ симъ предлогомъ, (ибо оныя нужны, чтобъ быть богатымъ), построилъ онъ великолѣпный домъ; такъ, что дворецъ о тысячѣ столбахъ воздвигнутый Меликъ-Уаною, древнимъ Царемъ Индѣйскимъ, былъ въ сравненіи съ симъ ничто.

Толикая пышность привела его скоро у всѣхъ въ почтеніе и всякой

искалъ его знакомства. Труды же, понесенные имъ для сохраненія своихъ богатствъ, не только что льстили его самолюбію, но даже удостовѣрили его въ томъ, что онъ пріобрѣлъ ихъ законно, и могъ наслаждаться ими безъ угрызенія, такъ, что о старикѣ позабылъ онъ совершенно.

Ему весьма не трудно было перенести всѣ сокровища свои изъ пещеры, о которой онъ ни кому не сказывалъ. Онъ отправлялъ многочисленные караваны въ Индію, дабы оправдать издержки, чинимыя имъ на покупку невольниковъ, на строенія, на женщинъ и на лошадей; счастіе же еще благопріятствовало его торгамъ, о которыхъ онъ и не заботился. Сердце его, насыщенное богатствомъ, не долго пребыло нечувствительно къ честолюбію. Дворы Царскіе весьма привлекательны для богачей; ихъ принимаютъ тамъ съ такою вѣжливостію, и хвалятъ

столь тонко, что обыкновенно они симЪ прельщаются. ДакіаносЪ же, присоединяющій кЪ избытку своему безпредѣльное любочестіе, не упустилЪ ни чего, чтобЪ имѣть доступЪ ко Двору Царя Персидскаго; онЪ дарилЪ Визирей, дабы получить ихЪ покровительство, чрезЪ что учинился ихЪ рабомЪ; слухЪ о великолѣпіи его и щедрости достигЪ наконецЪ, какЪ онЪ того желалЪ и предвидѣлЪ, до Царя Персидскаго, которой захотѣлЪ его видѣть. ДакіаносЪ какЪ скоро появился, то и былЪ позванЪ на аудіенцію; но дабы подать о себѣ хорошія мысли, и удостоиться Царской милости, то поднесЪ онЪ ему подарки, каковыхЪ можетЪ быть всѣ сильнѣйшіе Государи собрать не вЪ состояніи. Обыкновенно сіи подарки подносятся по девяти, естьли кто желаетЪ показать всю свою пышность. И такЪ ДакіаносЪ велѣлЪ вести оные предЪ собою на девяти верблюдахЪ.

Первой верблюдъ навьюченъ былъ девятью золотыми уборами, осыпанными драгоцѣннѣйшими каменьями, въ числѣ коихъ опоясья занимали первое мѣсто.

Второй везъ девять мечей, коихъ золотыя рукоятки были осыпаны бриліянтами.

На третьемъ видны были девять воинскихъ снарядовъ, столь же великолѣпныхъ.

Четвертой былъ навьюченъ девятью конскими приборами, кои соотвѣтствовали прочимъ подаркамъ.

Девять ящиковъ, наполненныхъ сафирами, были на пятомъ.

Девять такихъ же ящиковъ съ яхонтами, везлися шестымъ.

Толикое же число ящиковъ съ изумрудами, находилось на седьмомъ.

Аметисты въ такихъ же ящикахъ, были на осьмомъ.

На конецъ, на девятомъ увидѣли девять же ящиковъ съ алмазами.

Девять дѣвицъ отмѣнной красоты и въ великолѣпныхъ одѣждахъ слѣдовали за симъ не большимъ караваномъ, и восемь молодыхъ невольниковъ, не имѣющихъ еще бороды, шли предъ Дакіаносомъ, которой замыкалъ сіе шествіе.

Посредѣ ослѣпленія, причиненнаго сими подарками Царю и всему Двору, нѣкто изъ придворныхъ по обычаю таковыхъ мѣстъ, ищущій все охуждать, или желая досадить тому, кого всѣ осыпали похвалами, или, можетъ быть, для показанія тонкости своего ума, спросилъ: гдѣ девятой невольникъ? Дакіаносъ ожидавшій сего вопроса, указалъ на себя: Царь, тронутый сею тонкою выдумкою, которую присоединилъ онъ къ толь безцѣннымъ подаркамъ, принялъ его со всевозможною отличностію, природное же его краснорѣчіе, довершило привлечь къ нему его благосклонность, и вскорѣ Царь не могъ болѣе безъ него обойтися.

Онъ сажалъ его возлѣ себя, забавлялъ музыкою, посылалъ къ нему каждой день кушанья со своего стола и вкуснѣйшія вина, между тѣмъ, какъ онъ съ своей стороны платилъ за толикія милости подарками, коихъ число и великолѣпіе всѣхъ удивляло. Наконецъ безпрестанная его щедрость и краснорѣчіе, дали ему столь великое надвластіе надъ разумомъ Царя, что онъ сдѣлалъ его своимъ Визиремъ, дабы никогда съ нимъ не разлучаться; однако же довѣренность и дружба, которыя Царь ему оказывалъ, еще болѣе придавали ему могущества, нежели тотъ санъ, въ которой былъ онъ облеченъ.

Дакіаносъ управлялъ Персіею съ неограниченною властію; ему бы должно было довольствоваться такимъ щастіемъ, которое удовлетворяло его тщеславію; но честолюбіе можетъ ли когда либо насытиться? Гора Кафъ удобна служить предѣломъ вселенной, но не мыслямъ и желаніямъ

честолюбиваго человѣка. Въ сіе-то время донесено было Царю, о прибытіи Греческаго Посла; онъ тотъ часъ далъ ему аудіенцію: Посолъ, поцѣловавъ подножіе его престола, вручилъ ему граммату, которую приказалъ онъ своему письмоводителю прочитать въ слухъ; она была слѣдующаго содержанія.

„Я, Повелитель и Султанъ „седьми климатовъ, къ тебѣ Царю „Персидскому. По полученіи Царс„кой моей грамматы, пришли мнѣ „немедлѣнно седьмилѣтнюю дань. „Естьли же ты не захочешь сего „учинить; то знай, что войско „противъ тебя стоитъ у меня въ „готовности.

Сія грамматa столько изумила Царя, что онъ не зналъ, какъ отвѣтствовать на оную. Дакіаносъ, для извлеченія его изъ сего недоумѣнія, всталъ со своего мѣста, и поклонясь по обыкновенію Царю въ ноги, спѣшилъ его успокоить: Госу-

царь, сказалЪ онЪ ему; грамматa Греческаго Императора не должна озорчить тебя. Не трудно на оную отвѣтствовать, и заставить его раскаеваться вЪ его угрозахЪ и дерзости: повели вѣрнѣйшимЪ твоимЪ подданнымЪ явиться ко мнѣ, я, нижайшій изЪ твоихЪ рабовЪ, скажу, что надлежитЪ имЪ дѣлать. Сіи слова утѣшили Царя; и онЪ далЪ по сему повелѣніе; ДакіаносЪ собралЪ болѣе ста тысячь войска Царю, между тѣмЪ, какЪ онЪ сЪ своей стороны набралЪ десять тысячь, коихЪ снарядилЪ на свое иждивеніе, Царь же присоединилЪ кЪ сему избранному воинству двѣ тысячи храбрѣйшихЪ ратниковЪ, кои были всегда при его особѣ; изЪ нихЪ составилЪ онЪ тѣлохранителей ДакіаносовыхЪ, коего обЪявилЪ вождемЪ сего ополченія, состоящаго изо ста двенатцати тысячь человѣкЪ. Новый ПолководецЪ откланявшись Царю, пошелЪ сЪ войскомЪ своимЪ, которое охраняло всѣ

его сокровища; ибо онъ взялъ ихъ съ собою, и десять тысячь верблюдовъ съ трудомъ могли вести оныя. Царь съ прискорбіемъ разставаясь съ Визиремъ, провожалъ его три дни, и простился наконецъ съ нимъ, проливая слезы, осыпалъ его благословеніями и повторяя ему стократно, что онъ вся его надежда, сила, подпора и что еще болѣе другъ сердца его.

Дакіаносъ на походѣ бралъ изъ всѣхъ городовъ, чрезъ которые шелъ, способнѣйшихъ къ войнѣ людей, снаряжалъ ихъ на свое иждивеніе, и давалъ имъ денегъ сколько они требовали. Слухъ о такой пышности разсѣявшись, привлекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ множество людей, и Армія его вскорѣ возрасла до трехъ сотъ тысячь человѣкъ.

Греческой Императоръ получивъ такое извѣстіе о Персидской Арміи, собралъ съ поспѣшностію свои войска, и пошелъ противъ Дакіаноса съ

семью стами тысячь. КакЪ скоро увидѣлЪ онЪ непріятеля, то раздѣлилЪ Армію свою на двѣ части, и далЪ знакЪ кЪ сраженію. Войска Дакіаносовы шли сЪ такою неустрашимостію, и первой ихЪ ударЪ былЪ столь жестокЪ, что Греческая Армія не успѣла осмотрѣться, какЪ и была разбита. ДакіаносЪ взявЪ вЪ плѣнЪ Греческаго Императора, велѣлЪ отрубить ему голову, и завладѣвЪ безЪ труда его землями, обЪявилЪ себя вмѣсто его Государемъ.

Первое дѣло сего новаго Монарха было написать слѣдующую граммату кЪ Персидскому Царю.

,, Я разбилЪ и низложилЪ Ке-
,,саря (*), покорилЪ его Государст-
,,во, возшелЪ на его престолЪ, и
,,признанЪ за обладателя всей его
,,Имперіи. КакЪ скоро получишь ты

(*) ТакЪ Восточные народы называли Греческаго Императора.

„мое письмо, то не медля ни ми-
„нуты, пришли мнѣ седмилѣтнюю
„дань, естьли же ты хотя малое
„покажешь сопротивленіе, то под-
„вергнешь себя Кесаревой участи.„

Царь Персидскій отъ сей грамматы не безъ причины былъ внѣ себя. Не теряя времени собралъ онъ войска. Но прежде похода своего въ Грецію, отвѣчалъ Даkіаносу такъ:

„Человѣкъ, толико достойный
„презрѣнія, какъ ты, можетъ ли
„владѣть Греціею; ты мнѣ измѣ-
„няешь, мнѣ, твоему Государю, ко-
„торой сидитъ на златомъ прес-
„толѣ своихъ предковъ; ты воз-
„стаешь на меня забывъ вѣрность
„и благодарность, коими ты мнѣ
„долженъ. Я иду истребить даже
„память твою, иду привести Гре-
„цію въ прежнее ея положеніе, и
„возвратить законному ея Госу-
„дарю.„

Сей презрительный отвѣтъ Царя Персидскаго, привелъ Дакіаноса

въ страшное бѣшенство; онъ немедлѣнно отдѣлилъ отъ Арміи своей двѣсти тысячь человѣкъ, и послалъ ихъ противъ Царя Персидскаго; оба войска въ скорости повстрѣчалися, сраженіе было весьма упорно; но на конецъ Царь Персидскій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и представленъ Дакіаносу.

Злодѣй, сказалъ ему сей Государь, представъ предъ него, какъ можешь ты сносить мое лицезрѣніе? Неблагодарнѣйшій изъ смертныхъ! Кто? Я, неблагодаренъ, отвѣчалъ Дакіаносъ, я содержалъ войска своимъ иждивеніемъ, расточилъ большую часть моихъ сокровищь, слѣдовательно я купилъ сіе завоеваніе; сверьхъ же того, я сражался, отмстилъ твою обиду; и такъ чемъ ты можешь меня укорять? Я любилъ тебя, сказалъ Царь.

Тотъ, кто имѣетъ въ рукахъ власть, обыкновенно не можетъ сносить столь основательныхъ упре-

знойномъ Солнцѣ; письмены будутъ зеленаго весьма хорошаго цвѣта: сіи чернилы, кромѣ сего, имѣютъ еще ту особливость, что какъ скоро бумага простынетъ, и напитается обыкновенною влажностію воздуха; то письмены, кои жаръ вывелъ наружу, совершенно опять изчезнутъ; что можно повторять много разъ, наблюдая только, чтобъ не очень нагрѣвать бумагу, по тому, что ежели отъ излишняго жара написанное приметъ цвѣтъ желтой; то уже болѣе не изчезнетъ, но такъ и остается.

Пурпуровыя Симпатическія чернилы.

Вмѣсто Царской водки, для распущенія заффора, возьми крѣпкой водки, бросая въ нее по немногу соли виннаго камня, дабы не учинилося вдругъ сильнаго кипѣнія; по томъ, давъ устояться, слѣй, какъ выше сказано, и прибавь довольное количество простой воды.

мѣстилъ такъ, что восходящее солнце ударяло каждой день года въ одну изъ оныхъ. При дворцѣ его было семь сотъ придверниковъ; шестьдесятъ Визирей занимались его дѣлами; всякой день въ Аудіенцъ-камерѣ видны были шестьдесятъ троновъ, на которыхъ сидѣли отличившіеся воины; семь тысячь Астрологовъ собирались всякой день, и увѣдомляли его о добрыхъ или злыхъ вліяніяхъ планетъ; онъ окруженъ былъ всегда десятью тысячами Икоглановъ (*) кои носили золотые опоясья и такіе же вѣнцы, и въ прочемъ были весьма богато одѣты; должность ихъ состояла только въ томъ, чтобъ принимать отъ него приказанія. Онъ учредилъ шестьдесятъ Пашей, изъ коихъ каждой имѣлъ подъ своимъ начальствомъ по двѣ тысячи прекрасныхъ юношей, которые всякой особо повелѣвалъ двумя тысячами воиновъ.

(*) Пажи.

Въ одинъ день, какъ Дакіаносъ находился посредѣ всего своего блистанія, нѣкоторой старикъ вышелъ изъ подъ трона, на коемъ онъ сидѣлъ. Царь удивясь, спрашивалъ у него, кто онъ такой; но вмѣсто того, чтобъ объявить ему правду, ибо онъ былъ одинъ изъ невѣрныхъ духовъ, я есмь, сказалъ онъ ему, пророкъ Божій и посланъ отъ него къ тебѣ; знай, что онъ учинилъ меня богомъ небеснымъ, а тебя земнымъ. Дакіаносъ сказалъ ему, какъ можно повѣрить, чтобъ я былъ онымъ? И духъ въ ту самую минуту изчезъ. Чрезъ нѣсколько времени по томъ Дакіаносъ увидѣлъ то же явленіе, и духъ сказалъ ему тѣ же слова; но онъ ему отвѣчалъ: ты меня обманываешь; какъ можно мнѣ быть земнымъ богомъ? Твои великія дѣянія и Божіе къ тебѣ благоволеніе должны тебя въ томъ увѣрить; но естьли ты сомнѣваешься, сказалъ старикъ; то сдѣлай, что я тебѣ скажу, и

ты скоро убѣжденъ въ ономъ будешь. Дакіаносъ, коего гордости было то лестно, при томъ же не имѣя ни чего желать болѣе со стороны людской великости, обѣщался ему на все согласиться. Вели отнести свой престолъ на морской берегъ, продолжалъ старикъ. Приказаніе сіе было исполнено; и когда Дакіаносъ сѣлъ на тронъ; то духъ сказалъ ему: Государь, на днѣ моря находится одна рыба, коей величина извѣстна одному только Богу. Сія рыба всякой день выходитъ на землю и пребываетъ на оной до половины дня, для поклоненія Богу; ни кто не прерываетъ ея молитвъ, по окончаніи коихъ уходитъ она опять на дно моря. — Рыба въ обыкновенное время появилась и духъ сказалъ Дакіаносу: хотя рыба сія и не хочетъ вѣрить твоему могуществу, однако же она объявила всѣмъ морскимъ рыбамъ, что ты земной богъ; она ни чего не опасаясь, пришла

севодни о томъ осведомиться. Ты поверишь мне, продолжалъ онъ, естьли скажешь ей, только сіи слова: я есмь богъ земли; страшный твой голосъ поразитъ ея ужасомъ, и она непременно принуждена будетъ уйти. Сіе предложеніе понравилось Дакіаносу, онъ кликнувъ рыбу, сказалъ ей: я есмь богъ земли; сіи нечестивыя слова принудили рыбу скрыться на дно моря; ибо она боялась, что бы всемогущій Богъ не поразилъ громомъ сего дерзскаго самозванца. Дакіаносъ безъ труда поверилъ, что рыба та была неверная, и что его присудствіе заставило ея уйти. Съ техъ поръ началъ онъ почитать истинною ложныя слова духа, и скоро не сталъ более въ божестве своемъ сомневаться. Не только одни подданные его обожали; но и отъ всехъ почти странъ света приходили воздавать ему божескія почести, коихъ онъ требовалъ; ибо онъ приказывалъ бросать въ горящую

печь всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли ему покланяться.

Въ числѣ десяти тысячь молодыхъ невольниковъ, которые всегда стояли передъ нимъ сложивъ руки, были шесть Грековъ, къ коимъ имѣлъ онъ великую довѣренность, и позволялъ имѣть ближайшій къ себѣ доступъ. Они назывались: Ямвлихъ, Мекхилиніа, Мехлита, Деверну хъ и Хазнухъ. Они обыкновенно ставали въ равномъ числѣ по правую и по лѣвую его сторону, Ямвлихъ же былъ тотъ, коего наиболѣе онъ любилъ; природа одарила его всѣми своими прелѣстями, лице имѣлъ онъ прекрасное, слова его были слаще меду, умъ же у него былъ пріятный и блестящій; однимъ словомъ, сей юноша заключалъ въ себѣ всѣ совершенства, должность же заставляла его какъ и его товарищей, отдавать Дакіаносу почести, принадлежащія единому Богу.

Въ одинъ день, какъ Дакіаносъ сидѣлъ за столомъ, а Ямвлихъ стоялъ за нимъ съ опахаломъ, для обмахиванія мухъ, то одна такъ привязалась къ блюду, съ котораго онъ ѣлъ, что онъ принужденъ былъ оное оставить. Ямвлихъ былъ пораженъ симъ происшествіемъ, ему показалось странно, что человѣкъ, которой не могъ отогнать безпокоющую его муху, выдавалъ себя за бога; мнѣ кажется, размышлялъ онъ, что такой богъ ни малаго уваженія не заслуживаетъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Дакіаносъ взошелъ въ одну изъ своихъ комнатъ, дабы нѣсколько часовъ уснуть; и Ямвлихъ же былъ при немъ съ опахаломъ. Богъ послалъ опять ту же самую муху, и въ сей разъ сѣла она Царю на лицо. Ямвлихъ хотѣлъ ея согнать, боясь, чтобъ она не помѣшала ему спать; но стараніе его было безполезно, она разбудила Дакіаноса, и вывела его со-

вершенно изъ терпѣнія. Ямвлихъ пораженный уже и прежнимъ впечатлѣніемъ, сказалъ самъ въ себѣ: сей человѣкъ безъ сомнѣнія такой же богъ, какъ и я. Богъ только одинъ, и ето тотъ, которой сотворилъ солнце меня освѣщающее. Съ того времени Ямвлихъ имѣлъ обыкновеніе каждой вечеръ ложася спать говорить: истинный Богъ есть тотъ, которой создалъ небо, держащееся на воздухѣ безъ подпоры.

Весьма трудно намъ скрывать важныя наши размышленія отъ нашихъ друзей. Ямвлихъ сообщилъ о всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, товарищамъ своимъ. Человѣкъ, которой не могъ избавиться отъ мухи, можетъ ли повелѣвать природою, сказалъ онъ имъ? По томъ разсказалъ имъ приключеніе о мухѣ. Но естьли Царь нашъ не богъ, спросили они у него, то кому же должно покланяться? Ямвлихъ объявилъ имъ тогда свои мысли. Они согласились на его мнѣніе,

и съ того дня всѣ ночи препровождали съ нимъ въ молитвахъ.

Собранія, чинимыя ими въ скрытныхъ мѣстахъ, вскорѣ сдѣлались главнымъ предметомъ разговоровъ. Дакіаносъ будучи о томъ увѣдомленъ, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ, и спросилъ у нихъ: правда ли, что вы покланяетесь иному Богу, а не мнѣ? Они отвѣчали ему на сіе: мы покланяемся верьховному Обладателю вселенныя. Царь принявъ сей отвѣтъ на свой щетъ, осыпалъ ихъ ласками, и далъ имъ почетную одежду. Они вышли изъ дворца, будучи обременены милостями своего Государя, и первое ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобъ принести благодареніе Всевышнему. По томъ Ямвлихъ имъ сказалъ: естьли въ другой разъ сдѣлаютъ Царю донесеніе, подобное тому, которое подвергнуло насъ столь великой опасности, то мы не должны надѣяться отъ него ни какого помилованія; и такъ я думаю,

что намъ не чего инаго дѣлать, какъ выйти изъ государства, и искать такого мѣста, гдѣ бы мы могли покланяться Богу безъ опасенія. Но какъ мы уйдемъ, отвѣчали ему товарищи его? Мы не знаемъ другой земли, кромѣ сей. Возложимъ наше упованіе на Бога, сказалъ Ямвлихъ, и воспользуемся обстоятельствами; вы знаете, что Дакіаносъ не беретъ насъ съ собою на охоту, гдѣ онъ обыкновенно бываетъ по недѣлѣ со всею своею Армiею. Кто возпрепятствуетъ намъ уйти въ сіе время? Мы попросимъ у приставленныхъ къ намъ Евнуховъ, позволенія поиграть въ Тегейтанъ (*); выѣхавъ съ площади, бросимъ шаръ сколь можно далѣе, и ускачемъ на добрыхъ лошадяхъ, которыхъ намъ обыкновенно даютъ. Они одобрили сіе намѣреніе, и съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали времени къ исполненію онаго. Наконецъ Дакіаносъ поѣхалъ съ мно-

(*) Конная игра шарами.

гочисленною своею Арміею на охоту, приказавъ своимъ Евнухамъ не усыпно смотрѣть за шестью молодыми его невольниками.

На другой день его отъѣзда, произвели они въ дѣйство свое предпріятіе. Евнухи погнавшись за ними, хотѣли ихъ принудить возвратиться во дворецъ, но они имъ отвѣчали: Царь вашъ намъ уже наскучилъ; онъ желаетъ, чтобъ мы признавали его за бога, а мы покланяемся единому, создавшему все нами видимое. Молодые невольники сказавъ сіе, выхватили свои сабли, и въ одно почти мгновеніе привели Евнуховъ въ несостояніе за ними гнаться. Друзья мои, сказалъ тогда имъ Ямвлихъ, мы погибнемъ, естьли не употребимъ всевозможную поспѣшность. И такъ погнали они своихъ лошадей; но столь не умѣренно, что онѣ скоро пали. Тогда принуждены они были продолжать путь свой пѣшкомъ; но наконецъ изнуренные

усталостію, голодомЪ и жаждою остановились они на дорогѢ, и сЪ сокрушеннымЪ сердцемЪ молили Бога низпослать имЪ сильную его помощь. ВѢрные духи услышавЪ ихЪ моленія и тронувшись ихЪ состояніемЪ, внушили Ямвлиху взойти на гору, при подошвѢ коей они тогда находилися. СЪ великимЪ трудомЪ дошелЪ онЪ до вершины; но наконецЪ усмотрѢлЪ источникЪ, коего свѢтлая и чистая вода была, яко вода жизни, и увидѢлЪ сидящаго пастуха, которой стерегЪ стадо и пѢлЪ пѢсни. ЯмвлихЪ позвалЪ своихЪ товарищей; и нѢсколько словЪ, которыя могли они отЪ него услышать, придали имЪ довольно бодрости, чтобЪ взойти на гору.

ПастухЪ, называемый Кефхтетухомъ, далЪ имЪ нѢсколько съѢстныхЪ припасовЪ, и они напились воды изЪ сего прекраснаго источника. Силы ихЪ возобновились, и первое ихЪ стараніе было возблагодарить

за то Бога. Тогда Кефхтетїухъ спросилъ ихъ, какъ они нашли дорогу къ такому мѣсту, гдѣ онъ никогда никого не видывалъ. Естьли я не обманываюсь, продолжалъ онъ, то вы спасаетесь бѣгствомъ: откройте мнѣ ваши злоключенiя, я, можетъ быть, буду вамъ въ чемъ нибудь полезенъ. Ямвлихъ разсказалъ ему все съ ними случившееся. Слова его озарили лучемъ вѣры сердце сего пастуха, Богъ его просвѣтилъ, и онъ тотчасъ перенявъ ихъ молитвы, сталъ ихъ съ ними повторять. По томъ сказалъ имъ: я не намѣренъ никогда съ вами разлучаться. Ефесъ столь близокъ отсюда, что вы всегда будете подвержены опасности; не сомнѣвайтесь, чтобъ Дакїаносъ не сталъ всѣми силами стараться васъ сыскать. Я знаю не подалеку отсюда одну пещеру, которую онъ, можетъ быть, и въ пятьдесятъ лѣтъ не сыщетъ: пойдемъ туда со мною. И такъ не-

медля ни мало, отправились они въ путь.

У пастуха была маленькая собачка, которую звали Катміеръ; она за ними же послѣдовала; но они не хотѣли взять ея съ собою, и всячески старались отогнать. Они бросили въ нея камнемъ, и переломили ногу; но она и на трехъ ногахъ бѣжала за ними. Они бросили въ нея другой камень, которой такъ же неотвратилъ ея, хотя и переломилъ ей другую переднюю ногу; она шла на заднихъ лапахъ столь же скоро, какъ и прежде; но когда третьимъ камнемъ переломили они ей третью ногу, то она не могла уже болѣе итти. Но Богъ для оказанія своего Всемогущества, позволилъ ей говорить: увы! сказала она имъ, вы идете къ Богу, а у меня отняли всю надежду итти къ нему съ вами? Развѣ я не Божія же тварь? Развѣ вамъ однимъ должно его знать? Они удивились

такому чуду, и столь были тронуты жалостнымЪ состоянiемЪ, вЪ которое ея ввергнули, что попеременно несли ея на рукахЪ, прося Бога имЪ покровительствовать.

Они не долго шли кЪ пещерѣ, вЪ которую велЪ ихЪ пастухЪ. Пришедши, столько они утомились, что легли и тотЪ часЪ заснули; но по особливому Божiему произволенiю, спали они открывши глаза, такЪ, что видя ихЪ, ни кто бы не подумалЪ, что бы они наслаждалися столь совершеннымЪ покоемЪ.

ВЪ пещерѣ было весьма темно, солнечный зной не могЪ ихЪ безпокоить; тихiй и прохладный вѣтерокЪ, продувалЪ ихЪ безпрестанно; длинное и узкое отверстiе, пропускало кЪ нимЪ лучи восходящаго солнца, и Божiе благоволенiе было кЪ нимЪ столь велико, что онЪ посылалЪ Ангела, которой два раза вЪ недѣлю переворачивалЪ ихЪ сЪ боку на бокЪ, дабы земля не могла ихЪ повредить.

Между тѣмъ Евнухи, избѣжавшіе отъ меча молодыхъ невольниковъ, спѣшили донести Дакіаносу о всемъ произшедшемъ. Побѣгъ сей привелъ его въ отчаяніе; и въ то время, какъ онъ перещитывалъ въ умѣ своемъ милости свои къ нимъ, обвиняя ихъ въ величайшей неблагодарности, то самой тотъ же невѣрный духъ, которой уже многократно ему появлялся, предсталъ предъ него, и сказалъ ему: твои невольники на то только тебя оставили, чтобъ итти покланяться иному богу, на коего возложили они все свое упованіе. Сіи слова привели Дакіаноса въ великой гнѣвъ; онъ заклиналъ духа увѣдомить его, по крайней мѣрѣ о мѣстѣ ихъ пребыванія. Я только одинъ могу тебя туды проводить, сказалъ духъ. Люди, тщетно бы старались найти оное, и я поведу тебя туды съ твоею Арміею. Они тотчасъ отправились, и скоро прибыли къ пещерѣ.

Тогда духъ сказалъ Дакіаносу: здѣсь-то они сокрылись. Дакіаносъ горя мщеніемъ, хотѣлъ войти въ нея. Въ то самое мгновеніе вышелъ изъ отверстія густой дымъ, сопровождаемый жесточайшимъ вѣтромъ, и тьма распространилась по всей той части свѣта. Войско отступило отъ ужаса; но гнѣвъ усугубилъ храбрость Дакіаносову, и онъ приближился къ самому отверстію пещеры, хотя съ невѣроятною трудностію то учинилъ; но не взирая на всѣ его усилія, не могъ онъ ни какъ войти въ оное, столь воздухъ былъ непроницаемъ. Онъ увидѣлъ Катніера, которой спалъ, положа голову на лапы. Разсмотрѣлъ такъ же совершенно шестерыхъ молодыхъ Грековъ и пастуха, кои вкушали пріятность сна; но онъ того неподумалъ, ибо они глядѣли.

Дакіаносъ небылъ столько дерзновененъ, чтобъ усугублять свои усилія; нѣкій тайный ужасъ удер-

жалъ его; видъ сея пещеры, и чудеса имъ видѣнныя, объяли его страхомъ; на конецъ онъ присоединился къ своей Арміи, сказывая, что нашелъ своихъ невольниковъ, что они увидя его, простерлись предъ нимъ, и отъ робости не могли промолвить ни одного слова; что онъ ихъ оставилъ плѣнниками въ пещерѣ до тѣхъ поръ, пока выдумаетъ достойное ихъ наказаніе. И дѣйствительно онъ требовалъ совѣта у своихъ шестидесяти Визирей, спрашивая у нихъ, какъ они присудятъ ему отомстить симъ молодымъ невольникамъ; но ни одинъ изъ ихъ совѣтовъ ему непонравился. Онъ прибѣгнулъ напослѣдокъ къ своему духу, которой присовѣтывалъ ему приказать Архитекторамъ, которые всюды за нимъ слѣдовали, чтобъ они построили толстую стѣну на самомъ отверстіи пещеры, дабы отнять всѣ пособія у заключенныхъ въ оной. Для славы же

твоего имени, примолвилъ онъ, прикажи начертать на стѣнѣ время, годъ и причины, побудившія тебя къ построенію оной; сіе есть средство, дать знать потомству, что ты умѣлъ мстить съ великостію.

Дакіаносъ принялъ сей совѣтъ, и велѣлъ воздвигнуть стѣну, столь толстую, какъ Александрійская; съ тою, однако же предосторожностію, что оставилъ потаенный проходъ, извѣстный одному ему, въ надеждѣ достать когда либо оттуда своихъ невольниковъ, и въ намѣреніи разсмотрѣть чудеса пещеры, которыя его безпрестанно, какъ бы противъ его воли занимали. Къ сему присовокупилъ онъ еще и ту предосторожность, что поставилъ у стѣны лагеремъ двалцать тысячь человѣкъ для караулу. Всѣмъ своимъ войскамъ далъ онъ приказъ, чтобъ каждой мѣсяцъ смѣнять помянутой отрядъ, коему было велѣно умерщвлять всѣхъ тѣхъ, кои

будутъ подходить къ мѣсту, заключающему въ себѣ тѣхъ, которые возмущеніемъ своимъ и побѣгомъ приключили первое несчастіе въ его жизни; ибо до того времени все споспѣшествовало его благополучію. Красавицы, представляемыя ему отъ всѣхъ странъ свѣта, пиршества и увеселенія, вкушаемыя имъ каждой день въ его сералѣ, все сіе не могло замѣстить въ его сердцѣ Ямвлиха, ни заставить его забыть поступокъ его и товарищей его. Желаніе мщенія присоединилось къ обидѣ, которую мнилъ онъ, что они ему причинили; сія обида тѣмъ большею ему казалась, что до того времени ни что еще не могло ему противиться. Для человѣка, упоеннаго своею славою, и коея былъ самъ онъ орудіемъ, столь явное сопротивленіе волѣ его, было весьма жестокое положеніе; такъ, что оставляя все, ходилъ онъ всякой день къ пещерѣ, дѣлать новыя покушенія,

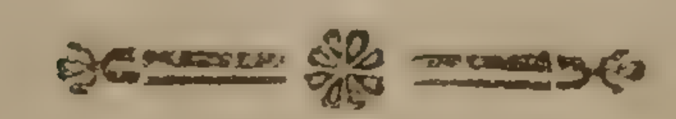
чтобЪ вЪ оную войти, по крайней мѣрѣ хотя для того, чтобЪ насытить свое зрѣніе предметами, преднамѣреваемаго имЪ мщенія.

Спокойствіе, вкушаемое тѣми, коихЪ онЪ все еще почиталЪ своими невольниками, усугубляло его бѣшенство. Глаза, кои у нихЪ были открыты, молчаніе ихЪ на всѣ выговоры и ругательства, коими онЪ ихЪ осыпалЪ, самое даже тѣлоположеніе ихЪ, все означало вЪ нихЪ величайшее презрѣніе. ВЪ одинЪ день, какЪ онЪ присоединялЪ богохуленія кЪ обыкновеннымЪ своимЪ рѣчамЪ, то БогЪ восхотѣлЪ, чтобЪ Катніерь, не трогаясь сЪ мѣста, отвѣчалЪ ему: злодѣй, какЪ можешь ты хулить Бога, которой оставилЪ тебѣ жизнь, не взирая на учиненныя тобою беззаконія? Не думаешь ли ты, что онЪ забылЪ смерть ученаго Египтянина, котораго принесЪ ты на жертву своей скупости, преступивЪ всѣ клятвы? Да-

кіаносъ видя, что гнѣвъ его безсиленъ, пошелъ, будучи пронзенъ отягчительными выговорами собаки его невольниковъ. Какой случай къ смиренію! Но вмѣсто того, чтобъ прибѣгнуть къ Богу, и просить его помилованія, гордость его возмутилася; и по нѣкоему чувствію, сродному однимъ злодѣямъ, кои обыкновенно вымѣщаютъ на подчиненныхъ посрамленія ихъ тщеславія, онъ по возвращеніи своемъ велѣлъ казнить болѣе двухъ тысячь человѣкъ, не хотѣвшихъ ему покланяться. Сіи примѣры лютости, разлили огнь бунта, которой возгорѣлся во всѣхъ краяхъ неизмѣримыхъ его областей; и не смотря на трудности и безпрестанныя заботы, для прекращенія сихъ мятежей, нѣкое тайное понужденіе, влекло его всегда къ пещерѣ. За чемъ я туды хожу, говорилъ онъ самъ въ себѣ? Не за тѣмъ ли, чтобъ сносить упреки и презрѣніе одного изъ подлѣйшихъ жи-

вотныхъ? Между тѣмъ, какъ всѣ меня обожаютъ, и почитаютъ за свято единое слово устъ моихъ. Однако же, что я предъ животнымъ, котораго Богъ покровительствуетъ? Ничто. Ахъ! Дакіаносъ, какой стыдъ! Но по крайней мѣрѣ я умѣлъ скрыть оной, не взирая на сего Бога, которой толико меня мучитъ. Усилія его будутъ тщетны противъ моего распоряженія. Сколь счастливъ я, что подданные мои не извѣстны о такомъ злоключеніи! Сколь разумно приказалъ я заградить стѣною отверстіе пещеры, и поставленными войсками пресѣкъ всѣмъ смертнымъ способы къ оной приближиться! Но какимъ образомъ могутъ они жить тамъ съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ заключилъ?

Окончаніе будетъ впредь.

РАЗНЫЯ КАРТОШНЫЯ ШТУКИ И ПРОЧІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

УВЕСЕЛЕНІЕ I.

Пересказать всѣ карты въ игрѣ.

Возьми полную игру картъ, состоящую изъ 52 картъ, и разложи ихъ слѣдующимъ порядкомъ, которой должно вытвердить наизусть:

Тузъ, пятерка, девятка, валетъ, шестерка, четверка, двойка, король, семерка, осмерка, крала, тройка и десятка.

Кромѣ сего перваго порядка, расположи карты по мастямъ, *вины, черви, кресты и бубны,* то есть, чтобъ сіи 52 карты были подобраны слѣдующимъ образомъ:

1 тузъ винновой.	7 двойка крестовая.
2 пятерка червонная.	8 король бубновой.
3 девятка крестовая.	9 семерка винновая.
4 валетъ бубновой.	10 осмерка червонная.
5 шестерка винновая.	11 краля крестовая.
6 четверка червонная.	12 тройка бубновая.

13 десятка винновая.
14 тузъ червонной.
15 пятерка крестовая.
16 девятка бубновая.
17 валетъ винновой.
18 шестерка червонная.
19 четверка крестовая
20 двойка бубновая.
21 король винновой.
22 семерка червонная.
23 осмерка крестовая.
24 краля бубновая.
25 тройка винновая.
26 десятка червонная.
27 тузъ крестовой.
28 пятерка бубновая.
29 девятка винновая.
30 валетъ червонной.
31 шестерка крестовая.
32 четверка бубновая.
33 двойка винновая.
34 король червонной.
35 семерка крестовая.
36 осмерка бубновая.
37 краля винновая.
38 тройка червонная.
39 десятка крестовая.
40 тузъ бубновой.
41 пятерка винновая.
42 девятка червонная.
43 валетъ крестовой.
44 шестерка бубновая.
45 четверка винновая.
46 двойка червонная.
47 король крестовой.
48 семерка бубновая.
49 осмерка винновая.
50 краля червонная.
51 тройка крестовая.
52 десятка бубновая.

Сей порядокъ таковъ, что довольно знать одну карту изъ 52, дабы угадать какія за оною слѣдуютъ.

Примѣръ.

Желаютъ знать, какая карта слѣдуетъ за королемъ винновымъ, то надлежитъ, что въ первомъ предложенномъ здѣсь порядкѣ, за

королемъ слѣдуетъ *семерка*, а какъ масть, слѣдующая за *винами*, есть *черви*; то сія *семерка* должна быть *червонная*, за нею *осмерка крестовая*, за *осмеркою*, *краля бубновая*, за *кралею тройка винновая*, и такъ далѣе.

Расположивъ игру такимъ образомъ, и помня наизусть порядокъ картъ и мастей, дай снимать колоду сколько хотятъ разъ, и примѣтя исподнюю карту, называй по порядку всѣ слѣдующія за нею, начиная отъ первой сверьху и до послѣдней, которую при съемѣ примѣтишь въ низу.

Примѣчаніе. Естьли кто пожелаетъ сдѣлать, какое либо изъ слѣдующихъ увеселеній; то не должно портить вышеписаннаго порядка картъ; и такъ надлежитъ ихъ класть одна на другую, называя каждую карту.

УВЕСЕЛЕНІЕ II.

Назвать всѣ карты, которыя дать кому нибудь изъ колоды выдернуть.

Расположивъ карты по вышеписанному порядку, дай кому нибудь выдернуть изъ колоды нѣсколько картъ, но чтобъ то было сряду, и посмотрѣвъ искусно предшествующую имъ карту, называй по сказанному правилу, выдернутыя карты.

Прим. Надлежитъ непремѣнно примѣтить, сколько картъ будетъ выдернуто, дабы ошибкою не назвать оныхъ больше: ежели же не льзя того будетъ примѣтить; то должно тому человѣку приказать, чтобъ онъ клалъ на столъ по одной картѣ, по мѣрѣ какъ будешь ихъ угадывать.

УВЕСЕЛЕНІЕ III.

Узнать карту по духу.

Игра, будучи расположена, какъ выше сего сказано; то поднеси карты къ кому пожелаешь, и скажи ему, чтобъ онъ выдернулъ какую хочетъ карту, и раздѣливъ колоду

на двѣ части, въ томъ мѣстѣ, откуда карта будетъ вынута, возьми верьхнюю часть въ правую руку, и пальцомъ той же руки потрогавъ выдернутую карту, поднеси палецъ къ носу, и подъ предлогомъ, будьто нюхаешь оной, примѣть искусно ту карту, которая внизу верьхней колоды, по которой и узнаешь по вышеписанному способу, какая карта выдернута, и тогда назови ея, будьто узналъ по духу.

УВЕСЕЛЕНІЕ IV.

Давъ снять колоду картъ, узнать, четъ или нечетъ число картъ каждой части.

Для сего надлежитъ только знать, красная ли или черная исподняя карта; тогда снявъ колоду, естьли карта подъ снятою половиною такова же цвѣту, какъ и исподняя; то четъ; естьли же она другова цвѣту; то нечетъ.

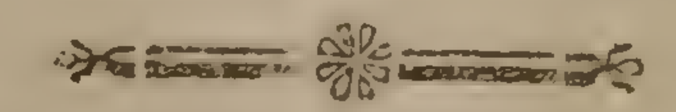
УВЕСЕЛЕНІЕ V.

Узнать число очковъ многихъ выдернутыхъ картъ.

Поднеся колоду картъ, такимъ же образомъ расположенныхъ, скажи, что бы выдернули изъ нея нѣсколько картъ, но только сряду; по томъ примѣть искусно, какая карта была надъ выдернутыми, и сколько картъ выдернуто: тогда можно легко счесть, сколько въ нихъ очковъ.

Примѣръ.

Естьли замѣченная карта девятка, и ежели выдернуто четыре карты; то узнаешь, что *валетъ*, стоящій десять очковъ, или сколько назначишь прежде фигурамъ, *шестерка*, *четверка* и *двойка*, кои составляютъ двенатцать очковъ, и скажешь, что всѣхъ очковъ въ выдернутыхъ картахъ дватцать два.

КАКЪ ПРИГОТОВЛЯТЬ СОСТАВЪ, ДЛЯ ДѢЛАНІЯ РАКЕТЪ ЛУЧШЕЙ ДОБРОТЫ.

Составъ ракетъ бываетъ различенъ, смотря по величинѣ ихъ. Составъ, изъ коего дѣлаютъ малыя ракеты, не годится для большихъ: ибо онъ для нихъ надмѣру силенъ: посилику огонь сожигаетъ больше матеріи въ широкой, нежели въ узкой трубкѣ. Для сей-то причины въ большія ракеты пороху не кладется. И такъ должно примѣчать различную величину ракетъ, и слѣдовать въ составленіи оныхъ слѣдующимъ пропорціямъ.

Должно примѣтить, что вмѣсто показанныхъ фунтовъ можно положить унціи, когда не пожелаешь имѣть столь большое количество матеріи.

Отъ 60 до 100 фунтовъ.

Прибавь къ тремъ фунтамъ селитры фунтъ сѣры и два фунта толченаго угля.

Отъ 30 до 60 фунтовъ.

Прибавь къ 30 фунтамъ селитры 7 фунтовъ сѣры и 18 фунтовъ угля.

Отъ 18 до 30 фунтовъ.

Прибавь къ двадцати одному фунту селитры шесть фунтовъ сѣры и тринатцать фунтовъ угля.

Отъ 12 до 18 фунтовъ.

Прибавь къ четыремъ фунтамъ селитры фунтъ сѣры и два фунта угля.

Отъ 9 до 12 фунтовъ.

Прибавь къ 62 фунтамъ селитры 9 фунтовъ сѣры и 20 фунтовъ угля.

Отъ 6 до 9 фунтовъ.

Прибавь къ 7 фунтамъ селитры 1 фунтъ сѣры и 2 фунта угля.

Отъ 4 до 6 фунтовъ.

Прибавь къ 8 фунтамъ селитры 1 фунтъ сѣры и 2 фунта угля.

Отъ 2 до 4 фунтовъ.

Прибавь къ 60 фунтамъ селитры 2 фунта сѣры и 15 фунтовъ угля.

Для фунтовыхъ.

Къ 16 фунтамъ пороху фунтъ сѣры и 3 фунта угля. Или къ 9 фунтамъ пороху прибавь 4 фунта селитры, фунтъ сѣры и 2 фунта угля.

Для 12 унцовыхъ.

Къ 9 фунтамъ пороху, прибавь 4 фунта селитры, фунтъ сѣры и 2 фунта угля.

Для 8 унцовыхъ.

Прибавь къ 30 фунтамъ пороху 24 фунта селитры, 3 фунта сѣры и 8 фунтовъ угля.

Отъ 5 до 6 унцій.

Прибавь къ 30 фунтамъ пороху 24 фунта селитры, 3 фунта сѣры и 18 фунтовъ угля.

Для 4 унцовыхъ.

Прибавь къ 24 фунтамъ пороху 4 фунта селитры, 2 фунта сѣры и 3 фунта угля.

Отъ 2 до 3 унцій.

Прибавь къ 24 фунтамъ пороху 4 фунта селитры, фунтъ сѣры и 3 фунта угля.

Отъ полъунціи и до унціи.

На 15 фунтовъ пороху положи два фунта угля.

Для меньшихъ ракетъ.

Прибавь къ 9 или 10 фунтамъ пороху фунтъ, или полтора, угля.

Опредѣливъ такимъ образомъ пропорцію различныхъ матерій, входящихъ въ составленіе ракетъ, надлежитъ, прежде приготовленія оныхъ, истолочь каждую изъ сихъ матерій особливо, просѣять сквозь сито, и по томъ свѣсивъ, смѣшать вмѣстѣ, и начинять патроны, или трубки, которые должны быть сдѣланы изъ картузной бумаги, вдвое склѣеной пшеничнымъ клейстеромъ. А какимъ образомъ доканчивать ракеты, о томъ будетъ сказано въ слѣдующей части.

КОНЕЦЪ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Статья Економическая.

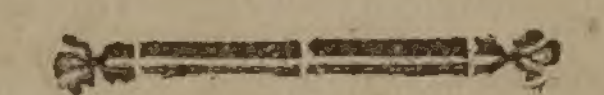
Стран:

Статья Нравоучительная.

Стран.

Статья Историческая.

Статья Увеселительная.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	стро.	напечатано.	Читай.
38	10	лѣсомъ	льдомъ
74	20	отума	опіума
121	20	Онекрокритика	Онейрокритика
123	7	сновидѣнія своего	сновидѣніе свое
149	19	назначенный	назначенъ
150	19	беззаконнинъ	беззаконникъ
162	23	бысаетъ	бываетъ
176	2	Целое	Цѣлое
187	12	вредящему	врѣдящему
188	3	оныхъ	онаго
190	7	подарить	подаритъ
213	16	испытали	отвѣдали
218	3	находилися	находилося
238	8	онѣ	они
239	3	утвержаютъ	утверждаютъ
240	8	о бракосоченіи	о бракосочетаніи
241	1	шестіе	шествіе
---	18	издержитъ	издержалъ
255	20	на сраженіи.	на сраженіи,
259	8	прощеніе.	прощенія.
316	28	надлежитъ,	надлежитъ помнить,

